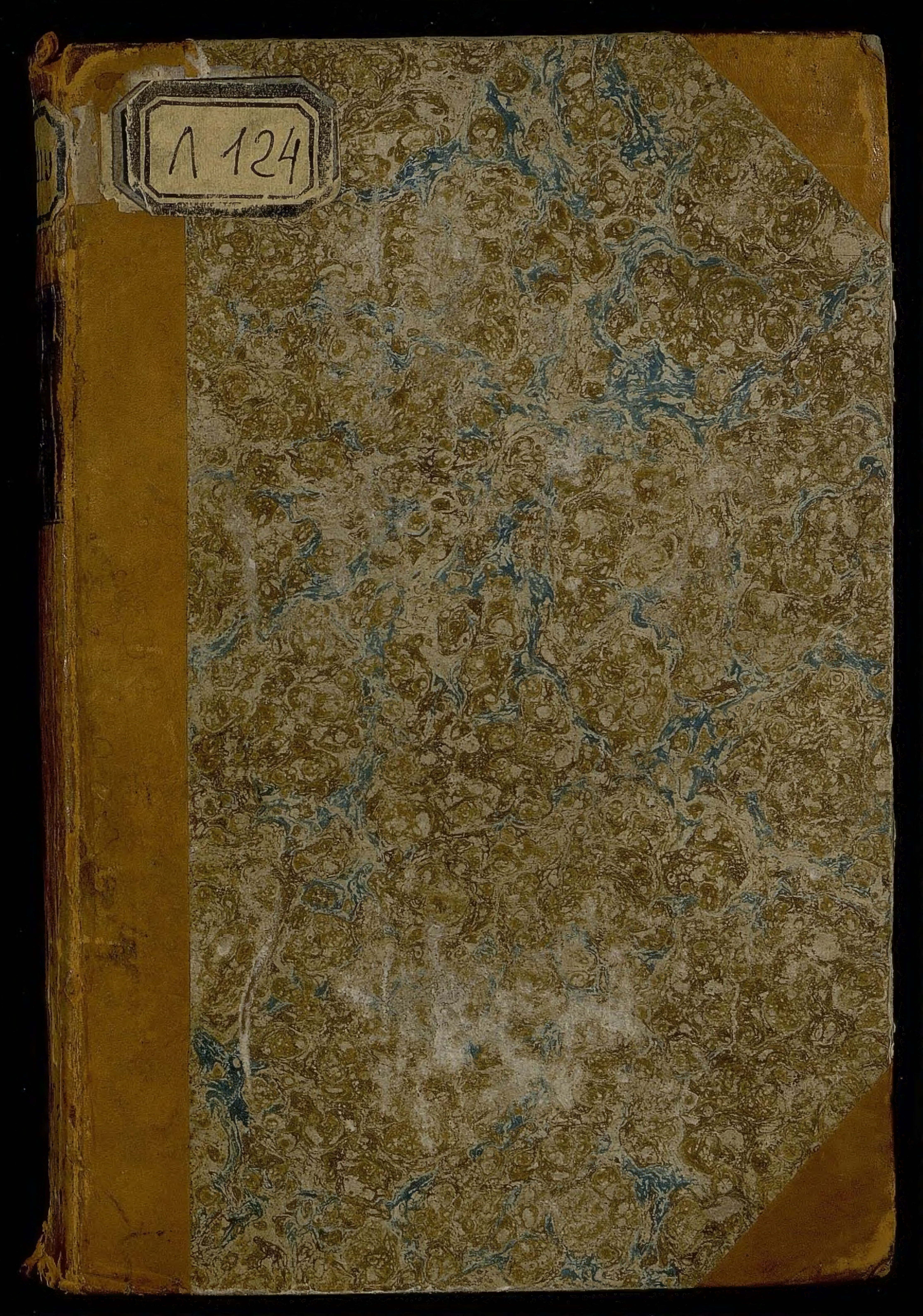
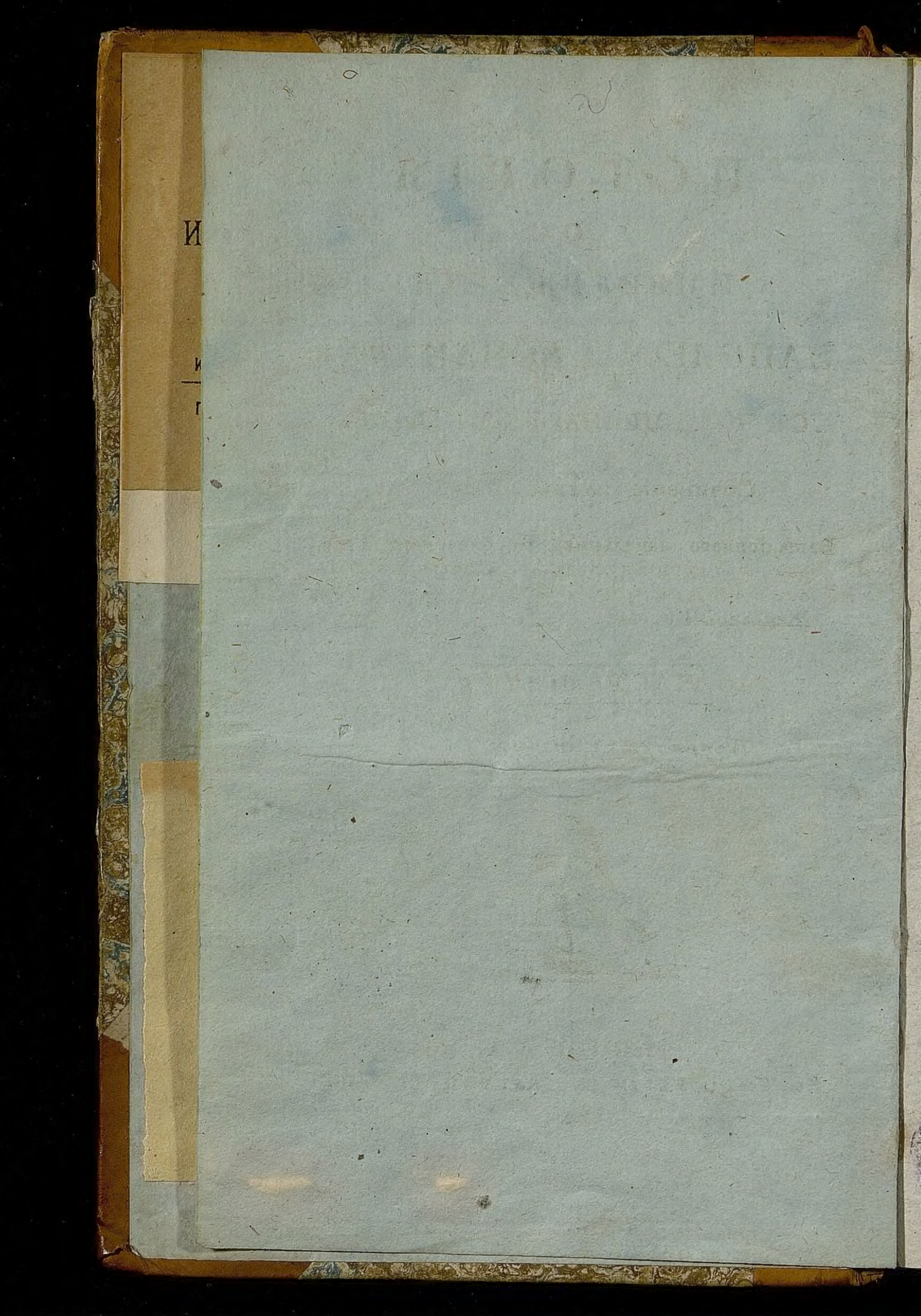

Λ 124

ИСТОРІЯ
О
НИЗВЕРЖЕНІИ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ
СЪ ПОХИЩЕННАГО ИМЪ ТРОНА.

Сочиненіе Евгенія ЛА-БОМА,

Баталіоннаго начальника Королевскаго Гвардейскаго корпуса, Кавалера Почетнаго Легіона и Императорскаго Австрійскаго ордена Желѣзной Короны.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1823.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго просвѣщенія два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Апрѣля 27 дня 1822 года. Книгу сію разсматривалъ Надворный Совѣтникъ, Философіи Докторъ и Экстра-Ординарный Профессоръ

Николай Бекетовъ.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

Господину

ГЕНЕРАЛУ ОТЪ КАВАЛЕРІИ,

Московскому

военному генералъ-губернатору,

Государственнаго Совѣта Члену, Главноначальствующему въ Коммисіи для строеній въ Москвѣ и разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ орденовъ Кавалеру

КНЯЗЮ

ДМИТРІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ

ГОЛИЦЫНУ.

Сіятельнѣйшій Князь!

Милостивый Государь!

Какъ покровителю наукъ, какъ начальнику Москвы и какъ сподвижнику въ священной брани противъ хищника престоловъ, я осмѣливаюсь посвятить исторію о паденіи всеобщаго врага, разрушителя Москвы, сей древней и первопрестольной Столицы.

Сіятельнѣйшій Князь! позвольте мнѣ ласкаться пріятною надеждою, что Вы удостоите снисходительнаго воззрѣнія слабый трудъ мой и позволите украсить оный достославнымъ Вашимъ именемъ!

Съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію имѣю щастіе пребыть

Сіятельнѣйшій Князь!

Милостивый Государь!

Вашего Сіятельства,

Покорнѣйшій слуга

Переводчикъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Пятой Части.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Бонапарте снова появляется во Франціи.

Содержаніе.

Конвенція, заключенная Графомъ д'Аршоа съ союзными Государями. — Поступки Маршала Даву въ Гамбургѣ — Происшествія въ Италіи. — Прощаніе Принца Евгенія съ Италіянскимъ народомъ и арміею. — Свойства сего Принца. — Папа возвращается въ Римъ. — Прибытіе во Францію Людовика XVIII — Трактатъ, заключенный съ союзными Монархами. — Похвала Россійскому Императору. — Конституція. — Высадка Бонапарта въ Каннѣ. — Поступки Генерала Камброня. — Поступокъ Бонапарта съ Княземъ Валентинскимъ. — Вступленіе его въ Грассъ. — Ужинъ въ Баррежѣ. — Низкой поступокъ Префекта въ Динѣ. — Гренобльскія дѣла. — Французскія войска пристаютъ къ сторонѣ Бонапарта. — Лазутчики Бонапарта. — Войска Герцога Тарентскаго присоединяются къ Бонапарту. — Вступленіе его въ Ліонъ. — Дальнѣйшее путешествіе къ Парижу.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

НОВОЙ ЗАГОВОРЪ.

ИСТОРІЯ

О

НИЗВЕРЖЕНІИ

НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Какѣ скоро судьба возмутителя Европы казалась утвержденною, то Союзные Государи, для окончанія великаго своего предпріятія касательно заключенія всеобщаго міра, соединились вѣ Парижѣ. Австрійскій Императорѣ, отказавшійся вѣѣзжать вѣ сей городѣ, когда государственныя причины побуждали его заставить дочь свою сойти сѣ престола, на которой онѣ самѣ возвелѣ ее, пріѣхалѣ вѣ

Парижѣ въ то время, какъ когда сей суровый, но необходимый актъ былъ окончанъ. Вскорѣ послѣ того Союзные Государи, вмѣстѣ съ Лордомъ Кастельригомъ старались заключить скорый и твердый миръ; умѣренность и справедливость, присудствуя при Августѣйшемъ семъ совѣтѣ, могли навсегда утвердить благословеніе Франціи и спокойствіе Европы.

Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, на коихъ выгоды Франціи съ жаромъ были защищаемы Принцомъ Талейраномъ, Графъ д'Артуа подписалъ конвенцію съ Союзными Государями (23 Апрѣля), которые обязывались сохранить цѣлость Французскихъ владѣній, съ тѣмъ, чтобы границы Королевства были тѣ же, какіе существовали 1 Генваря 1792 года; чтобы крѣпости, лежащія за новыми сими предѣлами, были также очищены Французскими войсками; чтобы уступлены были 53 крѣпости, и чтобы всѣ плѣнники возвращены были въ свое отечество. Графъ д'Артуа не могъ отказаться отъ подписанія сего договора; ибо Союзные Государи могли предписывать условія, желая

ускорить учрежденіемъ благоденствія во Франціи. Принцъ наименовалъ Королевскихъ Коммисаровъ, и препоручилъ имъ отправиться въ департаменты Королевства, прекратить всѣ злоупотребленія по конскрипціи и прочимъ дѣламъ. Онъ, уполномочивая симъ актомъ истреблять зло и просвѣщать народъ, сказалъ имъ при отъѣздѣ: *Господа! не переставайте повторять даже въ самой убогой хижинѣ, что Король ѣдетъ во Францію съ чувствованіями отца, и что онъ самъ будетъ раздѣлять всѣ бѣдствія дѣтей своихъ до тѣхъ поръ, какъ оные исправятся.*

Сей договоръ повсюду съ точностію исполняли, но такъ какъ сообщеніе объ ономъ корпусу, заключенному въ Гамбургѣ, было сдѣлано неправильно, то *Принцъ Экмюльскій* отвѣчалъ *Генералу Бенигсену*, извѣстившему его объ отрѣшеніи Наполеона, что честный человѣкъ не почитаетъ себя освобожденнымъ отъ присяги, когда съ Государемъ его случились нещастія. Таковая упорность служила препятствіемъ непріятелямъ и раздражала жителей Гамбурга, коихъ бѣдствія продолжались тогда. Они обвиняли

Маршала въ томъ, что онъ приказалъ стрѣлять по знамени Бурбуновъ; но въ послѣдствіи онъ доказалъ, что стрѣлялъ въ символъ мира съ угрозами представленной ему непріятелемъ. Со всѣмъ тѣмъ онъ прислалъ изъявленіе своей покорности, какъ скоро получилъ извѣстіе о произшествіяхъ, случившихся во Франціи не черезъ *Бенигсена*, которому онъ долженъ былъ недовѣрять, но черезъ одного изъ своихъ родственниковъ. Онъ немедленно приказалъ выставить бѣлое знамя, призналъ Лудовика XVIII, и обѣщалъ, что какъ онъ, такъ и армія его посвятитъ всю свою жизнь потомкамъ Генриха IV и Лудовика XIV. (*) Послѣ того Гамбургскій Бергенъ-опъ-Цоомской и Магдебургской гарнизоны, оставшіеся побѣдоносными послѣ самыхъ жесточайшихъ приступовъ, имѣли честь вступить во Францію съ оружіями, которыя прославляли отечество и никогда не преклонялись предъ непріятелемъ.

(*) Записка Маршала Даву, Принца Экмюльскаго.

Генералъ *Мезонъ*, укрѣпившійся подъ стѣнами *Лилля*, по овладѣніи *Гандомъ*, соединился съ дивизіею *Роге*: въ окружностяхъ *Куртре* происходили военныя сшибки съ Саксонцами. Послѣ тщетнаго покушенія на Турне упомянутый Генералъ готовился снабдить съѣстными припасами *Мобежъ*, какъ вдругъ узналъ подъ стѣнами сей крѣпости о перемѣнахъ, произшедшихъ въ Парижѣ; онъ немедленно возвратился въ Лилль, гдѣ и заключилъ условіе прекратить военныя дѣйствія. Повелѣнія временнаго правительства были худо перетолкованы, и горнизонъ почелъ себя распущеннымъ. Съ того времяни сдѣлался величайшій безпорядокъ и побѣги. Но Генералъ *Мезонъ* твердостію своею вразумилъ солдатъ, что хотя они освобождены отъ клятвъ, данныхъ Наполеону, но со всѣмъ тѣмъ не должны *забывать своихъ обязанностей* и долга гражданина къ отечеству.

Въ Нидерландахъ Агличане почитали весьма важнымъ занятіемъ Антверпенъ, для того, чтобы овладѣть флотомъ и огромными морскими заведеніями, учрежденными Наполеономъ; они требовали у Гене-

рала Карно сдачи. Сей искусный воинъ, не взирая на упорную оборону, не навлекъ на себя ненависти жителей. Какъ скоро онъ получилъ извѣстіе, что Бурбоны возстановлены на престолъ, то хотя и подавалъ голосъ на смерть Лудовика XVI, но отослалъ прошеніе къ времянному правительству, изъявляя свое повиновеніе. Адмиралъ *Вергюель* также покорился съ Тексельскимъ флотомъ послѣ шестимѣсячнаго сопротивленія, и Баіонской гарнизонъ, прославившійся побѣдою, одержанною надъ Английскимъ корпусомъ, которой держалъ ихъ въ осадѣ, призналъ Лудовика XVIII.

Времянное правительство, по отрѣшеній Наполеона, отозвало армію, укрѣпившуюся на берегахъ *Минціо*, прежде нежели союзные Государи успѣли рѣшить участь Италіи. Австрія, нетерпѣливо желающая занять оную, какъ залогъ всего ею требуемаго, оставила прелестную страну сію въ добычу ужаснѣйшихъ безпокойствъ, произшедшихъ отъ неизвѣстности. Италія, составляющая вторый престолъ Наполеона, повинующаяся долгое время Французской Имперіи, коей славу она раздѣляла, долженствовала быть уг-

неттенною одинаковыми бѣдствіями. Исторія ихъ была общая, и я вкратцѣ намѣренъ разсказать, какъ кончилось Королевство, которое будучи жертвою чрезмѣрнаго честолюбія, пало, не получивъ ничего для своего благополучія.

Движеніе Наполеона на *Сентъ-Дизіеръ* подало минутную надежду Италійской арміи, которая всегда ожидала получить повелѣніе отправиться въ Швейцарію, чтобы дѣйствовать съ тылу непріятеля. Опасаясь, что сіе дѣйствіе не будетъ имѣть надлежащаго успѣха, Неаполитанскій Король не осмѣлился ничего предпринять. Но одинъ изъ Союзныхъ Монарховъ отправилъ къ нему своего Генералъ-Адъютанта съ предложеніемъ, чтобъ онъ владѣлъ Піаченцею, и чтобы по изгнаніи Французовъ изъ Ломбардіи онъ соединился съ Англинскимъ корпусомъ, коему препоручено было овладѣть *Генуей.* Но Іоахимъ не прежде, какъ чрезъ нѣсколько дней, то есть, когда получилъ извѣстіе о возмущеніи, произшедшемъ въ Парижѣ, рѣшился исполнить сей планъ. Генералъ Мокюнь, укрѣпившійся подъ стѣнами Піаченцы, имѣлъ только шесть тысячь чело-

вѣкѣ; онѣ воспользовался мѣстоположеніемѣ и всѣми представившимися ему средствами сѣ такимѣ успѣхомѣ, что Австрійцы вѣ послѣдствіи обвинили Іоахима вѣ томѣ, что онѣ измѣнилѣ ихѣ всей экспедиціи.

Сраженіе при *Мингіо*, данное Вице-Королемѣ, поставило преграду легкимѣ успѣхамѣ Австрійцевѣ. *Принцѣ Евгеній*, побѣдитель двухѣ армій, изѣ коихѣ каждая была сильнѣе его, удерживался еще на сей рѣкѣ, тѣмѣ временемѣ какѣ непріятель занималѣ всѣ знатнѣйшіе города Франціи. Нѣсколько дней всѣ находились вѣ совершенномѣ бѣдствіи; но непріятные слухи распространили уже безмолвное смятеніе, и произвели вѣ Мантуйскомѣ дворцѣ глубокую горесть. Оная еще болѣе увеличилась, когда Вице-Королева оставила Миланѣ и со всемѣ семействомѣ присоединилась кѣ своему супругу при звукѣ оружій и, такѣ сказать, посреди сраженій. Армія не могла безѣ смущенія видѣть сію юную, прелестную Принцессу, одаренную сердечными и душевными качествами, ищущую убѣжища вѣ военной крѣпости, наполненной солдатами и угрожае-

мой осадою. При шаковыхЪ шо горесшныхЪ предзнаменованiяхЪ чрезЪ нѣсколько дней она разрѣшилась отЪ бремени дочерью. Почесши, воздаваемые ему вЪ семЪ случаѣ, были смѣшаны сЪ мрачною меланхолiею. Всѣ приводили себѣ на память шѣ щасшливыя времяна, вЪ которыя сiя Принцеса, знаменишая своими добродѣшелями, прiятносшями и благочесшiемЪ, оказала себя сшоль досшойною шого пресшола, на которомЪ опредѣлена была царсшвовашь.

АвсшрiйЦы чрезЪ парламеншеровЪ извѣсшили Вице-Короля о взяшiи Парижа и о перемѣнѣ правишельсшва. ВечеромЪ шого же дня Баварскiй ГенералЪ *ВаршембергЪ ТанбергЪ* и ГенералЪ *НейпергЪ* начальникЪ Авсшрiйскаго авангарда, присили у него свиданiя. Оное происходило вЪ замкѣ *Рицципо*. Будучи увѣренЪ, что всѣ непрiязненныя дѣйсшвiя между Французскими и союзными войсками прекрашились, Вице-Король не колебался возврашишь Ишалiйскую армiю шому правишельсшву, которому оная принадлежала; но никакой официiальный акшЪ не предписывалЪ ему, чтобы происшедшая во Францiи перемѣна долженсшвовала засшавишь его сло-

жить съ себя званіе верховнаго начальника Италіи, не желая удерживать власть коей онъ былъ ни что иное, какъ блюститель. *Принцъ Евгеній* почиталъ должнымъ печься еще о выгодахъ народа, коимъ до того времяни онъ управлялъ съ большою похвалою. Онъ воображалъ, что если определено будетъ верховному владычеству Италіи перейти къ другому, то по крайней мѣрѣ, управляя до того времяни Государствомъ, онъ предохранитъ оное отъ безпорядковъ и мятежей.

Всѣ крѣпости Венеціанскихъ владѣній долженствовали быть возвращены Австріи. По сему условію Италіянскія войска продолжали занимать прочія мѣста Государства. Французская армія, передъ вступленіемъ въ походъ, пришла проститься съ Вице-Королемъ, которой въ продолженіи девяти лѣтъ начальствовалъ и со славою и честію. Въ такомъ горестномъ случаѣ Принцъ чувствовалъ, сколь тягостно бремя верховнаго владычества: ибо оно принуждаетъ жертвовать своимъ обязанностямъ всѣмъ, что мило для сердца. Храбрые воины, которые столько разъ подвергали опасностямъ на сраже-

ніяхЪ жизнь свою, проливали слезы умиленія, разлучаясь сЪ тѣмЪ, кто предводительствовалЪ ими на полѣ брани. Прощаніе Вице-Короля и отвѣты ГенераловЪ, внушенные чувствованіемЪ взаимнаго уваженія, могутЪ служить превосходною похвалою для Принца и для арміи.

ВЪ то же время Англичане, очиствивЪ *Тоскану*, атаковали *Геную* сЪ сухаго пути и сЪ моря. АдмиралЪ *ПелевЪ*, коего парламентеры не были принимаемы сЪ того времяни, какЪ онЪ старался воспламенить мятежЪ вЪ городѣ, приказалЪ положить на каменную скалу донесенія, содержащія происшествія вЪ Парижѣ. Сіи извѣстія, бывЪ подтверждены пришедшими изЪ Турина, произвели сильное волненіе между Генуесцами, ожидавшими возстановленія своей республики. ГенералЪ Фрезіа, ГубернаторЪ города, по ужаснѣйшей атакѣ, видя, что возмущеніе усиливается, и что содержаніе депешей подтверждается прекращеніемЪ военныхЪ дѣйствій между ГенераломЪ *БеллегардомЪ* и *ПринцемЪ ЕвгеніемЪ*, уполномочилЪ Мера и Епископа отправиться кЪ Лорду *Бентингу* и просить его остановить непріяз-

ненныя движенія. Сей Англинскій Генералъ, коему мореходство и арсеналы гораздо были нужнѣе, нежели свобода Генуезцамъ, требовалъ сдачи города. Тѣмъ времянемъ народное смятеніе находилось въ величайшей степени и Республиканское знамя развѣвалось на всѣхъ колокольняхъ. Оное утишилось при чтеніи прокламаціи, въ коей Лордъ *Бетингъ* увѣрялъ, что будетъ возстановлено прежнее правленіе; хотя за четыре мѣсяца передъ тѣмъ Лордъ *Батурстъ* сообщилъ ему повелѣніе занять *Геную* имянемъ Сардинскаго Короля; но Лордъ *Бентингъ* не захотѣлъ сего сдѣлать, опасаясь довести народъ до отчаянія, ибо свобода была драгоцѣннѣйшимъ его желаніемъ. Такимъ образомъ мнимая сія свобода, обѣщанная Англичанами и Австрійцами, заставила Генуезцовъ повсемѣстно сокрушить знаки Французскаго Правительства.

Все заставляло надѣяться Италійскіе народы, что при заключеніи всеобщаго мира независимость ихъ утвердится; и для того просили Герцога Лоди, Президента Сената, уговорить Сенаторовъ, чтобы послать его къ Союзнымъ Государямъ и

изъяснить имъ чувствованія народа. Въ столь затруднительномъ обстоятельствѣ, опасаясь унизить свое достоинство, поставя предлогомъ подагру онъ приказалъ написать по Французски сообщеніе и отправилъ его въ собраніе Сенаторовъ. Большая часть изъ нихъ, столь хорошо постигала свои обязанности, что не внимали обольщенію и не устрашились ни восклицаній черни, ни подстрѣканій старинныхъ дворянъ, которые со времяни нашихъ бѣдствій старались вступить подъ владычество Австріи.

Сообщеніе Герцога Лоди представляло картину положенія Королевства; онъ оканчивалъ ее, обнаруживая желаніе отправить депутацію къ Союзнымъ Державамъ для испрошенія мира, независимости, и чтобы *Принцъ Евгеній* оставался по прежнему Королемъ. Сенатъ безъ разсужденія не хотѣлъ ничего принять; почему и назначена была коммисія для разобранія сего предмета вообще съ *Герцогомъ Лоди*; но сей вмѣсто того, чтобы защищать, доказывалъ чернавою бумагою, что содержаніе сообщенія, писаннаго на Французскомъ языкѣ, внушено ему волею

чужестранцевъ. Тогда рѣшили, чтобы изъ трехъ пунктовъ, составлявшихъ предметъ разсужденія, два только были исполнены. Но мятежники, замышлявшіе произвести бунтъ, не удовольствовались рѣшеніемъ Сената; они вознамѣрились опровергнуть сей могущественный корпусъ, и стремились къ республиканскому правленію. Собравшись во множествѣ, они подписали адресъ, требуя снова владычества Сената; и чему едва повѣрить можно, начальники сего заговора состояли большею частію изъ людей, украшенныхъ знаками отличій, служащихъ при дворѣ и осыпанныхъ благодѣяніями Принца Евгенія.

Миланцы находились въ такомъ состояніи, какого невозможно изобразить; они ожидали только случая къ возмущенію, и оный представился. По прибытіи нѣсколькихъ Австрійскихъ Офицеровъ, посланныхъ для распоряженія всего, что нужно для прохода войскъ, долженствовавшихъ чрезъ нѣсколько дней слѣдовать за Французскою арміею, прибытіе чужестранныхъ Офицеровъ заставило чернь полагать, что власть Вице-Короля совер-

шенно уничтожена. Вѣ таковомѣ уповаціи оно собралось вокругѣ Сената, созваннаго для засѣданія, и на пріѣздѣ каждаго Сенатора рукоплескали или свистали, смотря по тому, одобрялѣ онѣ или осуждалѣ сообщенія *Герцога Лоди.*

Какѣ скоро Сенаторы собрались, то начальники націанальной гвардіи испрашивали чести надзирать за безопасностію засѣданія. Президентѣ на то согласился. Едва получено было сіе позволеніе, какѣ тѣ, кои располагались быть блюстителями порядка и спокойствія, сѣ дерзостію ворвались вѣ залу собранія и сѣ крикомѣ требовали созванія избирательныхѣ коллегій и возвращенія депутаціи, тайно отправленной кѣ Союзнымѣ Государямѣ. Президентѣ, не вѣ силахѣ будучи противиться бурѣ, безѣ всякаго размышленія написалѣ на листѣ бумаги: *Сенатъ возвратитъ депутацію и соберетъ избирателей коллегіи.* Сенаторы, устрашенные буйствомѣ черни, требовавшей головы многихѣ изѣ нихѣ, бѣжали вѣ разныя стороны отѣ ярости мятежниковѣ, которые, не удовольствовавшись симѣ успѣхомѣ, разбивали мебели и вѣ ку-

ски изорвали портретъ Наполеона, писанный знаменитымъ Аппіани.

Когда все было разграблено въ Сенатѣ, то начальствующіе мятежники кричали, что надобно излить мщеніе на Министровъ. При сихъ словахъ бунтовщики изъявили ненависть свою противъ Графа Прины, Министра Финансовъ. Его заранѣе предувѣдомили объ угрожающей опасности; но Графъ, какъ честной человѣкъ, не хотѣлъ оставить своего поста, зная навѣрное, что Миланцевъ легко укротить. Уже во время очевидной опасности сей нещастный началъ помышлять о спасеніи, но поздно: домъ его былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, мятежники вытащили его изъ убѣжища, въ которое онъ скрылся, ограбили, избили и изъ перваго этажа выбросили на улицу. Хотя сія ужасная сцена происходила не далеко отъ различныхъ постовъ національной гвардіи, но ни одинъ человѣкъ не прибѣжалъ воспрепятствовать столь гнусному злодѣянію. Прина, содѣлавшійся добычею свирѣпой черни, ухватился за желѣзную дверь у церкви и просилъ послѣдней милости, чтобы ему позволено было вручить душу

свою Богу; но злодѣи отказываютъ ему въ томъ, и желая отвлечь отъ двери, бьютъ его по рукамъ. Когда онъ ушелъ въ лавку одного купца, они готовились уже зажечь ее, но жертва вдругъ предстала и сказала убійцамъ: *излейте на меня ярость вашу.* Болѣе десяти часовъ сей нещастный тщетно испрашивалъ смерти; производили ужаснѣйшія жестокости въ глазахъ тѣхъ самыхъ людей, которые наканунѣ обѣдали за его столомъ, или просили его покровительсства. Перо мое не въ силахъ изобразить всѣхъ ужасовъ сего медленнаго и горестнаго томленія. До самой полночи окровавленный трупъ его былъ влачимъ, при свѣтѣ факеловъ, по всѣмъ частямъ города. Когда его начали хоронить, то тѣло его было обезображено и изуродовано до такой степени, что не имѣло даже человѣческаго образа. Такова была плачевная кончина человѣка, одареннаго великими дарованіями, коего скудное состояніе, при управленіи величайшими сокровищами, служитъ неоспоримымъ доказательствомъ его нравственности. Единственное его преступленіе состояло въ томъ, что онъ почитался строгимъ ис-

полнителемъ воли Наполеона и часто прибѣгалъ къ насильственнымъ средствамъ для доставленія сокровищъ правительству, которое мятежники не прежде вздумали ниспровергнуть, какъ въ то время, когда уже лишились надежды раздѣлять его успѣхи; совсѣмъ тѣмъ большая часть Европейскихъ городовъ, стонавшихъ подъ владычествомъ Французовъ, благоразумно снискали свою независимость; а одинъ только Миланъ, болѣе всѣхъ благоденствующій при семъ владычествѣ, почиталъ должнымъ основать свою свободу на возмущеніи и убійствѣ своихъ Министровъ.

Когда главнѣйшіе изъ жителей сей столицы ниспровергнули прежнее правительство, тогда они замѣнили власть Сената избирательною Коллегіею, ничтожною по малочисленности своей, незнанію въ дѣлахъ и особенно по мятежническому духу. Въ таковомъ безначаліи Королевство снова должно подпасть подъ иго военное; но Принцъ Евгеній вмѣсто того, чтобы отрядить на Миланъ часть своихъ войскъ, согласовался съ трактатомъ, заключен-

нымъ въ Фоншенебло, посредствомъ коего Наполеонъ отказывался за себя и за всѣхъ членовъ своего семейства отъ владычества надъ Италїею. Онъ ограничился единственно для прекращенїя безпорядка заключенїемъ, посредствомъ Италїанскаго Генерала Зюкки, конвенцїи, въ коей было поставлено, чтобы Австрїйскїя войска, занявъ Королевство Италїанское имянемъ союзныхъ державъ, уважали гражданское и военное установленїе. Потомъ Принцъ Евгенїй простился съ народомъ и съ Италїйскою армїею столь благороднымъ и трогательнымъ образомъ, что прокламацїя его всегда будетъ почитаема образцомъ краснорѣчїя: она произвела столь живѣйшее смущенїе, что среди сего великаго нещастїя, злополучїя Евгенїя и семейства его раздавались въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, сей Принцъ, въ награду за превосходныя свои распоряженїя не извлекъ никакой выгоды, кромѣ той, что лучше постигнулъ то высокое правило, которое выражалъ Наполеонъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ: *сынъ мой, не полагайся никогда на благодарность народовъ.*

Миланѣ лишился вѣ Вице-Королевѣ образца Царскихѣ и приватныхѣ добродѣтелей, бывшей великодушною покровительницею всѣхѣ нещастныхѣ. Принцѣ Евгеній отправился вѣ Миланѣ, а потомѣ вѣ Парижѣ, гдѣ вѣрность его и заслуги могли бы служить могущественнымѣ вспомоществованіемѣ для Монархіи; ибо онѣ не имѣлѣ никогда другаго честолюбія, кромѣ исполненія своей обязанности. Но придворные интриги и ревность его совмѣстниковѣ славы заставили его отказаться отѣ предложеній, которыя могли бы предупредить величайшія бѣдствія, особливо вѣ такое время, когда тронѣ имѣлѣ нужду вѣ опорѣ, а армія вѣутѣшеніи. Сей Принцѣ хотя и былѣ принятѣ Королемѣ, но не нашедѣ довѣренности, соотвѣтственной своему праводушію, поѣхалѣ искать убѣжища кѣ тестю своему Баварскому Королю, коему привезѣ вѣ удѣлѣ дарованія свои, славу и уваженіе цѣлаго свѣта. Онѣ былѣ принимаемѣ сѣ радостію даже тѣми, противѣ коихѣ велѣ войну: утѣшительное зрѣлище для друзей добродѣтели, которые радовались, видя, что послѣ та-

ного числа трудовъ онъ нашелъ спокойствіе.

Французская армія, бывъ принуждена оставить Италію, нѣсколько разъ бросала грозные взоры на слѣдующихъ за нею Австрійцевъ; она сожалѣла, что не можетъ употребить своего оружія. Пришедъ на вершины Альпійскихъ горъ, она съ сердечнымъ умиленіемъ разсматривала ту прелестную страну, которую прославила своими подвигами и коей независимость она не могла утвердить своею кровію. Въ продолженіи сего жестокаго путешествія не раздался ни малѣйшій ропотъ. Военачальники и солдаты покорились повелѣніямъ признаннаго правительства. Вступивъ въ предѣлы Франціи, они закрыли орлы свои, которые осмѣлилась оскорблять грубая чернь, забывая въ восторгѣ своемъ, что тѣмъ оскорбляетъ собственную славу.

Во время сихъ великихъ происшествій трогательнѣйшая сцена приготовлялась въ столицѣ древняго міра. Наполеонъ, отправившій Папу во внутренность Франціи, и опасаясь, чтобы Союзные Государи

не освободили его, рѣшился отослать его въ Римъ, будучи увѣренъ, что восторгъ, произведенный его прибытіемъ, опровергнетъ предпріятія Неаполитанскаго Короля. Продолжительныя обиды, каковыя Пій VII переносилъ изъ любви къ религіи, достигли наконецъ предѣла. Совсѣмъ тѣмъ онъ не выѣзжалъ еще изъ Франціи; и времянное правительство имѣло честь ускорить возвращеніе его въ свои владѣнія. Іоахимъ тому воспротивился; онъ долгое время удерживалъ его въ Картезіанскомъ монастырѣ, во Флоренціи, и не соглашался возвратить свободы до тѣхъ поръ, какъ уже былъ принужденъ къ тому Австрійцами. О прибытіи его въ Римъ заранѣе извѣстили. Всѣ городскіе чиновники, въ сопровожденіи гражданской гвардіи и Австрійскихъ и Неаполитанскихъ войскъ, вышли къ назначенному мѣсту.

Карлъ IV, бывшій Испанскій Король, супруга его и Экс-Королева Этрурійская выѣхали на встрѣчу главы церкви и представились его святѣйшеству въ ту самую минуту, какъ онъ вышелъ изъ кареты. Сіе соединеніе, составленное изъ

августѣйшихъ жертвъ разрушеннаго тиранства, извлекло слезы у всѣхъ зрителей.

Папа сѣлъ съ Кардиналами Маттеемъ и Паккою въ другую карету, приготовленную для торжественнаго его въѣзда; шестьдесятъ юношей, одѣтыхъ въ черное платье, веревками, сплетенными изъ алаго шелка съ серебряными застежками, везли его. Президентъ Римскаго Сената привѣтствовалъ святаго отца рѣчью, на которую его святѣйшество отвѣчалъ: *Ничего не должно относить ко мнѣ, но все къ Богу.* По приближеніи къ Ватикану новое зрѣлище вторично растрогало сердца присудствовавшихъ. Сардинскій Король, возсылавшій молитвы въ церквѣ св. Петра, явился подъ перистилемъ сего великолѣпнаго храма и простерся у ногъ его святѣйшества. Не взирая на усилія, сдѣланныя имъ для воспрепятствованія ему въ томъ. Папа очень поздно пріѣхалъ во дворецъ свой, но не прежде принялъ отдохновеніе, какъ давъ свое благословеніе безчисленному множеству народа, собравшагося у оконъ дворца его. Такимъ образомъ исполнились предо-

совѣтъ регентства, коего объявилъ себя Президентомъ Графъ Беллегардъ до того времени, какъ Италіянскія провинціи чрезъ новое образованіе присоединились къ Австрійской имперіи.

Всѣ народы съ восторгомъ принимали рѣшеніе Союзныхъ Государей, которые провозглашали свободу, устройство и равновѣсіе Европы. Такимъ образомъ Франція, не взирая на прежнія свои побѣды и потерю могущества, могла еще утѣшиться, помышляя, что благоденствіе приведетъ въ забвеніе воспоминаніе о славѣ. Сія надежда, по видимому, должна была исполниться подъ управленіемъ Монарха, воспитаннаго въ школѣ злополучія.

Въ семъ торжественномъ обстоятельствѣ всякой спрашивалъ другъ у друга: гдѣ Король? что онъ дѣлаетъ? для чего онъ не посреди насъ? Тогда общественный гласъ наименовалъ его *Людовикъ желанный*; но Великобританскій кабинетъ, желая до развязки сей великой драмы управлять участію Франціи, не позволялъ ему имѣть доступъ къ престолу до того времяни, какъ получилось достовѣрное извѣстіе о заключеніи Фонтенеблос-

скаго трактата. Наконецъ 23 Апрѣля Король оставилъ гостепріимную страну при безчисленномъ стеченіи народа. День сей напоминалъ то время, когда Карлъ II прибылъ изъ Голландіи, чтобы возвесть на престолъ своихъ предковъ. Кларанскій Герцогъ, въ качествѣ флотскаго Адмирала, препроводилъ на своемъ фрегатѣ Людовика XVIII. Прежде нежели онъ выѣхалъ изъ Дувра, безчисленное множество народа покрывало морской берегъ въ Кале. Съ вершины высокихъ оградъ и съ крышекъ домовъ зрители искали глазами корабля, заключающаго надежду всѣхъ благомыслящихъ Французовъ. — Прекрасная погода благопріятствовала сему щастливому переѣзду. Какъ скоро раздались первые пушечные выстрѣлы, представилась глазамъ эскадра, которая на всѣхъ парусахъ приближалась къ берегу. Тысяча выстрѣловъ раздаются съ крѣпостей и съ кораблей. Гражданскіе и военные чиновники спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ назначенъ былъ выходъ на берегъ въ предшествіи гармоническихъ звуковъ музыкальныхъ орудій. Вскорѣ становится видно каждое судно порознь: лучшее изъ нихъ вступу-

паетъ въ гавань и останавливается. Тогда безчисленное множество народа вскрикиваетъ: *Вотъ Король! вотъ онъ. Да здравствуетъ Король! да здравствуетъ Мадамъ! да здравствуютъ Бурбоны!* — Король показался съ августѣйшею своею племянницею и окруженный вѣрнѣйшими своими служителями; онъ снялъ шляпу, положилъ правую руку на сердце и поднявъ глаза къ небу, изъявлялъ благодарность свою милосердому Творцу, Коего воля могла произвести толикія чудеса. Тысячи зрителей подражали сему трогательному благочестію. Небо, земля и море были богатѣйшими украшеніями сего превосходнаго явленія; всѣ волнуются, толпятся, жмутъ, толкаютъ другъ друга, и чрезмѣрная радость, заглушая голосъ, заставляетъ проливать слезы умиленія, которыя текли изъ глазъ всѣхъ, особливо при воззрѣніи на сію Принцессу, образецъ добродѣтелей, которая воспоминая о своихъ бѣдствіяхъ, съ трепетомъ шла по землѣ, обагренной кровію ея фамиліи.

Послѣ двадцати-двухъ-лѣтняго изгнанія Король вступилъ въ предѣлы Франціи; онъ приближился къ своимъ поддан-

нымъ и одимъ своимъ присутствіемъ примирилъ ихъ съ Англичанами, коихъ они почитали непримиримыми врагами. До самаго отъѣзда его изъ Кале знаки величайшей радости не переставали обнаруживаться, и всѣ приближавшіеся къ Государю восхищались его благосклонностію.

Дорога къ Парижу была покрыта множествомъ деревенскихъ жителей и походила на городскую улицу, когда жители собираются смотрѣть какое нибудь важное происшествіе. Король, Мадамъ и Принцы съ горестію принимали знаки любви всѣхъ тѣхъ, которые могли видѣть ихъ и говорить съ ними. Старцы поднимали къ небу трепещущія свои руки, призывая Божіе благословеніе на Королевскую фамилію; матери представляли дѣтей своихъ, молодые крестьянки приносили букеты и усыпали дорогу цвѣтами; тріумфальные ворота украшали въѣздъ Короля въ каждый городъ, и бѣлое знамя, развѣваясь на всѣхъ колокольняхъ, на всѣхъ окошкахъ, производило тѣмъ сладостнѣйшее впечатлѣніе, что цвѣтъ сей принадлежитъ Бурбонамъ и почитался эмблеммою мира,

Прибытія Короля въ Компіень ожидали (29 Апрѣля.) Безчисленное множество значущихъ особъ отправилось изъ столицы въ сей городъ нетерпѣливо желающихъ видѣть Государя, на возвращеніи коего основывалась безопасность имуществъ и благополучіе семействъ. На всѣхъ лицахъ изображались различныя движенія: многіе выражали довѣренность, большая часть изъявляла совершенную любовь; малое число, по видимому, обнаруживало страхъ: но при воззрѣніи на Короля, окруженнаго Маршалами Франціи и знатнѣйшими изъ нашихъ воиновъ, всѣ чувства смѣшались, и тысячи радостныхъ восклицаній раздались въ воздухѣ; старые служивали, соединясь съ новыми, крѣпко пожимаютъ другъ у друга руки и, отвергнувъ прежнія партіи, обѣщались всѣ принадлежать Франціи и Королю. Князь Нефшательскій началъ говорить и увѣрялъ, что арміи преисполнены радостію, узнавъ, что могутъ своею приверженностію и прамодушіемъ вспомоществовать великодушнымъ усиліямъ Его Величества. Людовикъ XVIII съ особенною пріятностію отвѣчалъ Маршаламъ, *что онъ почитаетъ*

себя весьма щастливымъ и даже гордится видя себя въ ихъ кругу. Сей благоразумный Монархъ благосклонными изрѣченіями покорилъ души и пріобрѣталъ сердца всѣхъ.

Изъ Компіеня Людовикъ XVIII поѣхалъ въ Сентъ-Уенъ, гдѣ остановился, чтобы принять на аудіенцію членовъ правительства, военачальниковъ и депутатовъ изъ различныхъ частей Государства. Въ семъ случаѣ Князь Талейранъ сдѣлался органомъ Сената и сказалъ Королю, что восходя на престолъ Его Величество наслѣдуетъ разрушенія и бѣдствія, продолжавшіяся двадцать лѣтъ; но что добродѣтель его, вмѣсто того, чтобы быть симъ устрашенною, заимствуя отъ вѣковъ благоразумнѣйшія политическіе умозрѣнія, согласитъ достоинство его короны съ желаніями народа, и что хартія соединитъ выгоды народа съ пользою трона.

Жадность Сенаторовъ, сдѣлавъ Конституцію ихъ предметомъ общественнаго неудовольствія, подала поводъ Королю обнародовать декларацію (Сентъ-Уенъ 2 Майя), въ коей Монархъ сей возвѣ-

щалъ, что хотя основанія акта, предложеннаго Сенатомъ, хороши, но сочинены съ такою скоростію, что не могутъ почесться фундаментальными узаконеніями; но что рѣшась принять спасительную конституцію, сообразную съ правилами, онъ созоветъ первыхъ Членовъ Государства и представитъ оную на ихъ разсмотрѣніе. Сею знаменитою декларацією Король назначалъ основаніемъ будущей конституціи представительное правленіе, состоящее изъ обѣихъ Камеръ; онъ ручался за нашу свободу и почиталъ собственность ненарушимою. Всѣ Французы могли добиваться гражданскихъ и военныхъ должностей; пансіоны, чины и кресты оставались по прежнему равно какъ древнее и новое дворянство. Наконецъ Людовикъ XVIII увѣрялъ, что ни одинъ человѣкъ не будетъ обезпокоенъ ни за мнѣніи свои ни за голоса.

Всѣ Парижане предавались величайшей радости помышляя, что Король ихъ приближается къ столицѣ. Какъ скоро назначенъ былъ церемоніалъ для его принятія, то Маршалы Франціи, Полковники, Генералы и множество знатныхъ Офицеровъ,

соединясь съ конною почетною гвардіею, выѣхали на Сентъ-Денискую дорогу. Прекраснѣйшій весенній день, безчисленное множество Парижанъ, расположившихся у заставы, и толпы сельскихъ жителей, которые въ сей день оставили полевыя свои работы, придали большой блескъ сему торжеству. Національная гвардія одна занимала караулы. Союзные Государи были столько благоразумны, что удалили своихъ солдатъ для того, чтобы ни одинъ видъ чужестраннаго воина не возмущалъ сего торжества, почитаемаго семейственнымъ праздникомъ. Префектъ, сопровождаемый двѣнадцатью Мерами и всѣмъ градскимъ обществомъ, встрѣтилъ Короля у городскихъ воротъ. Подавая ему ключи, онъ произнесъ рѣчь, исполненую благородства духа: » я оченъ радъ, что соединился съ моими дѣтьми, отвѣчалъ Король, коснувшись до ключей добраго моего города Парижа; возвращаю ихъ вамъ; я не могу ввѣрить охраненіе ихъ чиновникамъ болѣе васъ достойнымъ. « Многочисленная группа молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлое платье, коихъ прелести отвѣтствовали чистотѣ нравовъ, несли хоругвь, на

коей начертаны были слѣдующія слова: *Провидѣніе возвращаетъ намъ Бурбоновъ;* онѣ смѣшивали голоса свои съ восклицаніями многочисленной толпы народа, которые прерывались для того только, чтобъ утереть радостныя слезы, текущія изъ глазъ всѣхъ при воспоминаніи о прошедшихъ бѣдствіяхъ и воображая будущее благоденствіе.

Дочь добродѣтельнаго Людовика XVI находилась подлѣ Короля. Сія Принцесса, проведшая дни своего дѣтства въ слезахъ и во всевозможныхъ огорченіяхъ, раздѣляла восторгъ, произведенный симъ благополучнымъ днемъ. Противъ нихъ сидѣли Принцъ Конде и Герцогъ Бурбонскій, почтенные воины. Всеобщее восхищеніе обнаруживалось въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Французскіе воины приняли въ немъ участіе и чужестранные Генералы казались какъ бы изумленными видя, что столь кровопролитная война окончилась примиреніемъ Европейскихъ народовъ. Всѣ улицы, по коимъ проѣзжала сія процессія, были украшены обоями, бѣлыми знаменами и гирляндами изъ розъ и лилей. Въ то время, какъ Король проѣзжалъ Сентъ-Денис-

скіе ворота, на голову его спустилась корона, и тогда же прелестной ребенокъ поднесъ Герцогинѣ Ангулемской прекрасно отдѣланную корзину, изъ которой вылѣтѣли двѣ горлицы и взвились надъ ея головою. У церкви Божіей Матери, духовенство приняло Короля подъ балдахиномъ: « вступая въ доброй мой городъ Парижъ, сказалъ онъ, я почитаю первымъ долгомъ возблагодарить милосердаго Бога за сотворенныя Имъ чудеса, которыми Онъ прекратилъ наши бѣдствія. Будучи сыномъ св. Людовика, я всегда буду подражать его добродѣтелямъ. »

Король, Принцы и Герцогиня Ангулемская, вступивъ во храмъ, возсылали теплыя молитвы къ Превѣчному. Взоры всѣхъ обратились на сію добродѣтельную Принцессу, которая не достигнувъ еще тѣхъ лѣтъ, когда разсудокъ укрѣпляетъ душевную твердость, оплакала отца, родительницу, тетку, безчеловѣчно умерщвленныхъ, и юнаго брата, содѣлавшагося жертвою свирѣпой политики. Со слезами на глазахъ она простерлась у подножія алтаря и уподоблялась Ангелу мира, ниспосланному съ небесъ спасти Францію, которая

столько времяни была гонительницею высокихъ ея добродѣтелей. Послѣ церемоніи Король съ таковою же пышностію былъ препровожденъ въ Тюльерійской дворецъ. Сколько различныхъ чувствованій волновали душу Принцессы во время краткаго ихъ переѣзда. Консіержери напоминала ей ужасную тюрму и кровожадное судилище, гдѣ родительница ея, послѣ девяти-мѣсячныхъ страданій просила и приняла какъ бы за благодѣяніе смертный приговоръ.— Воззрѣніе на статую Генриха IV въ скорости вновь воздвигнутую отвратило сіи горестныя воспоминанія, но вступивъ во дворецъ своихъ предковъ и пришедъ къ тому мѣсту, откуда увидѣла она ступени, ведущія къ трону, и мѣсто эшафота, на коемъ струилась кровь ея семейства, то воспоминаніе столь величайшихъ бѣдствій произвело надъ нею такое сильное впечатлѣніе, что она упала безъ чувствъ подлѣ Короля, заступавшаго ей мѣсто отца.

Горестныя сіи мысли были замѣнены сладостными чувствованіями, каковыя ощутила Принцесса, услыша благословенія народа. «Дай Боже! восклицалъ каждый

чтобы бури почтили твое убѣжище, и чтобы новыя бѣдствія не удручали болѣе сердца, возросшаго въ страданіяхъ! Людовикъ XVIII вошелъ въ свой покой; подошедъ къ окнамъ, жестами, исполненными чувствительности, онъ выражалъ народу любовь свою и родительскую горячность. Графъ д'Артуа хотѣлъ поцѣловать его руку; но Король заключилъ его въ объятія. Въ то же самое время явилась Герцогиня Ангулемская и остановилась посреди Августѣйшихъ братьевъ. Сія трогательная картина, освященная блистательною иллюминаціею, была оживотворена радостными восклицаніями, сопровождаемыми гармоническою музыкою; и сей концертъ досягая небесъ, по видимому, укротилъ гнѣвъ Всемогущаго и совершенно разсѣялъ горестныя воспоминанія.

Какъ скоро Людовикъ XVIII принялъ бразды правленія, различныя партіи начали волноваться вокругъ его, стараясь вселить въ него чувствованія, клонящіеся къ своимъ выгодамъ; но революція перемѣнила людей и смѣшала состоянія; посредствомъ долговременной привычки порядокъ возникъ изъ средины развалинъ и не воз-

можно было снова воздвигнуть старое зданіе не испровергнувЪ новаго; опасность раздражить людей, бывшихЪ основателями онаго, не могла быть вознаграждена слабою помощію, каковую пріобрѣли бы покровительствуя выгодамЪ другихЪ. Скорой переходЪ кЪ прежнимЪ, вышедшимЪ уже изЪ привычки правиламЪ, могЪ бы возродить новое возмущеніе, которое все бы поглотило. КЪ тому же Король обѣщалЪ уважать новѣйшія постановленія, и священное слово его должно быть твердѣйшимЪ основаніемЪ обѣщанной намЪ конституціи.

Многіе изЪ совѣтниковЪ Короля, страшась духа военныхЪ, остановленныхЪ на поприще честолюбія и славы, полагали, что тронЪ БурбоновЪ не иначе можетЪ утвердиться, какЪ оставивЪ при немЪ чужестранныя силы, которыя могли бы заставить почитать первѣйшіе акты его правленія. ВЪ таковомЪ мнѣніи они предложили уничтожить Французскую армію, не давать жалованья и распустивЪ ее разстроить. Но Король, желая, чтобы все зависѣло единственно отЪ его воли, и храня любовь кЪ своему народу, отвергнулЪ со-

вѣтъ сей какъ недостойный своего добродушія, желая столь же нетерпѣливо, какъ и Вельможи, освободить Королевство свое отъ пребыванія союзныхъ войскъ; онъ согласовался въ томъ съ статьями конвенціи, заключенной 23 Апрѣля. Сей актъ, дѣлающій честь характеру Монарха, доказывая величество души его, обнаруживалъ и нетерпѣніе заключить миръ, для того, чтобы преобразовать армію и заставить ее уважить національную независимость. Хотя конвенція, подписанная Графомъ д'Артуа, сдѣлала извѣстными статьи трактата, но совсѣмъ тѣмъ всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали хода переговоровъ касательно нашихъ границъ и значительности нашего Королевства между другими державами. Всѣ питались надеждою, что для пользъ древней династіи, Франція получитъ гораздо выгоднѣйшія условія, особливо если чужестранные Государи снова приведутъ себѣ на память отвергнутую ими истину, что для возстановленія совершеннаго равновѣсія не возможно ослаблять державы, которая для спокойствія Европы должна быть великою и сильною.

Наконецъ явился сей трактатъ, столь
нетерпѣливо ожидаемый, посредствомъ
коего Королевство оставалось въ преж-
нихъ своихъ границахъ, съ присовокупле-
ніемъ нѣсколькихъ кантоновъ въ Белгіи и
лучшей части Савоіи. Такъ какъ ком-
мерція, необходима для сношенія между
собою просвѣщеннымъ народамъ, почему
весьма благоразумно предоставлена Фран-
ціи ея дѣятельность и промышленность.
Безъ сей предусмотрительности, воин-
ственный характеръ жителей заставилъ
бы ихъ сожалѣть о войнахъ, производи-
мыхъ на твердой землѣ; мужество ихъ
послужило бы вредомъ для народовъ, ко-
ихъ они не могли бы снабжать произве-
деніями своей земли и своими мануфак-
турами. Съ такими видами колоніи на-
ши были намъ отданы, выключая Табаго,
Санъ-Люси и Иль де Франса. Сіи усло-
вія, хотя тягостныя, но со всѣмъ тѣмъ
были еще выгодны, особливо когда вооб-
разятъ, что участь сихъ колоній всегда
зависѣла отъ морскихъ сраженій, въ ко-
ихъ мы безпрестанно испытывали однѣ
только бѣдствія. Если бы лишить Ан-
глію владѣній на твердой землѣ, то она

не столько бы занималась удержаніемъ всякой державы въ ея границахъ, и вознаградила бы себя за потерю владѣній на твердой землѣ, захвативъ всѣ отдаленныя области. Такимъ образомъ Союзные Государи, ослабивъ насъ на твердой землѣ, равно положили границы честолюбію Англичанъ на моряхъ.

Заключенный трактатъ оскорблялъ самолюбіе Французовъ и совершенно былъ противенъ ихъ выгодамъ. Какъ скоро оный былъ выданъ, то возбудилъ сильное негодованіе и какъ бы густое облако затемнилъ блестящій горизонтъ и надежды Французовъ, которые ожидали всего отъ возвращенія Бурбоновъ. Имъ казалось жестоко уступить завоеванныя страны, почитаемыя законными границами Франціи. Но совсѣмъ тѣмъ очень несправедливы были укоризны, дѣланныя на щетъ Людовика XVIII, котораго обвиняли въ честолюбіи.

Если бы вмѣсто того, чтобъ возставать противу статей трактата, когда не возможно было заключить лучшихъ условій, Французы, наученные опытностію, послѣдовавъ правиламъ разсудка и благо-

разумія, старались предусмотрѣть, что трактатъ сей, положивъ предѣлъ всѣмъ нашимъ честолюбивымъ надеждамъ, не заключалъ въ себѣ ни малѣйшей черты раздора, каковой влекли за собою прежде заключенныя условія, и видѣли бы, что границы прежней Франціи и прежнее правленіе, съ которымъ мы возстановимъ наше благополучіе, пріобрѣтемъ истинные пути къ славѣ, и сдѣлаемся спокойными зрителями великихъ происшествій, каковыя честолюбіе обнаружитъ между народами, алкающими побѣдъ. Съ сего дня спокойствіе наше началось, тогда какъ прочія Европейскія державы съ оружіемъ въ рукахъ, можетъ быть, должны будутъ поддержать свои выгоды. Воспользовавшись прошедшими уроками, мы могли бы единственнымъ перевѣсомъ нашего могущества преклонить на свою сторону равновѣсіе и получить посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ умноженіе владѣній, которыя были бы гораздо надежнѣе пріобрѣтенныхъ побѣдою. Ни по какому установленію отъ насъ не требовалось подашей. Мы не исполнили условія, наложеннаго на насъ Наполеономъ, и не

дали въ залогъ трехъ крѣпостей. А болѣе всего должно насъ утѣшить то, что мы совершенно сохранили всѣ наши музеумы произведенія коихъ содѣлали Парижъ святилищемъ наукъ и столицей просвѣщеннаго міра. Сія награда, данная храбрости и характеру народа, тѣмъ лестнѣе, что сія собственность, пріобрѣтенная и потерянная оружіемъ, сдѣлалась гораздо законнѣе, потому, что она оставлена намъ посредствомъ удивленія, внушаемаго геніемъ.

Союзные Монархи оказали величайшую умѣренность, не требуя ничего въ награду за важныя свои усилія, кромѣ опроверженія Наполеона. Германскіе народы, вооружившіеся для сверженія съ себя его ига, и пріобрѣтя вновь свою независимость, въ свою очередь хотѣли сдѣлаться притѣснителями. Упоенные побѣдами, они обвиняли Государей своихъ въ малодушіи и упрекали для чего они прекратили военныя дѣйствія, не исхитивъ у насъ богатѣйшихъ провинцій. Но Россійскій Императоръ не хотѣлъ внимать пустымъ возглашеніямъ Князей Германіи. Онъ разсуждалъ, что Франція управ-

ляемая миролюбивымъ Монархомъ, не должна болѣе внушашь подобныхъ ужасовъ; но чшо раздробленіе Франціи снова возродишъ возмущенія, кошорыя необходимо должно угасишь.

Ни что сшолько не заслуживаешъ похвалъ безприсшрасшнаго пошомсшва, какъ посшупки Россійскаго Императора. Восторжесшвовашь надъ праведнымъ мщеніемъ, забышь кровавыя оскорбленія, заняшься благоденсшвіемъ шѣхъ, кошорые причинили намъ зло, есшь шакіе сверхъесшесшвенныя добродѣшели, чшо не найдешся сшоль сильныхъ, сшоль краснорѣчивыхъ выраженій, дабы досшойно прославишь оныя. Таковое великодушіе есшь плодъ примѣрнаго воспишанія, подобнаго шому, какое Фенелонъ хошѣлъ дашь Государямъ, призваннымъ нами управляшь. Лагарпъ, воспишашель Императора, внушилъ ему сіи благородныя, великодушныя, превосходныя чувсшвованія. Побѣды его воспишанника, будучи сшоль же блисшашельны, какъ и завоеванія Македонскаго героя, не причиняли шакого ужаса; Государь Россійскій никогда не предавался гордосши, упояющей завоевашелей. Уважая

правосудіе, онъ сохранилъ наши законы, наши судилища и общественную свободу, а любя человѣчество и художества, онъ вступилъ въ Парижъ такъ, какъ избавитель, тѣмъ времянемъ какъ сынъ Филиппа, овладѣвъ Ѳивами, пощадилъ одинъ только домъ Пиндара.

Очищеніе Французскихъ владѣній началось сообразно условіямъ конвенціи, подписанной Графомъ д'Артуа; а заключенный Королемъ трактатъ возвратилъ Франціи всю ея политическую независимость. Прускіе корпусы обратились къ Нижнему Рейну. Рускіе направили путь по дорогѣ, идущей къ Палатинату. Австрійскія войска и Германскіе Конфедераты отправились въ свое отечество чрезъ Бамбергъ и Филипсбургъ. Въ продолженіе сего времяни Герцогъ Ангулемскій былъ принятъ съ живѣйшими восклицаніями войсками, возвратившимися изъ Гишпаніи; онъ приказалъ имъ занять полуденныя провинціи, оставленныя арміею Веллингтона. Наконецъ всѣ полки получили повелѣніе быть готовыми къ походу, чтобы занять мѣсто гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, гдѣ они должны полу-

чить новое образованіе. Сѣ тѣхѣ порѣ спокойствіе водворилось вѣ опустошенныхѣ нашихѣ странахѣ; все воспріяло совершенный порядокѣ и вѣ продолженіи двадцати пяти лѣтѣ еще вѣ первый разѣ Французы питались лестною надеждою, что желаемое всѣми соединеніе между престоломѣ и народомѣ наконецѣ приведено будетѣ кѣ исполненію.

Послѣ совершенной довѣренности, каковую народѣ оказалѣ Бурбонамѣ, всякой другой на мѣстѣ Людовика XVIII почелѣ бы за необходимое, возстановить монархію со всѣми предразсудками древнихѣ правилѣ и со всѣми злоупотребленіями, лестными для самолюбія Монарха, бывшаго столь долгое время жертвою демократическихѣ буйствѣ. Большая часть особѣ, окружавшихѣ Короля, не зная впечатлѣній, произведенныхѣ вѣ нравахѣ Французовѣ продолжительною революціею и забывѣ, что любовь народа есть главнѣйшая опора престола, полагали необходимо нужнымѣ ввести древнія постановленія; во всѣхѣ совѣщаніяхѣ сѣ жаромѣ производились

пренія: долженѣ ли Людовикѣ XVIII дать конституцію, или царствовать согласно установленіямѣ, заведеннымѣ его предками. Люди, сожалѣющіе о своихѣ преимуществахѣ, противныхѣ общественнымѣ связямѣ, соединясь сѣ другими питающимися надеждою быть вознагражденными за лесть правительству, заставляли говорить народѣ и испрашивали неограниченнаго правленія. Равнымѣ образомѣ полуденные жители, коихѣ строптивое мнѣніе весьма хорошо изображаетѣ непостоянной и легкомысленный характерѣ, бывшій причиною многихѣ бѣдствій, освободясь отѣ угнетающаго ихѣ тиранства, полагали, что сколь не было бы сладостно рабство, но все будетѣ легче того, отѣ коего они избавились, и потому вѣ ревеніи своемѣ, болѣе пылкомѣ, нежели обдуманномѣ, возставали противѣ конституціи. Король, вмѣсто того, чтобы воспользоваться расположеніемѣ умовѣ, лестнымѣ единственно для деспотизма, отвергнулѣ столь опасные совѣты и презрѣвѣ преимущества, по видимому, благопріятствующія самовластію, не хотѣлѣ отдѣлить выгодѣ своихѣ отѣ выгодѣ на-

рода. ПримѣрЪ, можетЪ быть, единственный вЪ Исторіи, когда Государь не желаетЪ внимать прельщеніямЪ самовластія и по великодушію своему собственною волею противупоставляетЪ границы своей власти.

Уважая постановленія, всеобще принятыя Европою, онЪ старался согласить выгоды высокой своей фамиліи, не отягощая народныхЪ выгодЪ. ОнЪ отвергнулЪ древнія обыкновенія, несогласныя сЪ перемѣною нравовЪ и умовЪ ФранцузовЪ. Будучи увѣренЪ вЪ справедливости своего дѣла и вЪ любви подданныхЪ, онЪ основалЪ представительную Монархію, которая послѣ толикихЪ бѣдственныхЪ случаевЪ могла бы привести насЪ кЪ настоящей точкѣ, на которой мы должны остановиться. ИзЪ Сената онЪ учредилЪ Палату ПеровЪ, для защищенія правЪ престола. Палату депутатовЪ опредѣлилЪ для наблюденія выгодЪ народа. Цѣлію сего установленія было приращеніе его власти и умноженіе доходовЪ. НаконецЪ Король, начертавЪ условіи, по коимЪ долженствовалЪ царствовать, желалЪ, чтобы корпусЪ депутатовЪ находясь близь трона былЪ

могущественнымъ исполкователемъ воли народа. Выполнивъ во всей точности декларацію, данную въ Сент-Уенъ, онъ опредѣлилъ уменьшеніе податей, свободу землепашества, равенство всѣхъ Французовъ передъ закономъ и уничтожилъ конфискацію. Столь великія благотворенія исполнили тѣ правила, для которыхъ возникла революція; оныя служили основаніемъ сей безсмертной и единственной хартіи, каковую Провидѣнію угодно было извлечь изъ политическихъ нашихъ бурь и которые послужатъ для Монарха и для Франціи памятникомъ славы и благополучія въ роды родовъ.

Король созвалъ 4 Іюня главнѣйшихъ членовъ Государства. Ночью, предшествовавшею сему дню, были посланы зазывные билеты къ старшимъ Сенаторамъ, выключая малое число изъ нихъ, но сіе сдѣлалось по ошибкѣ; определѣно было такимъ образомъ, чтобы составить часть Камеры Перовъ изъ особъ, происходящихъ отъ знаменитѣйшихъ фамилій Франціи, и изъ лучшихъ нашихъ Генераловъ. Рано поутру граждане, желая насладиться столь великолѣпнымъ зрѣлищемъ, во множествѣ

пришли въ Бурбонской дворецъ. Никогда еще престолъ не окружали люди столь почтенные и здравомыслящіе, и въ первый еще разъ Людовикъ XVIII явился во святилищѣ законовъ, которые до сего дня были предметомъ проклятія посредствомъ пагубныхъ злоупотребленій, колебавшихъ государство. Осыпаемый благословеніями, блистая добродѣтелями, Король пришелъ возвѣстить народу, что обоюдное между ими сообщеніе на всегда утвердитъ благоденствіе Франціи. Сердца всѣхъ были растроганы, видя Государя, окруженнаго знатнѣйшимъ дворянствомъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ фамилій, составляющихъ славу Франціи.

Окруженный всѣмъ величіемъ, Король произнесъ рѣчь по справедливости почитаемую важнѣйшею и прекраснѣйшею изъ всѣхъ, какую могъ сказать Государь, коего слова тронули сердца даже самыхъ потомковъ и котораго поступки служили примѣромъ всѣмъ Государямъ, находящимся подобно ему въ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Когда онъ упомянулъ въ вознагражденіи за отнятыя завоеванныя земли то всѣхъ сердца были приведены въ уми-

леніе, услыша слѣдующія произнесенныя имъ слова: «горестное воспоминаніе возмущаетъ мою радость. Я родился, ласкалъ себя надеждою остаться всю жизнь мою вѣрнѣйшимъ подданнымъ лучшаго изъ Государей и занимаю теперь его мѣсто. Но онъ по крайней мѣрѣ не совершенно мертвъ; онъ жилъ въ семъ завѣщаніи, которое назначилъ въ наставленіе августѣйшему и злополучному дитяти, которому я долженъ наслѣдовать! Такъ, устремивъ взоры на безсмертное сіе твореніе, внемля чувствованіямъ писавшаго оное, руководствуемый опытностію и вспомоществуемый совѣтами многихъ изъ васъ, я начерталъ конституціонную хартію, коей главнѣйшія основанія да послужатъ къ благоденствію государства.»

Сія рѣчь, произнесенная съ благороднымъ и трогательнымъ выраженіемъ, поселила въ сердцахъ всѣхъ зрителей любовь и удивленіе. — Канцлеръ началъ говорить и въ благоразумномъ изображеніи напомнилъ установленія прошедшихъ времянъ, посредствомъ коихъ польза трона сливалась съ выгодами народа. Потомъ онъ изъяснилъ въ краткихъ словахъ глав-

нѣйшія статьи хартіи, и по прочтеніи оныхъ былъ привѣтствованъ рукоплесканіями. Всѣ члены обѣихъ палатъ поклялись пребывать вѣрными онымъ. Съ того времяни началось представительное правленіе, а съ нимъ вмѣстѣ наша свобода и благополучіе.

Такимъ образомъ долженствовала окончиться посредствомъ чудеснаго покровительства Всемогущаго кровопролитнѣйшая революція, до сихъ поръ ужасающая и удивляющая свѣтъ. Вспоминая о всѣхъ эпохахъ Римской Исторіи, Французы купили титло великаго народа, военными бѣдствіями, ужасомъ безначалія, и горестями деспотизма. Быстрые ихъ успѣхи, пробѣгая земной шаръ, доказали Царямъ, сколь бѣдственна народная сила для общественнаго порядка, когда по слабости, или по непредвидѣнности оставляютъ оную на произволъ страстей. Послѣ толикихъ бѣдствій, пролитыхъ потокахъ слезъ, и наконецъ лишенная славы своей ужаснѣйшимъ нещастіемъ, Франція, наученная бѣдствіями, открываетъ наконецъ глаза и почитаетъ себя щастливою, достигнувъ цѣли, къ коей она

столь долго и тщетно стремилась. Благотворительныя начинанія Короля страдальца совершены августѣйшимъ его братомъ и права народа, похищенные могуществомъ, навсегда возстановлены. Никакого установленія нѣтъ способнѣе для удовлетворенія партій, какъ хартія; она примиряетъ древнія правила съ новыми и посредствомъ сихъ великодушныхъ правилъ соединяетъ престолъ съ отечествомъ. Сравненіе угнетающаго правленія съ начинающимся отеческимъ царствованіемъ показываетъ будущее въ самомъ блистательномъ видѣ; каждый представляющій себя другомъ отечества обѣщается забыть прошедшее и поздравляетъ себя съ перемѣною славы на надежду будущаго благоденствія.

Сообщники буйственной демократіи наученные опытностію повидимому послѣдовали благоразумнымъ правиламъ и сами признавались, что различные періоды нашей революціи ничто иное, какъ продолжительной деспотизмъ, и что мнимо свободные наши покровители поступали съ большимъ тиранствомъ, нежели законное владычество. Хартія сдѣлалась

для насЪ священною; она, подобно Зароастрову закону, вышедЪ изЪ нѣдра громовЪ и молній, явилась на горизонтѣ. Посредствомъ благодѣтельной свободы она исправитЪ всѣ наши бѣдствія и вознаградитЪ за все прошедшее. Она столь премудро начертана и всѣми одобрена, что партіи соединенные ею, приведены вЪ такое состояніе, что вЪ распряхЪ своихЪ каждая изЪ нихЪ должна предоставить себѣ честь защищать ее. Для совершеннаго же исполненія оной ничего болѣе не остается правительству, какЪ презирать прежніе предразсудки, опровергать опасныя злоумышленія и вЪ особенности заглушить мщеніе, которое почитается забвеннымЪ по силѣ сей харшіи. НаконецЪ должно для совершеннаго торжества оной избрать изЪ прежнихЪ и новыхЪ Вельможей людей одаренныхЪ талантами и вознаграждать ихЪ прямодушіе.

Заключенный вЪ Парижѣ мирЪ, по видимому, утвердилЪ на долгое время спокойствіе и благоденствіе Европы. ХищникЪ престола былЪ удаленЪ, законный Государь царствовалЪ во Франціи; народЪ обожалЪ его, Вельможи боготворили,

и всѣ Государи Европы полагали, что съ возвращеніемъ во Францію Бурбоновъ возвратятся миръ и благополучіе. Но десницѣ Всемогущаго снова угодно было подвергнуть Французовъ лютѣйшимъ бѣдствіямъ*, коихъ по истинѣ они были достойны за величайшія свои преступленія. Сей легковѣрный народъ не зналъ въ чемъ состоитъ истинное его благополучіе, не зналъ совершенно сердца Бурбоновъ, и снова погрузился въ бездну, изъ коей извлекла его благотворительная десница Россійскаго Императора и прочихъ Государей Европейскаго союза.

Приступимъ теперь къ новой эпохѣ, бѣдствій Франціи и несчастій Европы. Еще не довольно извергъ упитался кровію Французовъ. Онъ дышалъ мщеніемъ, мечталъ, что щастіе снова будетъ ему благопріятствовать; но Провидѣнію угодно было возвесть его вторично на престолъ для того только, чтобъ еще болѣе унизить въ глазахъ свѣта и показать вселенной примѣръ ничтожности человѣческихъ замысловъ.

Бонапарте наблюдалъ на островѣ *Эльбѣ* величайшее притворство: *будьте вѣрны*

Королю, сказалЪ онЪ своимЪ солдатамЪ отЪѣзжая изЪ Фонтенебло: не безпокоитесь о моей участи; *я утѣшаюсь великими воспоминаніями; умѣю еще употреблять благороднымЪ образомЪ свое свободное время* и *буду писать исторію вашихЪ походовЪ.* И вЪ самомЪ дѣлѣ *Бонапарте имѣлЪ великія* занятія на своемЪ островѣ. Солдаты, которыхЪ онЪ употреблялЪ на разрушеніе *старой Европы,* занимались тогда построеніемЪ или украшеніемЪ *Порто-Феррайо.* ОнЪ самЪ посѣщалЪ часто своихЪ работниковЪ и посреди ихЪ искалЪ отдохновенія отЪ трудовЪ вЪ кабинетѣ. Невидно. чтобы онЪ занимался разсаживаніемЪ капусты, какЪ *ДіоклитіанЪ* вЪ своемЪ СалонскомЪ саду, наблюденіемЪ трудовЪ и подвиговЪ Религій, какЪ *КарлЪ V* вЪ монарстырѣ св. Юстана, или наконецЪ изученіемЪ изящныхЪ искуствЪ, какЪ Королева *Христина вЪ Римѣ*: ибо извѣстно, что не привлекательность уединенной жизни побудила его, подобно тѣмЪ ГосударямЪ, сойти сЪ престола и удалиться на островЪ *Эльбу.* ПритомЪ же онЪ не отказался, какЪ они, совершенно отЪ самодержавной власти:

онъ *удержалъ* маленькой островъ Средиземнаго моря въ полномъ своемъ обладаніи.

На семъ то островѣ сверженный Государь, подъ личиною мудреца, предавшагося прелестямъ наукъ, представлялся вкушающимъ пріятности спокойствія, занятымъ единственно сочиненіемъ записокъ своей политической жизни и исторіи толикихъ войнъ, опустошившихъ три части свѣта. Но вмѣсто того замышлялъ онъ о новыхъ революціяхъ, приготовлялъ заговоръ противъ спокойствія Европы, освобожденной отъ его ига и едва дышущей послѣ толикихъ бѣдствіи; готовился возвратиться на Французскую землю и возстановить на ея развалинахъ власть, отъ которой недавно отрекся, и которою *пожертвовалъ*, какъ онъ говорилъ, для блага народа.

Таковы были истинныя занятія Бонапарта на островѣ *Эльбѣ*. Таково было его намѣреніе, въ исполненіи котораго вспомоществовали ему многіе агенты, привлеченные на его сторону золотомъ и находившіеся во всѣхъ Министерствахъ Франціи и даже въ нѣкоторыхъ чужихъ земляхъ.

Послѣдуемъ за нимъ на его пути съ острова *Эльбы* въ *Парижъ* ; взглянемъ на страшное время его кратковременнаго владычества, и наконецъ проводимъ его на корабль *Нортумберландъ*, долженствующій отвести его на островъ *св. Елены.*

Въ Воскресенье 14 Февраля, въ семь часовъ вечера вся свита Бонапартова получила приказаніе садиться на суда.

Офицеры были въ это время на балѣ, который давала *Принцесса Боргезе.* Они оставили его для того, чтобы сѣсть на суда, готовыя принять ихъ со всѣмъ войскомъ.

Четыреста человѣкъ старой гвардіи сѣли на бригъ *Непостоянный.* Двѣсти человѣкъ пѣхоты, сто Польскихъ уланъ и двѣсти фланкеровъ были раздѣлены по малымъ судамъ, которыя были слѣдующія: Шебека *Звѣзда*, Сперонадъ *Каролина*, Французскій купеческій бригъ *св. Духа*, два судна приведенныя изъ *Ріо* и маленькая фелюка одного тамошняго купца, всего семь транспортныхъ судовъ, на коихъ было девять сотъ человѣкъ.

Бонапарте сѣлъ на бригъ съ Генералами *Бертраномъ*, *Друо*, *Камброномъ* и про-

чими Офицерами, послѣдовавшими за нимъ на *Эльбу*. Многіе частные люди отправились также въ походъ, и между прочими Директоръ рудокопенъ въ *Ріо*, Г. Консъ, который жертвовалъ Корсиканцу своею особою и своимъ кошелькомъ.

Лейтенантъ *Тальядъ* былъ кормчимъ сей флотиліи; онъ взошелъ на бригъ и подалъ знакъ къ отъѣзду. Жители *Портоферраіо* извѣщены были о семъ не прежде 16 числа слѣдующею прокламаціею бригаднаго Генерала *Лапи*.

Острова Эльбы бригадный Генералъ Лапи, Камергеръ Его Величества Императора Наполеона и проч., къ жителямъ острова Эльбы.

«Нашъ августѣйшій повелитель, призванный обратно Провидѣніемъ на поприще своей славы, долженъ былъ оставить вашъ островъ; начальство надъ онымъ ввѣрилъ онъ мнѣ. Управленіе предоставилъ онъ Юнтѣ, составленной изъ шести жителей, а защиту крѣпости вашей преданности и храбрости. «Я, отъѣзжаю съ острова Эльбы, сказалъ онъ, будучи совершенно доволенъ поведеніемъ жителей. Имъ ввѣряю защиту ихъ земли, которую

весьма уважаю. Чтобъ доказать имъ свою довѣренность, оставляю имъ въ охраненіе свою мать и сестру. Члены Юнты и всѣ жители острова могутъ положиться на мою благосклонность и особенное покровительство.« — Жители! вотъ благополучнѣйшее и достопримѣчательнѣйшее для васъ время. Ваша слава и щастіе зависятъ единственно отъ вашего поведенія. Хотите ли пріобрѣсть и то и другое? не переставайте вспомоществовать мудрымъ распоряженіямъ Юнты, другихъ властей и проч. и проч.«

Порто-Феррайо 16 Февраля 1815.

По близости острова *Эльбы* были въ морѣ два фрегата: *Лилія* подъ командою Кавалера *Гарата* и *Мельпомена* подъ командою Капитана *Соллета*.

Первый держался обыкновенно вблизи острова *Капреи*, къ сѣверу отъ *Эльбы*, на пути во Францію, а второй къ югу. Они не были подчинены одинъ другому и имѣли строжайшее запрещеніе, въ какую бы то погоду ни было, приставать къ острову *Эльбѣ*, единственному прибѣжищу въ семъ архипелагѣ, состоящемъ изъ ше-

сти острововъ и двухъ весьма опасныхъ подводныхъ камней, называемыхъ муравьями. Сіи корабли не имѣли ни *адвизъяхтъ*, ни повѣренныхъ на острову. Къ столь многимъ предосторожностямъ, имѣвшимъ, какъ казалось, цѣлію обезпеченіе бѣгства Бонапартова, присовокупили новую: отозвали Кавалера *Гарата*. Приказаніе о семъ послано было изъ *Тулона* около половины Февраля къ Генералу *Брюлару*, Губернатору *Корсики*, на суднѣ *Антелопѣ*. Но сей Генералъ, знавшій около двадцати лѣтъ правила Кавалера *Гарата*, удержалъ приказаніе у себя.

И такъ при помощи сихъ предосторожностей Бонапарте плылъ спокойно къ берегамъ *Франціи!*

Полковникъ *Кампбель*, котораго дѣла отозвали во *Флоренцію*, возвратился 16 числа въ *Порто-Ферраіо*, послѣ осьмидневнаго отсутствія. Бонапарта уже не было. Полковникъ отправился къ берегамъ *Франціи*.

Въ ночи съ 16 на 17 Февраля, въ два часа доѣхалъ онъ до фрегата *Лиліи*, которому объявилъ бѣгство *Бонапарта*, но не могъ показать взятой имъ дороги.

Кавалеръ *Гаратъ* изъявилъ нѣкоторое сомнѣніе, но Англійской Офицеръ, не обижаясь тѣмъ, просилъ у Кавалера позволенія написать въ его комнатѣ письмо къ Англійскому Посольству въ *Парижѣ* съ извѣщеніемъ о бѣгствѣ Бонапарта. Тогда Кавалеръ *Гаратъ* ни мало не медля отправился во Францію съ депешею Полковника *Кампбеля,* который взялъ ту же дорогу, слѣдуя по паралельной линіи съ фрегатомъ *Лиліею.* Проѣхавъ нѣсколько, Кавалеръ *Гаратъ* приближался къ Англійскому Полковнику для сообщенія ему своего мнѣнія, что, можетъ быть, *Бонапарте* выѣхавъ съ острова *Эльбы,* присталъ къ какому нибудь сосѣдственному острову, дабы имѣть время направить свой путь смотря по обстоятельствамъ.

Справедливость сего мнѣнія поразила Полковника *Кампбеля;* онъ воротился, чтобъ осмотрѣть сіи острова и взялъ письмо Кавалера *Гарата* къ Генералу *Брюлару;* такимъ образомъ они разъѣхались въ разныя стороны.

Между тѣмъ Бонапарте имѣлъ время продолжать спокойно свой путь къ Французскимъ берегамъ.

Вѣ понедѣльникѣ 15 числа его бригѣ встрѣтился сѣ Французскимѣ бригомѣ *Зефиромѣ*, которымѣ командовалѣ Капитанѣ Андріе, знавшій очень коротко Лейтенанта *Тальянда*. Оба-брига имѣли переговоры, оказали взамную учтивость и продолжали путь кѣ своему назначенію. (*) Кажется, что *Зефирѣ* шелѣ кѣ *Корсикѣ* вѣ другой или третій уже разѣ сѣ приказаніемѣ кѣ Генералу *Брюлару* обѣ отозваніи кавалера *Гарата*.

Во вторникѣ 16 на разсвѣтѣ увидѣли судно, которое не обратило вниманія на флотилію.

Вѣ семь часовѣ утра примѣтили берегѣ *Ноли*, а вѣ полдень *Антибѣ*.

Вѣ среду 17 Февраля, около часа по полудни флотилія вошла вѣ *Жуанскій* заливѣ. Вскорѣ потомѣ послѣдовала высадка. Первые высаженные солдаты поставлены были подѣ ружье и захватили нѣсколько

(*) Бонапарте, естьли можно вѣрить оффиціяльному извѣстію, не далѣ о себѣ знать, и Капитанѣ Андріе ни мало не подозрѣвалѣ, чтобы онѣ находился на бригѣ.

частныхъ людей, привлеченныхъ на берегъ случаемъ или дѣлами. Въ этомъ числѣ находился начальникъ Національной гвардіи города *Канна* Г. Д. пріѣхавшій къ *Жуанскому* заливу съ своею женою для закупки оливковъ.

По прибытіи его къ заливу морской Коммисаръ указалъ ему суда съ флагомъ *Эльбы*, прибывшіе съ сего острова, которыя по распространившемуся слуху привезли больныхъ изъ *Порто-Ферраіо*. Сіе извѣстіе не помѣшало Г. Д. заниматься своимъ дѣломъ. Онъ навьючилъ оливками нанятаго имъ осла.

Посреди сихъ хозяйственныхъ занятій мнимые больные острова *Эльбы* захватили его самаго, жену его и осла. Удивленный столь неожиданнымъ поступкомъ, Г. Д. сильно жаловался и требовалъ своего освобожденія; но ему отвѣчали, что онъ не долго будетъ подъ арестомъ; что долженъ только переждать отправленія двухъ отрядовъ, однаго въ *Каннъ*, а другаго въ *Антибъ*. И въ самомъ дѣлѣ, по отходѣ сихъ отрядовъ плѣнные были освобождены, кромѣ осла, котораго удержали въ пользу арміи Наполеона.

Прежде отъѣзда Г. и Гжи. Д. Офицеръ, камандовавшій передовымъ карауломъ, открылъ имъ все дѣло, сказавъ, что сіе войско везетъ во Францію Императора, котораго возвращенія всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. А особливо дамы, присовокупилъ онъ обращаясь къ Гжѣ Д. Сіи слова поразили ее, какъ громовый ударъ.

Легко можно вообразить, что послѣ такого объявленія супруги мало занимались дѣломъ, за которымъ прибыли въ *Жуанскій* заливъ.

Возвратившись въ *Каннъ*, который они оставили за нѣсколько часовъ въ мирномъ состояніи, нашли они сей городъ въ неописанномъ смятеніи и безпокойствѣ. Генералъ *Камбронъ* прибылъ туда неожиданно съ 24 человѣками авангарда, которыхъ поставилъ у воротъ, приказавъ имъ впускать всѣхъ, но не выпускать ни одного.

Онъ потребовалъ у Мера реквизицію въ три тысячи шесть сотъ раціоновъ, и приказалъ ему отправиться въ Жуанскій заливъ, для привѣтствованія Императора. —Меръ выдалъ раціоны, но отказался ѣхать.

Сказываютъ, что между тѣмъ, какъ онъ давалъ приказанія о раціонахъ, спрашивалъ Мера: что онъ думаетъ о возвращеніи Императора? Но Меръ хранилъ глубокое молчаніе. Наконецъ, побуждаемъ будучи отвѣчать, сказалъ: *я присягалъ Королю и не измѣню ему.—Но вы присягали и Императору, возразилъ съ жаромъ Камбронъ.—Точно такъ, и былъ ему вѣренъ до его отреченія; нынѣ же вижу въ немъ человѣка, который желаетъ причинить нещастіе Франціи. Повторяю вамъ, моя присяга Королю священна; вы можете распоряжать мною...*

Прежде сего разговора произошло подобное явленіе съ важнѣйшимъ лицемъ: то былъ Князь *Валентинскій*, ѣхавшій въ *Монако*. Князь, прибывъ около трехъ часовъ по полудни съ отрядомъ жандармовъ, встрѣтился передъ *Канномъ* съ Генераломъ, который, снявъ шляпу, просилъ его выдти изъ кареты и съ нимъ поговорить; но карета не остановилась. Тогда Генералъ *Камбронъ* показалъ Князю свою трехцвѣтную кокарду, которую прежде скрывалъ, и сказалъ ему: «Вы видите, что мы не одной съ вами партіи; я зналъ,

что вы пріѣдете, и послалъ въ главную квартиру освѣдомиться, какъ мнѣ съ вами обходиться. Въ ожиданіи же отвѣта, вы мой арестантъ.... «Князь отвѣчалъ, что онъ знаетъ во Франціи одну только партію, которой долженъ держаться всякой Французской Офицеръ - партію Короля, и что онъ не понимаетъ сего грубаго объявленія. Тогда окружилъ его отрядъ авангарда, состоявшій изъ стрѣлковъ. Офицеры и самъ *Камбронъ* оказывали безпокойство. Жители *Канна* были печальны и унылы.

Одинъ жандармъ изъ свиты Князя успѣлъ уйти отъ стрѣлковъ, и поскакалъ во весь опоръ въ главной городъ Департамента, дабы увѣдомить начальство о происшедшемъ.

Предложили Князю войти въ почтовый дворъ. Онъ отказался, объявя, что будетъ дожидаться на большой дорогѣ отвѣта изъ сей главной квартиры, которой командиръ тщетно старался узнать. *Камбронъ* не оставлялъ его, и одинъ чиновникъ смотрѣлъ за каждымъ его шагомъ. Генералъ спрашивалъ его иногда и съ примѣтнымъ безпокойствомъ о состоя-

ніи Франціи, о народномъ духѣ въ южной части оной и проч. Легко можно себѣ представить, что получаемые имъ отвѣты не имѣли ничего удовлетворительнаго. *Князь Валентинскій* былъ окруженъ всегда, даже ночью, народомъ, произносившимъ съ неописаннымъ восторгомъ восклицанія: *да здравствуетъ Король!*

Князь Валентинскій, находясь подъ присмотромъ солдатъ *Камброня*, не зналъ еще, что самъ *Бонапарте* вышелъ на берегъ. Наконецъ, около пяти часовъ, Польскій Офицеръ принесъ Генералу депеши, и онъ далъ немедленно приказаніе отвести арестанта на постоялый дворъ, гдѣ приставили къ нему и къ его свитѣ караулъ. Солдаты караула, составленнаго изъ стрѣлковъ, были очень утомлены. Нелѣпость распространяемыхъ ими слуховъ была слишкомъ очевидна. По ихъ словамъ, многія высадки произошли въ одно время: одна въ *Фрежюсѣ*, другая въ *Антибѣ*; Бонапарте вспомоществуемъ всѣми Державами, и проч. и проч. — Достовѣрно то, что во время отъѣзда съ острова Эльбы начальникъ ихъ далъ каждому изъ нихъ по кресту и составилъ

списки Офицеровъ своей новой Польской гвардіи, которой надлежало составиться въ *Парижѣ*. Онъ обѣщалъ ввести ихъ въ сей городъ, съ оружіемъ въ рукахъ и безъ малѣйшаго выстрѣла; имъ поручено было избѣгать всякой ссоры, наблюдать величайшую тишину и повторять, что они пришли не воевать съ Французами.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило въ *Каннѣ*, *Бонапарте* прогуливался по большой дорогѣ, идущей съ *Ниццу* не далеко отъ берега, и разспрашивалъ путешественниковъ. Особливо останавливали ѣхавшихъ верьхомъ, не только для того, чтобъ допрашивать ихъ, но еще для отобранія у нихъ лошадей, въ которыхъ былъ тогда великой недостатокъ.

Въ числѣ ихъ находился Меръ сосѣдственной деревни *Ла-Коль*; этотъ Меръ, инеменъ *Беллиссимъ*, былъ въ гостяхъ у своихъ родственниковъ въ *Фрежюсѣ* и, возвращаясь въ *Ла-Коль*, долженъ былъ проѣзжать близъ *Антибъ*. — Бонапарте, узнавшій всѣ сіи подробности изъ разговора съ Меромъ, сказалъ, что хочетъ поручить ему коммиссію, снести въ *Антибъ* двѣ или три прокламаціи. Меръ взялъ

оныя. Весьма желали удержать его лошадь; но Г. Меръ не намѣренъ былъ уступить ее особливо въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ; не соглашался ни на одно изъ сдѣланныхъ ему предложеній, и получилъ позволеніе продолжать свой путь. Однако лишь только отъѣхалъ онъ на нѣсколько шаговъ, какъ его воротили для того, сказалъ ему Бонапарте, чтобъ онъ прочелъ сіи прокламаціи и взялъ съ собою одинъ экземпляръ для своего округа (*).

Меръ не преминулъ исполнить сіе последнее порученіе. Онъ прибылъ очень поздно въ *Ла-Коль*, собралъ всѣхъ жителей деревни, сообщилъ имъ прокламаціи и разсказалъ все съ нимъ случившееся.

Бонапарте не совсѣмъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ предпріятія захватить *Антибъ*. И въ самомъ дѣлѣ, посланныя имъ туда люди схвачены и обезоружены, не по приказанію камандовавшаго Генерала *Корсира* (его въ то время тамъ не было), а по приказанію Мера и по желанію жителей, которые гораздо болѣе привержены были въ Королевской службѣ, нежели гарнизонъ.

(*) Эти прокламаціи были рукописныя.

Бонапарте, не получая извѣстій изъ *Антиба*, послалъ Офицера съ требованіемъ сдачи сего города. Офицера арестовали. Явился третій посланныйи—и имѣлъ ту же участь.

Изумленный Бонапарте, негодуя на сіе первое сопроти вленіе, поднялъ свой бивуакъ въ двѣнадцатомъ часу ночи, и перенесъ его къ воротамъ *Конскимъ*, на площадь, называемую при выходѣ на *Грасскую* дорогу.

Въ два часа приказалъ *Бонапарте* привести къ себѣ Князя *Валентинскаго*, который нашелъ его окруженнаго гвардіею, стоящаго предъ большимъ огнемъ. Онъ былъ въ сѣромъ сертукѣ, съ трехцвѣтною на шляпѣ ковардою: множество жителей, на лицахъ которыхъ изображено было безпокойство, окружали бивуакъ. Князь *Валентинскій* твердымъ голосомъ просилъ позволенія продолжать путь свой въ *Монако*. Говорятъ, что Бонапарте, соглася сь наконецъ на его просьбу, отвѣчалъ ему: *вы конечно не навсегда останетесь въ Монакѣ; вы возвратитесь въ Парижъ; это одно только мѣсто, гдѣ можно жить.*

Остатокъ разговора не былъ слышанъ; примѣтили только, что Бонапарте на многіе вопросы не получалъ отвѣта, и что Князь всѣми силами старался отъ него отдѣлаться.

Въ четыре часа былъ онъ отведенъ обратно на постоялый дворъ тою же стражею, которая привела его къ бивуаку. Въ то же самое время Бонапарте отправился верхомъ впереди небольшой колонны; прочее его войско шло впереди и позади его. Нѣкоторые изъ его солдатъ убѣжали изъ *Канна.* Сей городъ оказалъ удивительную преданность Королю. Жители, не имѣя ни оружія, ни малѣйшаго средства къ оборонѣ, и не зная точно числа войскъ, долженствовавшихъ войти въ ихъ стѣны, сдѣлали все, что могли. Не слышно было ни одного восклицанія въ пользу похитителя. Разсказываютъ даже, что одинъ молодой человѣкъ приблизился къ его бивуаку съ оружіемъ, чтобъ его убить. Онъ отвѣчалъ тѣмъ, которые старались отвратить его отъ сего намѣренія, опасаясь разрушенія города: *какая нужда, что погибнетъ Каннъ? Европа будетъ спасена.*

Бонапарте не смѣлъ войти въ сей городъ, однакожъ не преминулъ объявить въ оффиціяльной реляціи, *что жители Канна приняли* Императора съ такими чувствами, которыя были предвѣстіемъ хорошаго успѣха въ его предпріятіи (*).

Оставляя *Каннъ*, Бонапарте сдѣлалъ видъ, будто отправляется въ *Фрежюсъ*, но поѣхалъ въ *Грассъ*.

Сей городъ имѣетъ 12,000 жителей. Извѣстіе о высадкѣ *Бонапарта* пришло въ оный, въ семь часовъ вечера, и возбудило

(*) Они были худо награждены за свои чувства, ибо весь городъ былъ преданъ *Брюномъ* грабежу за его преданность Королю; жители онаго выдержали небольшую войну съ Антибскимъ гарнизономъ и другими мятежными войсками.

Они схватили одного переодѣтаго Генерала, который раздавалъ трехцвѣтныя кокарды. Сей поступокъ навлекъ на нихъ безчисленныя гоненія. Сіи же люди говорили одному путешественнику, возвращавшемуся во Францію послѣ бѣгства Бонапартова: „Скажите Королю, что наша преданность къ нему неограниченна. Вы видите нашу нищету, она достигла до высочайшей степени. Брю-

въ жителяхъ усердіе къ Королю; но не будучи въ состояніи служить ему въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, они рѣшились собрать муниципальный совѣтъ и чиновниковъ. Призвали также и Генерала *Газана*, который, какъ урожденецъ Грасса въ сіе время тамъ находился. Всѣ радовались щастливому случаю, приведшему его туда. Думали, что онъ будетъ поощрять и направлять ревность своихъ соотечественниковъ, собранныхъ вокругъ Ратуши и ожидавшихъ съ нетерпѣніемъ оружія и приказанія идти про-

---

новы солдаты положили ей начало; а проходъ чужихъ войскъ увеличилъ оную реквизиціями, которыя столь бѣдная земля должна была давать. Мы вытерпимъ все съ бодростію для благоденствія Франціи и для нашего добраго Короля; мы почтемъ себя щастливыми, естьли наша преданность и доказательства нашей любви могутъ заслужить его благоволеніе."

Городъ *Каннъ* будетъ принадлежать Исторіи, потому что въ немъ начались бѣдствія Франціи; Исторія же должна отмстить за клевету, взведенную на него безстыднымъ лицемѣромъ.

тивъ непріятеля; но сей Генералъ внушеніямъ столь похвальной преданности противопоставилъ совѣты опытности и попеченіе о сохраненіи города. Не надобно горячиться, говорилъ онъ; и отринулъ предложеніе ударить въ набатъ по деревнямъ: «Гдѣ найти въ столь короткое время оружіе и потребную аммуницію? Какъ атаковать нѣсколькими гражданами или крестьянами мужественныхъ солдатъ Бонапарта? Развѣ не извѣстно, что одна тысяча человѣкъ сего войска можетъ разсѣять многіея тысячи національной гвардіи?»

Таковы были разсужденія, противопоставленныя опытностію Генерала *Газана* преданности его соотечественниковъ. Ночь прошла въ сей бѣдственной борьбѣ и въ размышленіяхъ, произведшихъ глубокое уныніе.

Между тѣмъ нѣсколько молодыхъ людей, горѣвшихъ любовію къ Королю и отечеству, стали на дорогѣ въ *Каннъ*, которою шелъ Бонапарте. Въ четыре часа утра жандармъ, шедшій по видимому изъ *Канна* въ *Грассъ* съ какимъ-то порученіемъ, объявилъ сей толпѣ: «*Возвратитесь*

въ городъ; ударятъ въ *набатъ.*« Они дѣйствительно воротились и пришли къ Ратушѣ. Тамъ одинъ чиновникъ сказалъ симъ молодымъ людямъ, когда они изъявили ему свое удивленіе, что не бьютъ въ набатъ: *господа, ступайте по домамъ; ваша пылкость погубитъ насъ.* Чрезъ два часа послѣ того прибылъ Генералъ *Камбронъ;* онъ посѣтилъ Генерала *Газана* и пошелъ въ Ратушу, гдѣ вытребовалъ 4000 раціоновъ.

Выполнивъ сіе порученіе, Генералъ *Камбронъ* соединился съ Наполеономъ. Сей послѣдній приближался весьма медленно; онъ остановился при бивуакѣ, оставленномъ молодыми людьми изъ *Грасса.* прибылъ къ деревнѣ *Монанъ,* услышалъ Онъ колокольный звонъ, и думая, что бьютъ въ набатъ, испугался и почиталъ себя погибшимъ. Ѣхавшій мимо его извощикъ, котораго онъ спросилъ о причинѣ звона, сказалъ ему, что звонятъ *по случаю погребенія,* и тѣмъ его успокоилъ. При всемъ томъ онъ не отважился войти въ *Грассъ,* обошелъ оный и остановился за полмили далѣе на высотѣ, господствующей надъ городомъ.

Проходя около онаго, Бонапарте увидѣлъ на дорогѣ женщину и учтиво ей поклонился. Это была жена Подпрефекта; она шла въ *Антибъ*: одна мысль, что Бонапарте сойдетъ съ лошади подлѣ нее, поразила ее такъ, что она упала въ обморокъ.

Войско позавтракало изъ съѣстныхъ припасовъ, собранныхъ въ *Грассѣ* по праву реквизиціи. Нѣсколько любопытныхъ вышли изъ города и приближились къ подошвѣ холма. *Камбронъ* и *Бертранъ* побуждали зрителей кричать: *да здравствуетъ Императоръ!* но они отвѣчали глубокимъ молчаніемъ.

Послѣ завтрака Бонапарте оставилъ у воротъ *Грасса* свою карету и пушки; онъ собралъ реквизиціею лошадей и муловъ, въ которыхъ имѣлъ надобность, и продолжалъ свой путь чрезъ горы, по самымъ тѣснымъ и пустымъ дорогамъ, въ предшествованіи и сопровожденіи своего войска, которое начинало уменьшаться отстававшими солдатами. Его увеличилъ однакожъ собою кожевникъ Грасскій, *Иснардъ*, человѣкъ обвиненный правосудіемъ и единственный житель того города,

присоединившійся къ сему войску, котораго онъ былъ весьма достоинъ. Бонапарте прибылъ къ вечеру въ деревню *Серанонъ* и остановился въ домѣ *Грасскаго* Мера, который приказалъ отдать ему ключи, безъ сомнѣнія для того, чтобъ не выломили воротъ; ибо, избѣжавъ крайности впустить Бонапарта въ городъ, Меръ конечно бы не старался сыскать случая впустить его въ деревню.

Бонапарте имѣлъ намѣреніе напечатать въ *Грассѣ* прокламаціи; но типографщикъ, къ которому онъ ихъ послалъ, скрылся. Оставили у него въ домѣ нѣсколько солдатъ, но они его не дождались.

Такимъ-то образомъ *Бонапарте* прибылъ на границу *Варскаго* департамента, прошедъ двадцать миль.

Здѣсь, можетъ быть, спросятъ: что происходило въ *Драгиньянѣ*, главномъ городѣ департамента Варскаго? Вотъ что написано объ этомъ въ Монитерѣ отъ 24 Февраля 8 Марта:

„18 Февраля Генералъ *Моранжіеръ*, командующій въ департаментѣ *Варскомъ*, соединилъ въ *Фрежюсѣ Драгиньянскій* гарнизонъ и національную гвардію изъ окрест-

ностей. Всѣ дороги, посредствомъ которыхъ вышедшіе на берегъ люди могли бы имѣть сообщеніе съ моремъ, или возвратиться, хорошо охраняются и совершенно заграждены.

И такъ между тѣмъ, какъ Бонапарте подвигался къ сѣверу и поспѣшно удалялся отъ берега, на которой онъ вышелъ, Генералъ *Моранжіеръ* отправился на тотъ самый берегъ, стараясь болѣе о пресѣченіи ему возвратнаго пути, нежели объ удержаніи его успѣховъ во внутренности.

Въ тотъ же день, 18 Февраля, фрегатъ *Лилія* вошелъ въ *Жуанскій* заливъ въ 11 часовъ утра, чрезъ 22 часа послѣ Бонапарта, который выходилъ тогда изъ *Трасса*. Депеши съ *Лиліи* привезены въ три часа въ *Тулонъ* Офицеромъ фрегата сего, которой отъ *Антиба* ѣхалъ въ самомъ присутствіи Бонапартовыхъ солдатъ.

Должно упомянуть о ревности Г. де *Бутилліера, Варскаго* Префекта.

Онъ отправилъ курьера въ *Парижъ*, и къ разнымъ Префектамъ и Генераламъ, находившимся на обѣихъ дорогахъ, по которымъ могъ идти Бонапарте: а именно,

къ Маршалу *Массенѣ*, стоявшему въ *Марсели*, и къ Префектамъ *Авиньонскому*, *Валланскому*, *Ліонскому* и по параллельному направленію съ *Динемъ*, *Гапомъ* и *Греноблемъ*. Самъ же съ Національною гвардіею пошелъ на правую изъ сихъ дорогъ, одну, по которой Бонапарте могъ идти съ пушками. Въ семъ онъ обманулся. Упрекаютъ его за то, что онъ не занялъ *Систерольскаго* моста: но думалъ ли онъ, что его товарищъ въ департаментѣ *Нижнихъ Альповъ*, который находился вблизи того моста, не сдѣлаетъ нужныхъ для сего распоряженій? Какъ бы то ни было, однако между тѣмъ, какъ Бонапарта тѣснили со стороны *Фрежюса*, онъ подвигался къ *Диню*!

Въ пятницу, 19 Февраля, Бонапарте выѣхалъ изъ *Серанона*, а къ завтраку пріѣхалъ въ *Кастелланъ*. Онъ нашелъ тамъ чиновниковъ, и именно Г. *Франкуля*, Подпрефекта, котораго недавно отрѣшили, но не опредѣлили еще новаго на его мѣсто. Онъ обѣщалъ ему возвратить сіе мѣсто, ибо его отрѣшили единственно за политическія мнѣнія.

Бонапарте остановился въ одномъ до-

мѣ съ симъ чиновникомъ и позавтракалъ съ нимъ.

По прибытіи своемъ, приказалъ онъ позвать Мера (Г. *Сенъ-Мартена*) и принудилъ его выдать ему три бланкетные паспорта, запретивъ извѣщать объ этомъ Префекта прежде трехъ часовъ. Онъ потребовалъ жандармовъ; но они уже заранѣе вышли изъ города.

Отдохнувъ три часа, онъ продолжалъ свой путь и прибылъ ночевать въ *Барремъ*. Прибытіе его было извѣщено нарочнымъ посланнымъ изъ *Кастеллана* и пріѣхавшимъ около четырехъ часовъ.

Чрезъ часъ пріѣхалъ *Камбронъ* съ нѣкоторыми Офицерами: онъ остановился въ лучшемъ домѣ (Г. *Тартансона*) мирнаго судьи. Онъ занимался разсматриваніемъ онаго и назначеніемъ комнатъ для Бонапарта, когда сей послѣдній пріѣхалъ самъ. Вы ли хозяинъ дома? сказалъ онъ, обращаясь къ Г. *Тартансону*, который шелъ за нимъ.— Я... Государь! — Какъ васъ зовутъ?— Тартансонъ. — А кто этотъ молодой человѣкъ? — Это мой сынъ. — Какую онъ имѣетъ должность? — Онъ пріемщикъ податей.

Вошедъ въ приготовленную для него комнату, увидѣлъ онъ въ ней жену Г. Тартансона съ сыномъ, и поклонился ей весьма ласково. Она привѣтствовала его словами: *Здраствуйте, милостивый государь!* *Камбронъ* взялъ ее за руку и сказалъ ей съ упрекающимъ видомъ: *сударыня, ето Императоръ.* При сихъ словахъ она такъ испугалась, что нѣсколько дней не могла оправиться.

Между тѣмъ какъ Бонапарте располагался въ назначенной для него комнатѣ, прочія части дома наполнялись множествомъ Офицеровъ, а подвалы багажемъ.

Лишь только онъ расположился, какъ потребовалъ Мера (*Г. Берода.*) Онъ распрашивалъ его о Систеронской дорогѣ; оказывалъ желаніе переночевать тамъ на другой день; но ему сказали, что невозможное сіе для пѣшеходцевъ. Онъ приказалъ себѣ подать карты *Прованса,* и разсматривалъ ихъ, хотя имѣлъ свою карту изданія *Кассини.* Онъ приказалъ взять въ реквизицію двѣсти повозокъ въ двѣ лошади, назначилъ деревни, которыя должны были выдать оныя преимущественно находившіяся на его дорогѣ, дабы

онѣ не смѣли отказаться отъ реквизиціи; и при томъ сказалъ, что его артиллерія идетъ по большой дорогѣ съ кавалеріею, и говорилъ о многихъ высадкахъ, происходившихъ въ одно время въ разныхъ мѣстахъ Прованса.

Между тѣмъ крѣпость *Барремская* наполнялась войсками, которыхъ принимали въ безмолвіи удивленія и ужаса.

При всѣхъ входахъ въ крѣпость поставлены были караулы, а также и на площади; прочіе солдаты расположились у жителей и принудили ихъ иллюминовать домы.

Послѣ сихъ приготовленій Бонапарте приказалъ позвать хозяина дома и между множествомъ неважныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ имъ безъ всякой связи, проговорилъ нѣсколько словъ о своемъ предпріятіи.

Естьли войско, сказалъ онъ, держится моей стороны, какъ меня увѣряютъ, то Бурбоны не могутъ удержаться; но пусть они не безпокоятся о своей участи. — Хотя войско держится вашей стороны, отвѣчалъ г. Тартансонъ, но народъ

ся не держится — по крайней мѣрѣ въ здѣшнемъ краю."

Бонапарте пропустилъ сіе замѣчаніе, не возражая на оное, и не показывая неудовольствія, обратилъ разговоръ на другіе неважные предметы; но между прочимъ произнесъ сіи достопримѣчательныя слова: *Послѣ завтра ввечеру Бурбоны узнаютъ о моемъ прибытіи.* — Потомъ обратясь къ хозяйскому сыну, сказалъ ему: *Вы пойдете съ нами, вы будете въ числѣ нашихъ, не правда ли?* — *Государь,* отвѣчалъ Г. *Тартансонъ, я одинъ сынъ у отца, имѣю жену и дѣтей. Мнѣ будетъ весьма трудно разстаться съ своимъ семействомъ.* — *Я вамъ дамъ хорошій чинъ,* возразилъ Бонапарте не останавливаясь на сихъ замѣчаніяхъ.) Но Г. Тартансонъ настаивалъ въ своемъ отказѣ, представляя, что онъ принесетъ гораздо больше пользы отечеству, оставшись въ томъ званіи, которое теперь занимаетъ.

Бертранъ, бывшій простымъ зрителемъ сего разговора, отвелъ чрезъ нѣсколько минутъ Г. Тартансона къ сторонѣ и возобновилъ тѣже предложенія съ большимъ усиліемъ. *Я васъ теперь же про-*

изведу, сказалъ онъ ему, *въ эскадронные командиры; когда придемъ* въ *Ліонъ получите вы еще чинъ, а въ Парижѣ беру я на себя ваше повышеніе.*

Но сіи великолѣпныя предложенія столь мало тронули скромнаго пріемщика податей, что чрезъ три дни послѣ того онъ отправился для преслѣдованія своего гостія, съ отрядомъ королевскихъ волонтеровъ.

Между тѣмъ какъ *Бонапарте* и *Бертранъ,* дежурный *Генералъ большой арміи,* занимались съ столь неутомимою ревностію наборомъ сей арміи Камбронъ, отправляя должность кухмистера, сошелъ въ кухню и потребовалъ супу. Хозяйка дому отвѣчала чистосердечно, что теперь постъ, и что горшокъ не поставленъ на огонь. *Сударыня,* отвѣчалъ *Камбронь,* возвысивъ голосъ, *однакожъ надобно подать супъ Императору.* Ему дали замѣтить, что есть похлебка, сготовленная для служителей, которые придутъ съ поля, но что Императору не смѣютъ предложить такой простой пищи.

Посмотримъ, сказалъ *Камбронь,* открывая кострюлю, *что ето за похлебка?*

Онѣ взялѣ ложку, и нашедѣ ея весьма вкусною, приказалѣ вѣ туже минуту подать на столѣ. Вѣ тоже время овладѣлѣ онѣ блюдомѣ трески, яишницею и всѣмѣ тѣмѣ, что составляло ужинѣ семейства. Кѣ тому присовокупили еще заднюю часть козленка и нѣсколько другихѣ блюдѣ, принесенныхѣ сѣ постоялаго двора, гдѣ они были приготовлены подѣ смотрѣніемѣ двухѣ чиновниковѣ.

Бонапарте потребовалѣ десертныхѣ винѣ, плодовѣ и конфектовѣ. Онѣ напился кофе, который возилѣ при себѣ свареный вѣ бутылкѣ, изѣ хозяйскихѣ чашекѣ, ибо его собственный сервизѣ не былѣ еще привезенѣ.

Между тѣмѣ какѣ семейственный ужинѣ былѣ принесенѣ вѣ жертву Бонапарту и его сотоварищамѣ (*Бертранѣ* и *Друо*, ужинали сѣ нимѣ вмѣстѣ) его многочисленная свита забирала всѣ хозяйскіе припасы и вѣ нѣсколько минутѣ похитила плодѣ многолѣтней экономіи.

Послѣ ужина всѣ тюфяки взяты были вѣ реквизицію и положены во всѣхѣ комнатахѣ, даже на лѣстницѣ. Бонапарте имѣлѣ желѣзную кровать, которую по-

ставили въ нѣсколько минутъ. Въ семъ домѣ не могъ онъ ничего получить, кромѣ суконныхъ одѣялъ и тюфяковъ, а у него было полотняное одѣяло съ разводами хорошей работы. Онъ легъ, а на часахъ стояли по два мамелюка у каждой двери его комнаты. Лѣстница была покрыта Офицерами, улегшимися на тюфякахъ или на соломѣ.

Нѣкоторые изъ нихъ не ложились, а во всю ночь писали и занимались отправленіемъ нарочныхъ. Многіе были посланы въ первыя минуты прибытія Бонапартова. Слышали, какъ онъ спрашивалъ *Бертрана:* »Поѣхалъ ли онъ? — Кто, Государь? — Гренобльскій корресподентъ? — Поѣхалъ, Государь. — А корресподенты Сѣвера? — Они также отправлены. (*)

Командиръ Національной гвардіи, стоявшій у воротъ, при помощи сына Г.

(*) Спросили проѣзжавшаго 2 Марта чрезъ Вильжюифъ стараго кучера Лавалетта, не изъ Ліона ли онъ, и не знаетъ ли чего новаго о Бонопартѣ. Я ѣду изъ дальнихъ мѣстъ, отвѣчалъ онъ, а Бонапарте будетъ 8 числа въ Парижѣ.

Тартансона, нашелъ средство отправить въ *Динь* нарочнаго. Онъ послалъ къ Префекту записку слѣдующаго содержанія:

„*Императоръ Наполеонъ Бонапарте прибылъ въ Барремъ съ большою свитою.*" Г. Тартансонъ прибавилъ къ слову Императоръ: — *отставной.*

Багажъ Бонапарта, отставшій отъ него, прибылъ ночью. Между прочими вещами находился въ немъ вызолоченный сервизъ, на которомъ онъ завтракалъ.

Въ семь часовъ *Бонапарте* приказалъ позвать мирнаго судью, который пришелъ съ сыномъ своимъ. Они нашли его сидящаго въ креслахъ, протянувъ ноги на стулъ. Видно было, что у него подъ мундиромъ броня, ибо онъ поворачивался съ трудомъ; онъ сидѣлъ какъ истуканъ, въ синемъ мундирѣ, въ берейторскихъ сапогахъ со шпорами.

Нѣтъ ли здѣсь національныхъ имѣній? — Нѣтъ, Государь. — *Что, дѣлаютъ бездѣльники?* (Г. Тартансонъ ничего не отвѣчалъ, и Бонапарте продолжалъ) то есть; *Дворяне, эмигранты — что они говорятъ?* — Они очень спокойны. — *Есть ли*

у нихъ церковныя имѣнія? — Есть принадлежащія къ Сенезскому Епископству. — *По настоящей ли цѣнѣ они проданы?* — Почти такъ. — *Не было ли другихъ имѣній, проданныхъ въ окрестностяхъ?* — Было, на примѣръ, имѣніе Г. де Моріеза. — *Не былъ ли онъ командиромъ эскадры?* — Былъ. — *Живъ ли онъ?* — Умеръ. —

Сіи вопросы были перемѣшаны со многими другими, изъ которыхъ видно было, что онъ не знаетъ самъ, о чемъ хочетъ говорить.

Обращясь къ своему предпріятію и упоминая о средствахъ, обезпечивавшихъ исполненіе онаго, сказалъ онъ между прочимъ: »Императрица и Король Римскій отправились въ Парижъ; они вскорѣ прибудутъ съ войсками, которыя даетъ ей Австрійскій Императоръ.

Должно замѣтить, что во всѣхъ сихъ разговорахъ Бонапарте никогда не произносилъ имени *Короля*, а всегда говорилъ: *Бурбоны*. Слово *рояллисты* также никогда не выговаривалось ни имъ, ни его сопутниками.

По окончаніи сего разговора (который продолжался полчаса) *Камбронъ* спросилъ

щетѣ. хозяинѣ отвѣчалѣ, что онѣ не практирщикѣ, и потому не подаетѣ щетовѣ. *Камбронъ* тщетно требовалѣ онаго, и оставилѣ на столѣ сто франковѣ, завернутыхѣ вѣ бумажкѣ, на которой было надписано: отдайте десять франковѣ служителямѣ. (*)

Вѣ семѣ часовѣ сѣлѣ Бонапарте на лошадь, или лучше сказать, его посадили на лошадь два или три конюха, — столь трудно ему было двигаться вѣ латахѣ. Онѣ увидѣлѣ у одного окна дамѣ, которыя смотрѣли на него вѣ молчаніи; и поклонился имѣ учтиво.

Войско, стоя подѣ ружьемѣ, закричало: *да здравствуетъ Императоръ!* Сіе восклицаніе было повторено народомѣ и нѣсколькими крестьянами, прибывшими числомѣ около двухѣ сотѣ сѣ своими лошаками, на которыхѣ навьючили весь багажь. Проходѣ войска продолжался цѣлой день; оно

(*) Сія сумма не слишкомѣ награждала хозяина за его убытки; но онѣ былѣ очень радѣ, что не лишился ни одной серебрянной вещи вѣ безпорядкѣ, причиненномѣ подобнымѣ гостемѣ и его свитою.

шло отдѣленіями. Предшествуемый симъ войскомъ и пятидесятью уланами, Бонапарте отправился въ *Динь*.

Онъ остановился въ *Бедеіемѣ*, гдѣ велѣлъ развести большой огонь посреди луга. Тамъ держа въ рукѣ часть цыпленка и кусокъ *хлѣба подъ пазухаю*, завтракалъ онъ какъ истинной философъ.

Въ сіе время авангардъ его, продолжавшій свой путь къ *Диню*, встрѣтился съ однимъ Аббатомъ (Г. *Аллегромъ*), который ѣхалъ въ *Сенезъ*; у него отняли лошадь, и онъ принужденъ былъ идти пѣшкомъ за похитителемъ до *Диня*, чтобъ получить деньги за лошадь, не ему принадлежавшую.

Г. *Иснардъ*, Барремскій чиновникъ, ѣхавшій на ослѣ по той же дорогѣ, также долженъ былъ воротиться въ *Динь*, идучи подлѣ Бонапарте, который предлагалъ ему множество вопросовъ.

Г. Дюваль, Префектъ Диня, получилъ 19 Февраля въ три часа вечера депешу отъ своего товарища въ *Варскомъ* Департаментѣ, съ извѣщеніемъ его о высадкѣ Бо-

напарта съ 1600 человѣкъ и о своихъ распоряженіяхъ.

Г. Дюваль, отписавъ о полученіи сего письма, положилъ его въ карманъ и не увѣдомилъ о семъ никого. Въ вечеру принялъ онъ гостей и казался гораздо веселѣе обыкновеннаго. Пагубное письмо не помѣшало ему участвовать въ удовольствіяхъ вечера и играть на билліардѣ до одиннадцати или до двѣнадцати часовъ.

Въ сію самую ночь, многіе изъ вышедшихъ на берегъ вошли въ *Динь*, не будучи нимѣмъ примѣчены. Въ четыре часа поутру нарочный, отправленный изъ *Баррема*, распространилъ извѣстіе, что Бонапарте пріѣдетъ въ *Динь*; въ тотъ же день. Тогда Префектъ сообщилъ Г. де *Ловердо*, Коменданту департамента *Нижнихъ-Альповъ* письмо *Варскаго* Префекта, полученное имъ наканунѣ, и другое *Барремскаго* начальника жандармовъ, лишь только пришедшее.

Г. де *Ловердо* отправился немедленно въ казармы, гдѣ находилося рекрутское депо во 150 человѣкъ. Но сія команда, обольщенная мятежниками, приняла свое-

то начальника съ восклицаніемъ: да *здравствуетъ Императоръ!*

Г. де *Ловердо* разсказалъ Префекту объ таковомъ страшномъ расположеніи, присовокупивъ, что не льзя надѣяться ни на одного солдата, и заклиналъ его заняться сборомъ Національной гвардіи, которою онъ распоряжалъ.

Начальникъ тамошнихъ Инженеровъ въ шесть часовъ утра предложилъ свои услуги, разломать мосты или испортить дорогу. Но Префектъ благодарилъ его и сказалъ, чтобъ онъ старался только *охранять свою жену и тещу!*

Между тѣмъ бѣдственное извѣстіе распространяясь по городу, возбудило ревность въ нѣкоторыхъ добрыхъ гражданахъ, которые сбѣжались къ Меру и требовали оружія, чтобъ идти противъ Бонапарта и ожидать его близь города въ одномъ непроходимомъ мѣстѣ, гдѣ горсть людей могла остановить цѣлую армію.

Меръ, похваляя ревность сихъ усердныхъ жителей, не хотѣлъ однакожъ дать имъ оружія, не снесясь о томъ съ Префектомъ. Но сей послѣдній не только не поощрилъ ревности великодушныхъ граж-

данъ, но запретилъ еще Меру вооружать ихъ, и возложилъ на него отвѣтственность за всѣ послѣдствія, которыя можетъ навлечь нарушеніе сего запрещенія.

Во время сей борьбы между великодушными гражданами, требовавшими оружія, и чиновниками, отказывавшими имъ въ ономъ, Бонапарте приближался къ *Диню.*

Онъ былъ уже предупрежденъ многими изъ своихъ единомышленниковъ, и между прочими Офицеромъ его гвардіи *Эмери;* сей человѣкъ, *Гренобльскій* уроженецъ, былъ схваченъ и представленъ для допроса одному изъ своихъ земляковъ, Г. *Валесу*, Королевскому Прокурору уголовныхъ дѣлъ въ *Динѣ,* который думая, что онъ ѣдетъ въ Греноблъ, съ хорошимъ намѣреніемъ, принялъ его въ свой домъ, далъ ему лошадь для продолженія пути и письменное *свидѣтельство вмѣсто пашпорта* (*).

(*) Сей посланный Бонапарта, не прежде какъ послѣ завтрака, открылся своему хозяину, который отвѣчалъ ему: вы слишкомъ откровенны, и я долженъ васъ арестовать. Но между тѣмъ, какъ собирался сіе сдѣлать, посланный ускакалъ на хозяйской лошади и съ свидѣтельствомъ, отъ него полученнымъ.

Приготовивъ такимъ образомъ все для принятія Бонапарта, Префектъ послалъ на *Барремскую* дорогу Поручика жандармовъ (Г. Жюліеня) чтобъ извѣстить его о приближеніи хищника. Между тѣмъ сей послѣдній отправилъ въ *Динь* приказаніе собрать 5000 раціоновъ, увеличивая такимъ образомъ число своего войска, дабы устрашить жителей.

Около одиннадцати часовъ Поручикъ жандармовъ возвратился съ извѣстіемъ, что Бонапарте ѣдетъ.

Префектъ ожидалъ етой минуты, чтобы удалиться. Лошади его были готовы, также и четыре жандарма, для сопровожденія его. Онъ отправился въ сосѣдственную деревню, гдѣ Бонапарте имѣлъ своего главнаго секретаря и нѣсколько другихъ чиновниковъ.

Г- де *Ловердо* ранѣе удалился съ своими солдатами, которые по крайней мѣрѣ, не увеличили войска Бонапартова. — Бонапарте въѣхалъ въ *Динь* съ барабаннымъ боемъ, но былъ принятъ въ молчаніи унынія. Лавки были заперты, жители скрылись въ домахъ; на площади было нѣсколько мальчишекъ.

Сей то части народа Генералъ *Бертранъ* обЪявилЪ прибытіе Императора, чтобы получить нЪсколько доказательствЪ усердія, противныхЪ глубокому молчанію, поразившему какЪ его, такЪ и его властелина онЪ бросилЪ симЪ дЪтямЪ нЪсколько денегЪ и сказалЪ: *вотЪ ИмператорЪ! кричите: да здравствуетЪ ИмператорЪ!* И вЪ самомЪ дЪлЪ мальчишки повторили сіе восклицаніе между тЪмЪ какЪ другіе, стоявшіе у оконЪ, кричали: да *здравствуетЪ Король!*

Таково было вшествіе Бонапарта вЪ *Динь!*

Бонапарте остановился вЪ трактирЪ *малый ПарижЪ* и пробылЪ вЪ немЪ нЪсколько часовЪ. ОнЪ призывалЪ попеременно пятерыхЪ человЪкЪ: одну госпожу (*дЪвицу Димишель*) отставнаго Офицера своей гвардіи (Г. *Юліеня*) Мера и двухЪ его помощниковЪ.

Вы мнЪ нравитесь, сказалЪ одному изЪ сихЪ помощниковЪ: я васЪ сдЪлаю ПрефектомЪ. ПолагаютЪ, что этому же самому человЪку Бонапарте сказалЪ, возражая на замЪчанія о трудности его

предпріятія) *моя участь зависитъ отъ арміи.*

Около половины четвертаго часа Бонапарте сѣлъ опять на лошадь съ помощію трехъ или четырехъ служителей. Онъ былъ неподвиженъ, какъ статуя: всѣ это замѣтили и заключили, что у него подъ мундиромъ была броня.

Нищій, случившійся на дорогѣ, поцѣловалъ у него руку, получилъ отъ сей щедрой руки пять франковъ и началъ кричать: да здравствуетъ Императоръ! долой Наполеонъ! Онъ повторялъ это нѣсколько разъ, и его съ трудомъ заставили молчать. Бонапарте проѣхалъ по публичному гульбищу, гдѣ находилось великое множество народа. Онъ кланялся на обѣ стороны.

Генералъ *Друо* былъ оставленъ въ *Динѣ* съ 4 стрѣлками для напечатанія трехъ прокламацій Бонапарта и его войска, которыя до того времени ходили по рукамъ въ рукописяхъ.

Бонапарте отправился въ *Систеронъ*, и пріѣхалъ ночевать въ *Малижъ*, не большую деревеньку за пять миль отъ онаго. Онъ остановился въ замкѣ и хотѣлъ на

другой день заплатить за причиненныя имъ издержки. Генералъ, которому было сдѣлано сіе препорученіе, позвалъ хозяина. Сей отвѣчалъ, что онъ не трактирщикъ. Генералъ настаивалъ, чтобъ онъ взялъ деньги; хозяинъ не уступалъ. Наконецъ Генералъ бросилъ на столъ два Наполеондора.

Авангардъ, предводительствуемый *Камброномъ*, приближался къ *Систерону*, куда вступилъ въ два часа поутру. Генерала дожидались въ трактирѣ, въ которой прибылъ прежде его *Эмери*. Наканунѣ Систеронскій Подпрефектъ (Г. Биньонъ) получилъ слѣдующее увѣдомленіе отъ Префекта. «Извѣстіе о высадкѣ *Императора Наполеона* подтверждается. Онъ вышелъ на берегъ 17 Февраля въ *Жуанскомъ* заливѣ; ночевалъ въ тотъ же день въ *Каннѣ*, 18 въ *Серанонѣ*, 19 въ *Барремѣ*. Вѣроятно прибудетъ онъ сюда сего дня. Получено уже приказаніе выдать 5000 раціоновъ. Всякое сопротивленіе будетъ тщетно. Скройте казну и аммуницію въ ожиданіи дальнѣйшихъ приключеній.»

Должно замѣтить, что солдаты Бонапарта, изнуренные усталостію, тащились за нимъ безъ всякаго порядка, и говорили повсюду, что Бонапарте, по его собственному объявленію, прибылъ во Францію въ слѣдствіе условій, заключенныхъ съ важнѣйшими державами, а не для того, чтобъ драться. Если бы они нашли малѣйшее сопротивленіе, то лишились бы мужества, и тогда бы одинъ ружейный выстрѣлъ принудилъ ихъ положить оружіе.

Изъ сего видно, какъ должно назвать увѣдомленіе *Диньскаго* Префекта о безполезности сопротивленія. Чтожъ касается до сохраненія казны, то непріятель имѣлъ болѣе денегъ, нежели сколько могъ везти съ собою, да и не думалъ о казнѣ. Она была скрыта, а аммуниція отослана въ *Маноскъ*, на правой берегъ *Дюрансы*.

Въ Воскресенье, 21 Февраля, Подпрефектъ позвалъ въ Ратушу Мера и начальника національной гвардіи. Они разсуждали о письмѣ Префекта и терялись въ догадкахъ о его поступкѣ, который казался имъ весьма страннымъ, какъ вдругъ

вошелъ въ Ратушу Генералъ *Камбронь.* Онъ приказалъ имъ итти на встрѣчу Императору, бывшему на мосту, и видя, что они колеблются, присовокупилъ: «тутъ нечего думать, я поведу васъ силою, если не пойдете добровольно.«

Сіи слова принудили Подпрефекта и Мера слѣдовать за Генераломъ, которой представилъ ихъ своему Государю. Бонапарте сошелъ съ лошади и вступилъ въ городъ между обоими чиновниками, разговаривая и шутя съ ними. Онъ посмотрѣлъ на лилію у Мера и спросилъ его: что ето за птица? — *Это знакъ лиліи.* — *Какъ вы его заслужили?* — *Предложивъ Королю покорность города.* — *Снимите его*, сказалъ Бонапарте, *и не носите до тѣхъ поръ, пока войска мои здѣсь будутъ; они могутъ васъ оскорбить.*

Онъ остановился въ трактирѣ *Золотая рука*, и отослалъ обоихъ чиновниковъ, приказавъ имъ притти опять чрезъ часъ и привести къ нему всѣхъ находящихся въ городѣ Офицеровъ, получающихъ половинное жалованье.

Ихъ было 12 человѣкъ. Они были увѣдомлены трубачемъ о томъ, что должны

явиться къ Императору. Нѣкоторые изъ нихъ пришли, но ни одинъ изъ нихъ не согласился на его предложенія и всѣ отказались за нимъ слѣдовать. Нашлось однакожъ пять человѣкъ другихъ, приверженныхъ къ нему и вступившихъ въ его свиту. Они были: *Барріеръ*, отставной Офицеръ; *Ависсъ*, отставной солдатъ, повѣренный табачнаго откупщика, военный инженеръ того города, его сынъ и молодой человѣкъ, бывшій барабанщикомъ. Они были представлены Бертраномъ.

По выходѣ ихъ, Бонапарте спросилъ Г. *Биньона,* что говорятъ о его возвращеніи? Подпрефектъ отвѣчалъ, что всѣ чрезвычайно оному удивляются и что сіе чувство подавляетъ всѣ прочія. — Но хотятъ ли имѣть удовольствіе видѣть меня на тронѣ? — Я думаю, что хотѣли бы, еслибъ не опасались возвращенія съ вами конскрипціи и всѣхъ бѣдствій. — Знаю, возразилъ Бонапарте, что сдѣлано много глупостей. Я все исправлю. — Но вы конечно встрѣтите препятствія прежде прибытія въ Парижъ. — У меня есть войска въ *Каннѣ* и въ *Гапѣ*. Гренобльскій гарнизонъ меня ожидаетъ. Въ

Ліонѣ у меня 10,000 человѣкъ. Ни одна капля крови не будетъ пролита. Обо всемъ уже условлено съ иностранными державами. Знаю, что сдѣлано много глупостей; я все исправлю. — Народъ мой будетъ щастливъ.

Послѣ сихъ прекрасныхъ обѣщаній, Бонапарте оставилъ трактиръ *Золотой руки* и прошелъ чрезъ городъ пѣшкомъ, сопровождаемый чернію, которая кричала: да *зравствуетъ Императоръ*!

Такимъ образомъ прошелъ онъ чрезъ городъ и приближился къ мосту чрезъ рѣку *Бешъ* (небольшая рѣчка, впадающая въ *Дюрансу* у подошвы цитадели). Этотъ мостъ былъ очень узокъ. Бонапарте вдругъ очутился въ толпѣ и по видимому струсилъ. Онъ подалъ руку сыну одного хлѣбника, который былъ къ нему ближе всѣхъ и осыпалъ его учтивостями. Вышедъ изъ толпы и оправясь отъ страха, сѣлъ онъ на лошадь и продолжалъ свой путь въ *Гапъ*.

Первая, встрѣтившаяся ему деревня называлась *Поэтъ*. Онъ сошелъ съ лошади, и остановился на нѣсколько минутъ на проходящей чрезъ оную дорогѣ, между

домомъ Мера (у дверей котораго онъ сѣлъ) и церковiю.

Приходскiй священникъ (Аббатъ *Давидъ*) былъ въ то время въ церкви, и ждалъ дѣтей, которыхъ училъ катихизису. Онъ трижды звонилъ, но никто изъ учениковъ не являлся; для того вышелъ на дорогу, чтобъ созвать негодяевъ; но подошедъ къ церковной двери, увидѣлъ онъ Наполеоново войско и самаго Наполеона. — Сей послѣднiй подозвалъ его къ себѣ и хотѣлъ съ нимъ поговорить. Добрый священникъ такъ пораженъ былъ присудствiемъ бѣглеца съ острова *Эльбы*, что не могъ отвѣчать на его вопросы, и тѣмъ разговоръ прекратился.

Бонапарте самъ былъ въ безпокойствѣ. Онъ зналъ, что идетъ къ главному городу департамента, въ которомъ былъ вѣрный и преданный Королю, Префектъ *Арминдъ*. Онъ колебался, продолжать ли ему дорогу чрезъ *Iапъ*, или своротить налѣво и пойти въ департаментъ *Дромы*, котораго Префектъ былъ для него не опасенъ. Онъ разспрашивалъ съ великимъ стараніемъ Мера и приходскаго священника, нѣтъ ли дорогъ изъ *Поэта* въ *Валансъ*;

но какъ ему отвѣчали, что нѣтъ, то онъ былъ принужденъ продолжать свой путь чрезъ *Гапъ*. Дорогою его опасенія не только не уменьшились, но еще увеличились.

За нѣсколько миль отъ *Поэта* Бонапарте встрѣтился съ жандармомъ, имѣвшимъ при себѣ сильную противъ него *прокламацію Префекта* (*). Она была адресована ко всѣмъ Мерамъ, которымъ приказывалось бить въ набатъ, вооружать жителей и вести ихъ на разные опредѣленные посты. Жандарма арестовали, и распространеніе сей прокламаціи въ той странѣ прекратилось, между тѣмъ, какъ во всѣхъ прочихъ она не преставала дѣйствовать. Бонапарте подвигался впередъ съ большимъ страхомъ. Къ нему присоединился человѣкъ, убѣгавшій также правосудія, которое его обвиняло, *Аббатъ Сешіеръ*. Бонапарте принялъ его съ во-

---

(1) Бонапарта называли въ ней бродягою. Сочинитель ея былъ потомъ изгнанъ изъ Гренобля декретомъ, которымъ повелѣвалось отрѣшить его отъ должности и выгнать изъ седьмой военной дивизіи подъ опасеніемъ смертной казни

сторгомъ и назначилъ своимъ лазутчикомъ въ *Дофине*. (*)

Обезпеченный разными признаками, Бонапарте приближился до мѣста, называемаго *Круглою башнею*, на одну милю отъ *Гапа*. Тамъ получилъ онъ извѣстія, которыя его еще болѣе успокоили. — Лазутчики прибыли въ *Гапъ* прежде его. Извѣстнѣйшій изъ нихъ, *Эмери*, пріѣхалъ туда накануне. Сперва его задержали, потомъ выпустили, и онъ отправился въ Гренобль, около десяти часовъ вечера. Онъ успѣлъ изъ *Гапа* увѣдомить Бонапарта, что можно войти въ городъ.

Онъ дѣйствительно вошелъ туда около девяти часовъ вечера въ предшествованіи своего войска, расположившагося бивуаками на площади. Онъ остановился въ трактирѣ, отужиналъ и отдохнулъ нѣсколько часовъ. Префектъ и начальникъ департамента выѣхали изъ города. Подпрефектъ объѣзжалъ окрестности, со-

---

(*) Онъ разсѣялъ тамъ свои прокламаціи. Ревность его была награждена крестомъ Почетнаго Легіона и Подпрефектурою въ *Гапѣ*, которой онъ однако не смѣлъ принять.

бирая всѣхъ преданныхъ и вѣрныхъ Королю жителей.

Бонапарте не дождался окончанія сихъ приготовленій. Онъ поспѣшилъ оставить *Тапъ* въ понедѣльникъ 22 ч. Въ два часа поутру пріѣхалъ ночевать въ *Коръ*, первую деревню департамента *Изерскаго*, а Камброну велѣлъ подвинуться съ авангардомъ до *Мюра*, небольшаго городка, лежащаго на половинѣ дороги между *Гапомъ* и *Греноблемъ*.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось сіе важное мѣсто, на которое Европа устремила свои взоры при извѣстіи о высадкѣ въ *Жуанскомъ* заливѣ!

Около половины Февраля нѣсколько Бонапартовыхъ лазутчиковъ распустили въ *Греноблѣ* письма, писанныя будто бы изъ Парижа, въ которыхъ возвѣщали, что къ Марту мѣсяцу произойдетъ *изгнаніе Бурбоновъ*, учрежденіе временнаго Правительства и возвращеніе Бонапарта.(*)

(*) Читатели помнятъ, что прежде сего самаго времени Генералъ Эксельманъ велъ переписку съ Мюратомъ, тогдашнимъ Королемъ Неаполитанскимъ, и что онъ былъ

Гренобльская Полиція не обращала никакого вниманія на сіи слухи, и никто не думалъ объ нихъ, доколѣ извѣстіе о высадкѣ *Бонапарте* не возбудило воспоминанія объ оныхъ. Это извѣстіе, если вѣрить *Ронскому* журналу отъ 17 Февраля, привезено въ *Гренобль* ночью съ 19 на 20 Февраля съ эстафетою, проѣхавшею чрезъ городъ. Но по другой Французской газетѣ: Journal des Debats, отъ 24 Февраля, Изерскій Префектъ, Г. *Фурріеръ* получилъ оное не прежде 20 числа.

Вотъ что написано въ семъ журналѣ отъ 24 Февраля.

„*Фурріеръ*, Гренобльскій Префектъ, письмомъ отъ 20 Февраля, извѣщаетъ, что тамъ узнали о высадкѣ *Бонапарта*, и что сія новость возбудила живѣйшее негодованіе въ жителяхъ города и окрестныхъ деревень; что начальники воен-

оправданъ 11 Января военнымъ судомъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ *Друэ*, Графъ *Эрлонскій*, замѣшанный въ подобную переписку и распространявшій въ сѣверной части Франціи слухи, подобные слухамъ въ Греноблѣ и въ южной части.

ной силы, въ числѣ которыхъ находится Г. Генералъ *Маршанъ*, собрались въ домѣ Префектуры; что они назначали тамъ всѣ средства къ оборонѣ въ крайнемъ случаѣ, если *не большой корпусъ Бонапартовыхъ разбойниковъ* вздумаетъ направить свой путь къ городу; что одна часть гарнизона отправлена немедленно противъ него, и что Генералъ *Маршанъ* намѣренъ отрѣзать ему дорогу въ *Ліонъ*, между тѣмъ какъ другой отрядъ его войска будетъ его преслѣдовать въ другихъ точкахъ.«

Таковы были распоряженія Генерала *Маршана* по описанію журнала; но на самомъ дѣлѣ положеніе дѣлъ было совсѣмъ отлично отъ вышеписаннаго,

Гренобльскій Префектъ (Г. *Фурріеръ*) былъ дѣйствительно увѣдомленъ въ субботу, 24 Февраля, о высадкѣ Бонапарта. Сіе извѣстіе сообщилъ ему *Варскій* Префектъ, который писалъ къ нему, что Бонапарте, вышедъ на берегъ въ *Жуанскомъ* заливѣ съ 1600 человѣкъ и шестью пушками, взялъ направленіе къ *Греноблю*.

Въ тотъ же самый вечеръ Г. *Фурріеръ* сообщилъ сію новость Генералу *Марша-*

ну, Инспектору національной Гвардіи департамента *Изеры,* и Полковнику жандармовъ. Онъ сказалъ Генералу, что зная Бонапартову дѣятельность, не сомнѣвается, что онъ прибудетъ на другой день, въ Воскресенье, въ *Каннъ*, естьли не встрѣтитъ на дорогѣ какого нибудь препятствія. И такъ онъ приглашалъ его не терять ни минуты въ отправленіи войскъ для занятія *Понто,* важной позиціи, находившійся по ту сторону *Мюра,* которую тѣмъ легче было защищать, что Бонапарте былъ бы принужденъ остановить свои пушки прежде прибытія своего въ *Гапъ.*

Также очень увѣрены были въ томъ, что *шайка разбойниковъ* гораздо малочисленнѣе, нежели какъ описалъ ее Варскій Префектъ.

Генералъ отвѣчалъ; что онъ завтра поутру соберетъ у себя всѣхъ Офицеровъ для сообщенія имъ сего происшествія и для совѣщанія съ ними о мѣрахъ, которыя должно принять.

Ему представили, что не надлежитъ терять ни минуты, и что ему должно отправить ночью отрядъ отборныхъ

солдатъ подъ командою начальника, на котораго можно было бы положиться, для занятія позиціи *Понта* и сломать тамъ мостъ въ случаѣ надобности. — *Маршальскій жезлъ васъ ожидаетъ*, сказалъ ему Префектъ.

Генералъ утверждая, что *Бонапарте* прибудетъ не прежде недѣли изъ *Жуанскаго* залива въ *Гапъ*, если даже и не встрѣтитъ на дорогѣ препятствія, настаивалъ на томъ, чтобъ изслѣдованіе надлежащихъ мѣръ отложить до другаго дня — Воскресенья.

Поутру на другой день Генералъ *Маршанъ* сообщилъ Офицерамъ гарнизона увѣдомленіе, полученное наканунѣ. Неизвѣстно, что поставлено съ семъ военномъ совѣтѣ: узнали только, что Генералъ *Маршанъ* послалъ къ Генералу *Дивиллієру*, начальнику Департамента Монтъ-Бланскаго, приказаніе притти немедленно въ *Гренобль* съ *Шамберійскимъ* гарнизономъ, состоявшимъ изъ 7го и 11го линейныхъ полковъ. (Г. *Лабедойеръ*, прибывшій съ 17 Февраля изъ Парижа, былъ Полковникомъ 7го полка, а Г. Дюрандъ 11го.)

Всѣ удивились, что на сей совѣтъ не былъ призванъ Инспекторъ инженеровъ, Г. де *Бостенъ*, Офицеръ, извѣстный твердостію своихъ правилъ и постоянствомъ характера, которыя онъ успѣлъ оказать въ сихъ критическихъ обстоятельствахъ. Узнали также, что Генералъ *Мутонъ Дюверне*, Начальникъ Департаментовъ *Дромскаго* и *Верхнихъ Альповъ* (которые составляютъ часть 7й военной дивизіи) пріѣзжалъ ночью въ Гренобль и послѣ короткаго свиданія съ Генераломъ *Маршаномъ*, отправился въ *Гапъ*, чтобъ подумать (какъ онъ сказалъ) о средствахъ для удержанія Бонапарта, противопоставя ему 39й и 49й полки, находившіеся въ *Монтъ-Дофинѣ* и *Бріансонѣ*.

Около двухъ или трехъ часовъ пополудни пріѣхалъ въ *Гренобль* лазутчикъ Бонапарта (*Эмери*) и распространилъ чрезъ своихъ единомышленниковъ извѣстіе, что Бонапарте прибудетъ туда послѣ завтра; *что его высадка произошла* съ *согласія Австріи* и *Англіи*, и *что онъ дѣйствуетъ въ сношеніи* съ *движеніемъ* умовъ въ *Парижѣ, для изгнанія Бурбоновъ* и *учрежденія временнаго Правительства, кото-*

раго члены назначены и которое уже, говорили, воспріяло свое дѣйствіе. Генералъ *Мутонъ Дюверне* встрѣтился съ *Эмери* въ *Мюрѣ*, разговаривалъ съ нимъ и отослалъ его къ Генералу *Маршану*, съ письмомъ, въ которомъ увѣдомлялъ о встрѣчѣ своей съ симъ негодяемъ, и *приглашалъ* Генерала *арестовать его.*

Сіе письмо, полученное Генераломъ *Маршаномъ* въ семь часовъ вечера, подало случай къ разнымъ замѣчаніямъ собравшихся у него Офицеровъ. Спрашивали, для чего *Мутонъ Дюверне* представлялъ Генералу *Маршану* арестовать сего человѣка, когда ему самому гораздо легче было это исполнить? Всѣ предавались размышленіямъ, внушаемымъ странностію сего *приглашенія,* какъ вдругъ Генералъ *Мутонъ Дюверне* пріѣхалъ самъ, и потребовалъ свиданія съ Генераломъ *Маршаномъ* наединѣ. Оно продолжалось не болѣе четверти часа. Генералъ *Маршанъ*, вошедъ въ залу, объявилъ, что *Мутонъ,* не могши принять начальства надъ 39^{мъ} и 49^{мъ} полками (потому что сообщеніе было прервано) возвращается въ *Валансъ,* чтобъ быть въ состояніи оста-

новить *Бонапарта*, естьли онъ не пойдетъ на *Гренобль*, а направитъ свой путь на сей городъ, чтобъ итти въ *Ліонъ*.

По полудни прокламація Префекта возвѣстила жителямъ пагубную новость, которая начала распространяться еще съ утра.

Ночью получено письмо Маршала *Массены* изъ *Марсели* отъ 24 Февраля, который увѣдомлялъ Генерала *Маршана*, что Маршалъ отправилъ для преслѣдованія Бонапарта Генерала *Міоллиса* (*) и не сомнѣвается, чтобъ Генералъ *Маршанъ* не принялъ съ своей стороны приличныхъ мѣръ.

Генералъ *Маршанъ*, казалось, намѣренъ былъ отправить пятый линейный полкъ въ ночи; четвертый артиллерійскій на-другой день 26 числа, третій саперный во вторникъ 27го.

Неизвѣстно, для чего перемѣнилъ онъ свое намѣреніе. Въ понедѣльникъ 26го от-

---

(*) Генералъ *Міоллисъ* прибылъ въ Систеронъ въ тотъ самый день, когда Бонапарте вошелъ въ *Гренобль*.

правилЪ вЪ два часа по полудни только авангардЪ, подЪ командою Г. *Лассора*.

Между тѣмЪ, какЪ авангардЪ шелЪ кЪ *Мюру*, ГенералЪ *МаршанЪ* издалЪ дневный приказЪ, который былЪ прибитЪ вечеромЪ вЪ сумерки, и, такЪ сказать, скрытнымЪ образомЪ.

Сей дневный приказЪ былЪ написанЪ очень слабо. Тщетно Г. *БостенЪ* предлагалЪ Генералу и Префекту воззваніе кЪ арміи и гражданамЪ совершенно противнаго содержанія и слога; тщетно сіе воззваніе было принято ПрефектомЪ и отдано уже вЪ печать. Во *ВторникЪ* обЪявили его слишкомЪ сильнымЪ!

ВЪ ПонедѣльникЪ, вЪ одиннадцать часовЪ вечера, авангардЪ, вышедшій изЪ *Гренобля*, вЪ два часа прибылЪ кЪ *Мюру*.

УнтерЪ-Офицеры пришли туда прежде для приготовленія квартирЪ. Вошедъ вЪ Ратушу, они весьма удивились, увидя УнтерЪ ОфицеровЪ маленькой непріятельской арміи, которые прибыли для того же самаго.

ВЪ короткое время, проведенное вЪ Ратушѣ, первые увидѣли, что нарочный пріѣхавшій изЪ *Гренобля*, вручилЪ Офи-

церу, командовавшему непріятельскимѣ авангардомѣ, письмо, которымѣ сей Чиновникѣ, казалось, былѣ очень доволенѣ.

Французскіе Унтерѣ-Офицеры удалились и увѣдомили о своей встрѣчѣ начальника авангарда, который взялѣ позицію на высотѣ подлѣ большой дороги; онѣ провелѣ тамѣ ночь на бивуакѣ.

На другой день, во вторникѣ, 23 поутру, отступилѣ онѣ еще, дабы сблизиться сѣ войсками, которыхѣ ожидалѣ изѣ *Гренобля*. Но Генералѣ *Маршанѣ*, казалось, былѣ болѣе расположенѣ ожидать непріятеля, нежели посылать войска противѣ него; онѣ приказалѣ только поставить пушки на валу.

Артиллерійскіе солдаты, особливо саперы, исполняли весьма медленно сіе приказаніе. Нѣкоторые изѣ нихѣ не скрывали своего дурнаго расположенія. Образѣ мыслей сего полка былѣ извѣстенѣ; Г. де *Бостенѣ* открылѣ это Генералу и предлагалѣ ему удалить оный; но тщетно!

Около одиннадцати часовѣ прибылѣ *Шамберійскій* гарнизонѣ, а вскорѣ потомѣ четвертый гусарской полкѣ изѣ *Віенны*.

Замѣтили, что Полковникѣ *Лабедойерѣ*

вмѣсто того, чтобъ раздать своему полку квартирные билеты, какъ то обыкновенно дѣлается, потребовалъ, чтобъ его помѣстили въ казармы неподалеку отъ *Боньскихъ* воротъ, на дорогѣ въ *Гапъ.* Самъ же онъ остановился у богатаго владѣльца, Г. *Ганьона,* извѣстнаго своею преданностію къ Королевскому дѣлу; но чувствованія сего почтеннаго хозяина не воспрепятствовали Полковнику обнаружить свою приверженность къ Бонапарту и намѣреніе подать ему знаки оной.

Между тѣмъ авангардъ не преставалъ отступать къ *Греноблю,* и Г. *Лассартъ* скоро нашелъ случай оказать свою вѣрность. Офицеръ, со стороны Бонапарта, вручилъ ему письмо Генерала *Бертрана,* который приглашалъ его соединиться съ нимъ въ *Мюрѣ.* Г. *Лассартъ* не принялъ письма и сказалъ подателю, что велитъ стрѣлять по немъ, если онъ ту же минуту не удалится. Офицеръ ускакалъ и увѣдомилъ Бонапарта объ успѣхѣ своего посольства.

Бонапарте приказалъ своимъ уланамъ приближиться къ авангарду, соединиться съ нимъ безъ всякой вражды. Сіе приказа-

ніе было исполнено. Уланы, въѣхавъ въ средину баталіона, оказывали солдатамъ знаки пріязни и остановили его, не смотря на приказанія начальника.

Во время сего спора, *Бонапарте* прискакавъ во весь опоръ, бросился въ средину батальона, произнесъ рѣчь, и не одинъ солдатъ не осмѣлился выстрѣлить по немъ. Такимъ образомъ увлекъ онъ и войско и начальника!

Между тѣмъ какъ отпаденіе сего авангарда происходило между Мюромъ и *Визилемъ*, въ *Греноблѣ* радовались его хорошему расположенію, описанному въ донесеніи Г. *Лассарта*.

Сіе пріятное извѣстіе, полученное въ два часа, усугубило радость, причиненную телеграфическимъ увѣдомленіемъ объ отъѣздѣ Графа д' Артоа изъ *Парижа* въ *Ліонъ*.

При сихъ извѣстіяхъ многіе военные и гражданскіе чиновники, предлагавшіе уже Генералу *Маршану* свои услуги, возобновили свои просьбы. Въ этомъ числѣ находились Графъ д' *Ангультъ* и его сынъ, прибывшіе изъ деревни и требовавшіе позволенія итти въ рядахъ съ простыми

гренадерами. Г. *Ганьонъ*, отставный гвардейскій Офицеръ, де *Лаваллетъ*, Инспекторъ *Изерской* Національной гвардіи и проч. Каждой изъ нихъ хотѣлъ соединиться съ войсками, которыхъ ожидали для подкрѣпленія авангарда; но вмѣсто того, чтобъ видѣть отправленіе вѣрныхъ солдатъ, увидѣли совсѣмъ другое происшествіе.

Въ три часа по полудни *Лабедойеръ* поѣхалъ въ казармы, гдѣ стоялъ его полкъ, приказалъ ему выстроится, и повелъ чрезъ *Бонньскіе* ворота изъ города.

Лишь только онъ вышелъ, то *Лабедойеръ* приказалъ открыть барабанъ, вынулъ изъ него орла, показалъ его своимъ солдатамъ и объявилъ, что ведетъ ихъ къ Императору. Солдаты его пошли съ восклицаніями: да *здравствуетъ Императоръ!* попирая ногами бѣлыя кокарды, и надѣвая трехцвѣтныя, раздаваемыя имъ *Лабедойеромъ.*

Генералъ *Маршанъ*, узнавъ о семъ отпаденіи (въ которомъ не участвовалъ ни одинъ солдатъ другихъ четырехъ полковъ) отправился немедленно съ Генералами и Штабъ-Офицерами гарнизона, бывшими

тогда у него, кЪ *Бонньскимъ* воротамЪ. ГенералЪ *Девилліеръ* сЪлЪ уже на лошадь, чтобЪ догнать ушедшій полкЪ и воротить его.

ПріЪхавЪ кЪ оному, старался онЪ всЪми силами склонить *Лабедойера* загладить свой проступокЪ. «Воротитесь, любезный ПолковникЪ, говорилЪ онЪ ему: найдутЪ средство прикрыть ваше движеніе такЪ, что ни вы, ни вашЪ полкЪ не получите никакого неудовольствія: воротитесь, вы спЪшите кЪ своей погибели и срамите сами себя.» — *Я знаю, что я дЪлаю*; отвЪчалЪ ЛабедойерЪ; *знайте, что обо всемъ уже условлено,* и *что* вЪ сію минуту ГрафЪ ЭрлонЪ идетЪ сЪ 40,000 *человЪкъ на помощь сему движенію. Ступайте сами за мною, вмЪсто того, чтобъ возвратиться въ Гренобль.*

Г. *Девилліеръ* вЪ отчаяніи поЪхалЪ вЪ обратный путь и встрЪтясь сЪ 100 человЪками 7 полку, которые отстали, успЪлЪ уговорить ихЪ воротиться вЪ городЪ. (*)

(*) Знамя 7 полку нашли вЪ комнатЪ *Лабедойера*, изорванное имЪ прежде отъЪзда.

Бонапарте узналъ о покорности *Лабедойера* въ *Виззилѣ* и встрѣтилъ его между *Виззилемъ* и *Гренoблемъ*.

Полковникъ, прежде соединенія своего съ нимъ, встрѣтился еще съ Адъютантомъ, котораго Генералъ *Маршанъ* посылалъ для изслѣдованія, и который, возвращаясь для донесенія о первомъ отпаденіи, былъ свидѣтелемъ другаго.

Всѣ сіи происшествія распространили между жителями *Гренобля* тѣмъ большій ужасъ, что онъ послѣдовалъ за совершенно противнымъ чувствованіемъ, и для успокоенія ихъ не принимали ни какихъ мѣръ.

Національная гвардія получила приказаніе сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, чтобъ разогнать скопляющійся народъ. На валъ поставили войска; канонеры были при пушкахъ.

Около восьми часовъ вечера показались Бонапартовы уланы.

Полковникъ пятаго полку, стоявшій съ онымъ на валу подлѣ *Бонньскихъ* воротъ, послалъ немедленно увѣдомить объ етомъ Генерала *Маршана* (который сидѣлъ у себя въ заперти) и спросить о послѣднихъ его

приказаніяхъ. — Заприте ворота, отвѣчалъ онъ.—Прикажете ли стрѣлять, ваше Превосходительство? — Нѣтъ!

Г. *Бостенъ*, Инспекторъ смотровъ, который по должности и по собственной ревности бывалъ часто у Генерала, случился тогда у него. Оскорбясь симъ отвѣтомъ, осмѣлился онъ сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе. Если вы запретите стрѣлять, сказалъ онъ Генералу, то солдаты раздѣлятся на партіи. Бонопарте скажетъ слово, и когда послѣдуетъ тоже самое, что съ батальономъ 5 полку.— «Не надобно, отвѣчалъ Генералъ, приказывать того, чего не льзя исполнить.»

Офицеры и солдаты 52 полка Герцога *Ангулемскаго* почитались весьма приверженнымм къ Королю. Они ожидали Герцога изъ *Бордо*. Маіоръ, Г. *Гаска* приготовилъ ихъ къ его прибытію, которымъ онъ ихъ ласкалъ уже долгое время. Тѣмъ болѣе было оказано сожалѣнія, что Генералъ *Маршанъ* не далъ приказанія отразить силою горсть людей, измѣнившихъ своей должности. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что одинъ пушечный выстрѣлъ съ валу въ сію небольшую толпу, не имѣвшую ни

одной пушки, принудилъ бы ее воротиться, и окончилъ бы самымъ плачевнымъ для похитителя образомъ его предпріятіе, которое дотолѣ казалось смѣшнымъ всякому благомыслящему человѣку.

Въ девятомъ часу Генералъ *Маршанъ* послалъ къ Префекту Офицера своего Штаба, сказать ему, что если онъ хочетъ выѣхать изъ города прежде вступленія *Бонапарта*, то ему не должно терять ни минуты. Префектъ немедленно отправился въ сопровожденіи жандармовъ по дорогѣ въ *Ліонъ*.

Генералъ *Маршанъ* оставилъ также городъ съ нѣкоторыми Офицерами. Онъ удалился въ свой загородный домъ, находящійся на дорогѣ въ крѣпость въ *Барро*; и сіе заставило думать, что онъ заперся въ крѣпости. Онъ не оставилъ никакого приказанія, и Офицеры, имѣя полную волю, раздѣлились на разныя партіи: одни остались въ *Греноблѣ* у своихъ полковъ, опасаясь ихъ возмущенія; другіе вышли изъ города. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находились Г. *Бостенъ*, Инспекторъ смотровъ, и Г. де *Васка*, Маіоръ 52 полка.

Полковникъ *Дюранъ* воротился въ *Шамбери* съ своимъ полкомъ, который былъ ему весьма преданъ, и не многіе изъ него перешли къ хищнику.

Бонапарте вошелъ въ *Бонньскіе* ворота. Солдаты его выломили ихъ топорами, безъ всякаго сопротивленія.

Онъ проѣхалъ чрезъ городъ въ сопровожденіи войскъ, приставшихъ къ нему на дорогѣ и самой подлой черни, кричавшей: *да здравствуетъ Императоръ!* и остановился въ трактирѣ *Трехъ дельфиновъ*, которой содержалъ одинъ изъ его старыхъ служителей, именемъ *Лабарръ*, и въ которомъ лазутчики его назначили ему наканунѣ квартиру.

Лишь только онъ въ ней расположился, то приказалъ позвать Мера. Онъ разговаривалъ съ нимъ нѣсколько минутъ.

Во время сего разговора нѣкоторые жители предмѣстія *Св. Іосифа* (чрезъ которое онъ проѣхалъ) принесли къ нему обломки разбитыхъ имъ воротъ, говоря, что подносятъ ихъ вмѣсто ключей, которыхъ они не могли ему вручить.

Онъ приказалъ имъ выдать 40 франковъ. Сей подарокъ показался имъ слишкомъ

маловажнымЪ и они имЪ были очень недовольны. Бонапарту такжe не понравилась ихЪ учтивость. Наскучивъ ихЪ криками, сказалЪ онЪ сЪ сердцемЪ Меру: *разгоните эту чернь!*

ОнЪ послалЪ за ПолковникомЪ жандармовЪ (Г. *Жобе*), которому ГенералЪ *БертранЪ* отдалЪ пакетЪ на имя Австрійскаго Императора сЪ приказаніемЪ немедленно отправиться вЪ *ТуринЪ*. Удивленный такимЪ препорученіемЪ, ПолковникЪ не хотѣлЪ было его взять на себя. Но получивЪ приказаніе Наполеона, онЪ вышелЪ сЪ поспѣшностію, и сходя сЪ лѣстницы, упалЪ. ГенералЪ БертранЪ, услышавЪ стукЪ, прибѣжалЪ, вырвалЪ сЪ сердцемЪ пакетЪ изЪ рукЪ Полковника, который больно ушибся, бранилЪ его за слабую приверженность его кЪ Императору, и объявилЪ, что онЪ отставляется отЪ должности.

ВЪ Пятницу, 24 Февраля, Бонапарте принялЪ всѣхЪ чиновниковЪ города, Епископа и одного изЪ его ВикаріевЪ, Мера и Муниципальный СовѣтЪ, Королевскій СудЪ и нижнія судилища, Академію и разныя ея отдѣленія. ВсякЪ сЪ трепетомЪ приступалЪ

къ бѣглецу съ острова *Эльбы*. Но къ общему удивленію, сей бѣглецъ оказывалъ необыкновенное снисхожденіе. Онъ разговаривалъ со всѣми очень долго и о разныхъ вещахъ, не желая оставить никакого сомнѣнія въ своемъ рѣдкомъ геніи и глубокихъ познаніяхъ, которыя онъ усовершенствовалъ въ теченіи года, проведеннаго имъ въ спокойствіи на островѣ *Эльбѣ*. Всѣ пришли въ восхищеніе. Юрисконсульты были внѣ себя отъ удивленія, слыша многія его замѣчанія на статьи *Устава*. Онъ спросилъ мнѣніе Гг. Профессоровъ о *разводѣ*, и всѣ согласно отвѣчали, что разводъ есть учрежденіе превосходнѣйшее въ своемъ родѣ.

Послѣ аудіенціи *Наполеонъ* отправился на площадь *Греннетъ* для осмотра національной гвардіи. Онъ осмотрѣлъ каждаго солдата, и не было ни одного солдата, которому бы онъ не сдѣлалъ какого нибудь вопроса. Смотръ продолжался пять часовъ. Въ продолженіе онаго слышны были восклицанія: *да здравствуетъ Императоръ! свобода!* Начали было пѣть революціонныя пѣсни, но Бонапарту не понравилось таковое смѣшеніе, и онъ приказалъ

Меру прекратить оныя. Онъ сказалъ ему также, чтобъ онъ разогналъ *чернь*, которой крики составляли разительную противоположность съ глубокимъ молчаніемъ, царствовавшимъ во всѣхъ окнахъ. По окончаніи смотра *Бонапарте* отправилъ войска въ *Ліонъ*, кромѣ своего маленькаго отряда съ острова Эльбы, изнуреннаго усталостію. Самъ же онъ остался въ *Греноблѣ* ночевать, или лучше сказать, чтобъ сочинить нѣсколько декретовъ. Онъ обьявилъ въ нихъ, что съ сего времени всѣ акты и дѣла въ государствѣ должны быть отправляемы его именемъ; обнародовалъ свои прокламаціи, отрѣшилъ Инспектора смотровъ, Г. *Бостена*, уѣхавшаго изъ города; поручилъ начальство надъ седмою дивизіею Генералъ-Маіору *Де ла Сельсетту*, и вскорѣ произвелъ его въ Генералъ-Лейтенанты.

— *Бонапарте* спрашивалъ часто о Генералѣ *Марщанѣ*, приказалъ позвать его жену и требовалъ у ней извѣстій о ея мужѣ. Она отвѣчала, что онъ уѣхалъ въ свой загородной домъ за двѣ мили отъ города; и съ тѣхъ поръ онъ его болѣе не спрашивалъ.

шій бюстъ Бонапарте, на который онъ смотритъ съ великимъ почтеніемъ.

Пребываніе сихъ особъ на островѣ не считается необходимымъ; да и для нихъ самихъ оно скучно и непріятно.

сится его благодарственная рѣчь? развѣ къ малому числу измѣнниковъ, и къ двумъ злодѣямъ, которые одни сами собою увеличили его шайку и нашли въ ней убѣжище отъ преслѣдованія правосудія! Вотъ картина, представленная ему департаментами *Вара*, *Верхнихъ* и *Нижнихъ Альповъ*, чрезъ которые онъ прошелъ подобно атаману разбойничьей шайки!

Выѣхалъ въ два часа по утру изъ *Гапа*, онъ не благодарилъ жителей за пріемъ, ему оказанный. Въ *Гренобль* изъявилъ онъ имъ знаки своей признательности, которые однакожъ надписалъ изъ *Гапа*. Онъ отблагодарилъ также жителей департамента *Изерскаго*, но гораздо торжественнѣйшимъ образомъ.

»Граждане! сказалъ онъ, узнавъ въ *своемъ изгнаніи* о бѣдствіяхъ, удручающихъ націю, не терялъ я ни минуты: я сѣлъ на готовый корабль и проѣхалъ по морю посреди военныхъ кораблей разныхъ націй, вышелъ на отечественную землю и желалъ только прибыть съ быстротою орла въ добрый городъ *Гренобль*, котораго патріотизмъ и приверженность къ моей особѣ были мнѣ особенно извѣстны. Дофинцы!

вы исполнили мои ожиданія. . . сердце мое исполнено чувствъ, *произведенныхъ въ ономъ вами.* Ощущенія сіи на долго останутся въ моей памяти!

Они сохранятся также въ памяти *черни*, которая одна произвела нѣжныя чувствованія въ *отеческомъ* сердцѣ *Наполеона;* которая не оставляла его во время его пребыванія, и съ которою онъ при своемъ отъѣздѣ простился весьма нѣжно,

25 Февраля, въ четвертокъ, въ два часа вечера выѣхалъ *Бонапарте* изъ *Гренобля* посреди восклицаній чернаго народа. На разсвѣтѣ прибылъ онъ въ деревню *Ривъ*, гдѣ и остановился обѣдать. Онъ былъ очень веселъ; сіе видно было изъ его разговоровъ съ тамошнимъ Меромъ.

Г. Меръ, сказалъ онъ ему, какъ мыслятъ ваши подчиненные? — Вы слышете, Государь (въ это время нѣсколько время изъ чернаго народа кричали: да *здравствуетъ Императоръ!*) Какое ваше званіе?— Я Нотаріусъ.— Есть ли у васъ жена? — Есть. — Дѣти? — Нѣтъ. —

Потомъ говорилъ онъ о мирѣ и войнѣ; касательно Парижскаго трактата замѣтилъ онъ, сколь странно проходить чрезъ

Піемонтскую землю изъ *Гренобля* въ *Шамбери.* « Но мы все это исправимъ, продолжалъ онъ, оборотясь къ своимъ Офицерамъ — хвастовство, достойное того, который называлъ конскриптовъ *пушечнымъ кормомъ* и почиталъ людей и лошадей пищею своихъ кровавыхъ побѣдъ!

Изъ *Рива* отправился Бонапарте ночевать въ *Бургоэнь*, куда прибылъ около полуночи. Онъ ожидалъ извѣстій изъ Ліона, гдѣ находилось уже множество его лазутчиковъ.

Вотъ что происходило въ семъ городѣ.

Извѣстіе о высадкѣ *Бонапарта* получено тамъ было въ тотъ же день, какъ и въ Гренoблѣ, въ субботу, 20 Февраля.

Въ Воскресенье, 21 числа, оставалось оно еще въ тайнѣ; въ понедѣльникъ, 22, начало распространяться. Во вторникъ, 27, обнародовано было оффиціально прокламаціями Префекта и Мера.

Въ понедѣльникъ *Гренобльскій Меръ* получилъ приказаніе собрать въ реквизицію лошадей, которыхъ надлежало на другой

день въ пять часовъ поутру доставить въ Арсеналъ, — отправиться въ *Ліонъ* и привести туда шесть пушекъ съ ихъ зарядными ящиками.

Реквизицію собрали, и всякъ старался вспомоществовать оной. Лошади поставлены были въ пять часовъ поутру въ Арсеналъ, гдѣ и пробыли до часа по полудни. Тогда Директоръ Арсенала отослалъ ихъ назадъ, говоря, что въ нихъ нѣтъ болѣе нужды!

Въ Ліонѣ не было ни пушекъ, ни оружія, ни аммуниціи, и, что всего важнѣе, не было начальника!

Къ нещастію, Графъ *Рожеръ* де *Дамасъ* отлучился на это время. Онъ нѣсколько мѣсяцовъ требовалъ оружія, но не получая онаго, самъ поѣхалъ за отвѣтомъ. Онъ прибылъ въ Парижъ за нѣсколько часовъ до полученія извѣстія о высадкѣ Бонапарта. Ему было приказано немедленно ѣхать назадъ, и онъ воротился въ *Ліонъ* поутру 24 Февраля. Онъ собралъ тотчасъ гарнизонъ, состоявшій изъ 24го линейнаго пѣхотнаго полка, 13го драгунскаго и 20го линейнаго, пришедшаго по приказанію Генерала *Брайе*, начальника дивизіи, изъ *Монбризона*.

Графъ д'*Артоа* смотрѣлъ сіи войска, и нѣкоторая искра восторга, возбужденная его присутствіемъ въ сердцахъ вѣрныхъ Ліонцевъ, сообщена была, по видимому, и солдатамъ.

Е. К. В. осмотрѣлъ также національную гвардію. »Друзья, сказалъ онъ имъ, мнѣ надобно не болѣе тысячи вѣрныхъ защитниковъ, и я отвѣчаю за сохраненіе города.«

Составили списокъ, и всѣ вѣрные подданные Короля спѣшили внести въ оный свои имяна.

Графъ д'*Артоа* намѣревался отправиться съ симъ войскомъ ночью въ *Гренобль*, который, какъ онъ полагалъ, находится еще во власти Короля. Но возвратившись съ осмотра въ Архіепископскій домъ, нашелъ онъ тамъ Инспектора національной *Изерской* гвардіи, который просилъ у него позволенія поговорить съ нимъ наединѣ.

Сей Офицеръ выѣхалъ изъ *Гренобля* въ день вступленія *Бонапарта*. Онъ увѣдомилъ Графа д'*Артоа* о семъ происшествіи.

Е. К. В. пораженный симъ увѣдомленіемъ, призвалъ въ свой кабинетъ многихъ

Офицеровъ, также Префекта, и сообщилъ имъ все слышанное.

Слухъ о семъ распространился вскорѣ по всему городу и — за радостiю, причиненною присутствiемъ Графа д'*Артоа*, послѣдовало уныние.

Бонапартовы лазутчики, прибывшие изъ *Гренобля* въ *Лiонъ*, не удовольствовались привезенiемъ извѣстiя о вступленiи его въ оный городъ. Къ истинному извѣстiю присовокупили они ложныя, которыя были одно другаго ужаснѣе. Говорили, что число Бонапартовыхъ войскъ простирается до 20000 человѣкъ. Утверждали, что его возвращенiе произошло съ согласiя Австрiи; наконецъ присовокупляли, что Король уже выѣхалъ изъ Парижа. Сiи извѣстiя произвели желанное дѣйствiе: они привели въ уныние вѣрныхъ подданныхъ, умножили дерзость измѣнниковъ, причинили всеобщее смятенiе и безпорядокъ. Отпаденiе войскъ, приготовленное уже втайнѣ, послѣдовало тогда явно.

Графъ д'*Артоа* старался остановить успѣхи зла, употребя въ своей прокламацiи самый благородный и трогательный языкъ. Но чѣмъ благороднѣе и нѣжнѣе были выра-

женія Принца, тѣмъ менѣе они могли подѣйствовать на умы, которые понимали одинъ только языкъ обольщенія.

Измѣнники отвѣчали на прокламацію презрительною усмѣшкою, обнаружившею, что *Ліонскій* гарнизонъ не только не послужитъ для непріятеля препятствіемъ, но сдѣлается еще вскорѣ его вспомогательнымъ войскомъ. Опасались даже, чтобы онъ не поднялъ знамени мятежа. Устрашенные чиновники увидѣли сіе гнусное вѣроломство и сообщили свои опасенія Принцу; но онъ никакъ не хотѣлъ тому вѣрить. «Доколѣ буду видѣть, говорилъ онъ, Кавалеровъ Св. Лудовика, командующихъ полками, дотолѣ не повѣрю существованію измѣны.» Въ сей-то борбѣ, которая была гораздо бѣдственнѣе сраженія, прошелъ четвертокъ, 25 Февраля.

Въ вечеру Е. К. В. будучи убѣжденъ просьбами всѣхъ его окружавшихъ, рѣшился выѣхать ночью и отдалъ послѣднія приказанія Пеpу.

Въ девять часовъ вечера прибылъ Герцогъ *Тарентскій* (*Макдональдъ*.) Онъ убѣдилъ Графа д'*Артоа* отложить свой вы-

ѣздѣ и попытаться еще на другой день склонить на свою сторону войска.

Послѣ того собранъ былъ военный совѣтъ, въ которомъ разсуждали о защитѣ *Ліона*. Герцогъ *Тарентскій* предлагалъ произвести въ Офицеры Унтеръ Офицеровъ, которые, обходясь коротко съ солдатами, принудятъ ихъ лучше себѣ повиноваться. Другіе (и это было первое мнѣніе Префекта и Мера) желали отослать войска въ ихъ депо, и требовали, чтобъ защита *Ліона* была ввѣрена ревности Національной гвардіи. Наконецъ, многіе полагали, что для спасенія города должно сломать мосты на *Ронѣ*, и въ самомъ дѣлѣ начали взрывать оные. Но сіе возбудило въ народѣ ропотъ, и онъ воспрепятствовалъ продолженію работы — должно было ограничиться построеніемъ палисадовъ. Не нужно говорить, что измѣна засѣдала даже и въ совѣтѣ Принца.

Генералъ *Брайе*, находившійся въ ономъ, противился принятію сихъ мѣръ по причинѣ недостатка въ артиллеріи и аммуниціи. — При семъ случаѣ Е. К. В. сказалъ ему съ жаромъ: воина въ Вандеѣ началась вилами и рогатинами. У насъ есть шты-

ки. Я первый пойду! »— Но что могла сдѣлать храбрость противъ измѣны, которой быстрые успѣхи уничтожали всѣ мѣры!

Въ *пятницу*, 26 числа, *Герцогъ Орлеанскій*, прибывшій въ *Ліонъ* наканунѣ, выѣхалъ ночью.

Въ шесть часовъ утра Герцогъ *Тарентскій* собралъ войска. Графъ д'*Артоа* сдѣлалъ имъ смотръ и увѣрился въ совершенной ихъ измѣнѣ и отпаденіи отъ Короля.

Послѣ смотра Графъ д' *Артоа* отправился на мосты и набережную рѣки *Роны*. Онъ увидѣлъ, что столпившійся народъ ожидаетъ прибытія похитителя. Возвратясь въ полдень въ Архіепископскій домъ, сѣлъ онъ въ карету и поѣхалъ по дорогѣ въ *Мулень*, сопровождаемый отрядомъ драгунъ, которыхъ отослалъ назадъ съ первой станціи.

Графъ д' *Артоа* думая, что поѣдетъ не прежде ночи, отпустилъ конную національную гвардію, которая не имѣя отъ него новыхъ приказаній, не могла присутствовать при его отъѣздѣ.

Г. *Верданъ*, начальникъ баталіона, бывшаго въ службѣ при Е. К. В. проводилъ его до заставы.

Въ часъ Герцогъ *Тарентскій*, нехотѣвшій упустить ни одного опыта, повелъ два баталіона на *Гальотіерскій* мостъ, чтобъ защитить его противъ гусаровъ непріятельскаго авангарда, занимавшаго уже сіе предмѣстіе.

Лишь только Маршалъ прибылъ къ палисадамъ, выскочили изъ предмѣстія гусары, предшествуемые крестьянами, которые махали платками, привязанными къ длиннымъ шестамъ, и кричали: *да здравствуетъ Императоръ! вольность!*

Сіи восклицанія были немедленно повторены войскомъ *Герцога Тарентскаго* и оно присоединилось къ войску *Бонапарта*.

Герцогъ *Тарентскій*, оставленный своими и преслѣдуемый войсками *Бонапарта*, съ великимъ трудомъ спасся изъ ихъ рукъ и обязанъ своимъ избавленіемъ единственно скорости своей лошади.

Прибывъ къ *Тарарской* горѣ, нашелъ онъ тамъ Графа д'Артоа, который посадилъ его въ свою карету, и узналъ отъ него обо всемъ приключившемся.

Бонапарте *ожидалъ* въ *Бургоэнѣ* извѣстій изъ *Ліона*, которыхъ его лазутчики не приминули ему доставить.

Тамъ приказалъ онъ позвать къ себѣ Г. *Фурріера*, *Изерскаго* Префекта, который не скрылъ отъ него, что подалъ совѣтъ разрушить мосты на *Ронѣ*; но *Бонапарте* сказалъ ему, что онъ обезпечилъ уже проходъ чрезъ сію рѣку и показалъ ему *Мирбельскихъ* перевощиковъ, которые были при немъ. Узнавъ, что не имѣетъ въ нихъ болѣе нужды, отослалъ онъ ихъ обратно; самъ же отправился въ *Ліонъ*, который былъ уже покоренъ самимъ гарнизономъ, долженствовашимъ его защищать.

Онъ хотѣлъ отослать Г. *Фурріера* въ *Гренобль*. Префектъ не соглашался туда ѣхать, но будучи обманутъ Бонапартомъ, увѣрившимъ его, что онъ дѣйствуетъ съ согласія *Австріи*, онъ вступилъ въ его свиту.

Бонапарте прибылъ къ *Ліонскимъ* воротамъ при наступленіи ночи, переѣхалъ медленно чрезъ *Гальотіерскій* мостъ посреди многочисленнаго народа, и остановился въ домѣ Архіепископа.

Графъ *Фаргъ* явился къ нему немедленно. «Вы слишкомъ молоды, сказалъ ему Наполеонъ, увидя его въ званіи Мера: который вамъ годъ? — Тридцать шесть

лѣтъ. — Вы очень молоды, какъ васъ назначили Меромъ? — Думаю, что я симъ обязанъ преданности своей къ Королю. — И такъ вы очень ему преданы? — Преданъ, Государь, и былъ всегда преданъ. Сіи правила вкоренены во мнѣ изъ дѣтства. — Хорошо, вы честный человѣкъ, вы вѣрно служили Королю, и мнѣ также будете служить. Увѣдомте здѣшнихъ чиновниковъ, что я приму ихъ завтра. Повѣряю вамъ городъ. « —

Рекомендація сія была излишняя. Онъ вступилъ въ Ліонъ ночью, которая скрывала его отъ народныхъ взоровъ; но его присутствіе было вскорѣ обнаружено дѣйствіями.

Подлая чернь, многочисленный классъ работниковъ, собравшихся со всѣхъ концевъ Франціи и даже изъ чужихъ земель, грабители, пришедшіе съ *Дофинскихъ* горъ съ мѣшками и телѣжками, чтобъ увести богатства сего города, которыя они надѣялись разграбить, наконецъ бѣшеные, пьяные солдаты толкались по улицамъ и площадямъ: вотъ въ какія руки преданъ былъ городъ Ліонъ вступленіемъ Бонапарта.

Проводивъ его въ Архіерейскій дворецъ, они распространились по всему городу, произнося гнусныя богохуленія и возсылая мольбы свои къ *Наполеону*. Они кричали: *да здравствуетъ смерть! Погибель Бурбонамъ! Долой приверженцы ихъ! долой добродѣтель! Смерть роялистамъ! Да зравствуетъ адъ!*

Испуская сіи восклицанія, они бросали въ окна каменья, врывались въ кофейные домы, истребляя все, что имъ попадалось; бѣгали по улицамъ, держа въ рукахъ зажженые факелы и грозя предать пламени домы роялистовъ.

Около десяти часовъ *Графъ Фаргъ*, въ мундирѣ Мера, отправился съ пятидесятью человѣками національный гвардіи на площадь *Белькуръ* и нашелъ тамъ толпы сей черни. Онѣ разграбили *Бурбонскій кофейный домъ* и шли къ дому *Люпе*, на углу улицы С. Доминика. Онъ спасъ этотъ домъ, разсѣялъ толпы, схватилъ нѣсколько человѣкъ и пробылъ посреди волненія и мятежа на площади до полуночи.

Чернь отправилась въ другія мѣста.

Смущеніе не преставало и восклицанія продолжались во всю ночь.

Сіе явленіе безначалія произвело сильное впечатлѣніе, и на другой день одинъ изъ Бонапартовыхъ Офицеровъ сказалъ: я думалъ, что въ эту ночь открылись всѣ темницы Франціи.

Въ субботу, 27 числа, въ 7 часовъ утра, *Бонапарте* приказалъ позвать *Графа Фарга.* „Я хочу, сказалъ онъ ему, чтобъ вы остались Меромъ. — Какого бы мнѣнія вы ни были, вы здѣсь останетесь. Вы Французъ; вы должны чувствовать, что я одинъ только могу составить благополучіе вашего отечества. Вы всѣ очень щасшливы (а особливо дворянство, которое надѣлало столько ошибокъ), что я прибылъ обратно. Чрезъ шесть недѣль вы претерпѣли бы страшную революцію.“ —

Графъ Фаргъ отвѣчалъ, что онъ принялъ это мѣсто единственно по преданности своей къ Королю, а впрочемъ вовсе не намѣренъ заниматься гражданскою службою. Тогда Наполеонъ спросилъ его, къ чему онъ себя назначалъ сперва. Я былъ въ военной службѣ, отвѣчалъ *Фаргъ.* —

Вb какомb корпусѢ? — Вb арміи *Принца Конде.* — Все равно, вы здѣсь останетесь; я читалb обѣ ваши прокламаціи (*).

Сей разговорb былb прерванb восклицаніями черни на Архіепископской площади. *Бонапарте* подошелb кb окну и приказалb Г. *Фаргу* приближиться. Тогда чернь начала кричать: *да зравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ Меръ!*

На вопросb Бонапарта, почему только эти люди его привѣтствуютb, Мерb отвѣчалb: потому что одинb этотb классb людей любитb революціи. Будучи всегда готовы ободрять всякіе перевороты, на которыхb основываютb свою

(*) Сочиняя вторую, Фаргb надѣялся, что Бонапарте не войдетb вb Парижb, и что оставшись вb своей должности, онb будетb вb состояніи сдѣлать важныя услуги. Городb, котораго довѣренность онb пріобрѣлb, облегчилb бы ему всѣ средства. Онb былb Меромb до прибытія Г. Редерера, чрезвычайнаго Коммиссара, который, послѣ краткаго сb нимb свиданія, смѣнилb его другимb. Послѣ сей перемѣны городb отправилb кb Бонапарту адресb. *Графъ Фаргъ* никакb не соглашался подписать оный.

надежду, они стали бы радоваться вашему паденію также, какЪ теперь восхищаются торжествомЪ. *Я знаю ихЪ*, сказалЪ Бонапарте, махнувЪ рукою, *и буду ихЪ держать вЪ уздѣ.*

Бонапарте разсматривалЪ изображенія *ЛіонскихЪ* памятниковЪ, и спрашивалЪ Мера о ихЪ названіяхЪ и значеніяхЪ. По окончаніи разспросовЪ сказалЪ онЪ ему: »кажется, что васЪ здѣсь любятЪ. Я дамЪ вамЪ важное отличіе. Это необходимо для Ліонскаго Мера!«

ОнЪ говорилЪ ему еще множество другихЪ подобныхЪ учтивостей, чтобЪ склонить его на свою сторону; напомнилЪ ему обЪ одномЪ изЪ его дядей Г. *Сатинѣ* и о ссорѣ его сЪ КардиналомЪ *Фешемъ*, и присовокупилЪ, что находитЪ виновнымЪ сего послѣдняго. *КардиналЪ слишкомЪ горячЪ*, сказалЪ онЪ.

ОнЪ говорилЪ о политическихЪ дѣлахЪ, и именно о ПарижскомЪ трактатѣ; порицалЪ Короля за подписаніе его, но изЪявлялЪ желаніе сохранить оный. Сей разговорЪ продолжался полтора часа. Бонапарте отправилЪ кЪ Парижу Ліонскій гарнизонЪ подЪ командою Генерала Брайе.

Вѣ два часа прибывшіе вѣ Архіепископскій домѣ чиновники были введены одни послѣ другихѣ. Бонапарте много шутилѣ; говорилѣ невыгодно о дворянахѣ и связывалѣ часто прерывавшуюся нить своихѣ мыслей текстомѣ прокламаціи изѣ Жуанскаго залива. Талеонскій Мерѣ называлѣ его иногда милостивый Государь, иногда Ваше Величество. »Называйте меня какѣ хотите, сказалѣ ему Бонапарте, даже Консуломѣ, и потрепалѣ его по щекѣ. Послѣ аудіенціи Президентѣ Королевскаго суда, Г. Вути, поздравилѣ сего Мера и сказалѣ ему, обнимая его: »Надобно тысячу разѣ разцѣловать сію щастливую щеку, кѣ которой прикасалась рука моего избавителя.«

Вечеромѣ дамы не удостоили своимѣ посѣщеніемѣ Бонапарта.

Вѣ Воскресенье, 28 числа, Бонапарте принялѣ множество чиновниковѣ, а особливо отставныхѣ Офицеровѣ. Онѣ отправилѣ лазутчиковѣ вѣ Парижѣ, Бургонь, Франшѣ-Конте, Лотарингію, Алзацію и другія военныя дивизіи. Отѣ сего произошли безпокойства вѣ Дижонѣ, гдѣ

чернь, поощряемая его сообщниками, принудила Префекта и Мера удалиться. Въ Шалонѣ пушки, опредѣленныя для защиты города, были брошены въ Сону; въ Бургѣ взбунтовался гарнизонъ; наконецъ, въ Лонъ-ле Сонье, Маршалъ Ней поднялъ знамя возмущенія и перешелъ на сторону того, съ кѣмъ долженъ былъ сражаться.

Въ понедѣльникъ, 1 Марта, Бонапарте не ограничиваясь болѣе скрытными дѣйствіями заговорщика и возмутителя, обнаружилъ всю Императорскую власть во множествѣ декретовъ, изданныхъ имъ противъ Принцовъ Бурбонскаго дома, у которыхъ конфисковалъ имѣнія, противъ феодальнаго дворянства, котораго титулы онъ уничтожилъ; противъ эмигрантовъ, возвратившихся съ Королемъ, которыхъ велѣлъ выслать обратно за границу. Другими декретами распустилъ онъ Королевскую гвардію; уничтожилъ бѣлую кокарду, знакъ лиліи, ордена Св. Людовика, Св. Михаила и Св. Духа; отмѣнилъ новоопредѣленныхъ членовъ въ судилищахъ, въ Почетномъ Легіонѣ и въ арміи. Наконецъ, послѣднимъ декретомъ, болѣе

всѣхъ достойнымъ примѣчанія, распустивъ обѣ Палаты, приказалъ онъ всѣмъ избирателямъ Имперіи собраться на *Майскомъ полѣ* для исправленія и утвержденія конституціи и для присудствованія, какъ онъ говорилъ, при коронованіи Императрицы: «нашей любезнѣйшей супруги и нашего любезнѣйшаго сына.» Увѣряютъ, что сіи разные декреты сочинялъ Г. Вуши, Президентъ Королевскаго судилища въ Ліонѣ, къ которому Бонапарте, казалось, имѣлъ большую довѣренность (*).

Они не были контрасигнированы ни однимъ Министромъ; но Гофмаршалъ Бертранъ, отправлявшій должность дежурнаго Генерала большой арміи, имѣлъ порученіе принимать нужныя мѣры для обнародованія ихъ. Не видно, чтобъ Министры Бонапарта пріѣзжали къ нему

(*) Въ Ліонѣ думали, что этотъ чиновникъ пріѣхалъ съ острова Эльбы. Разсказываютъ, что когда его спросили, правда ли, что онъ ѣздилъ туда два раза, онъ отвѣчалъ: *Никогда не надобно вѣрить болѣе, нежели половинѣ того, что говорятъ.*

изъ Парижа въ Ліонъ. Сія укоризна сдѣлана имъ безъ основанія. Они были ему гораздо полезнѣе оставаясь въ Парижѣ. Впрочемъ въ Ліонѣ не сомнѣвались, что въ сочиненіи сихъ декретовъ были заключены еще прежде условія между Бонапартомъ и его Министрами. По изданіи сихъ бумагъ, Наполеонъ рѣшился отправиться въ дальнѣйшій путь.

Въ понедѣльникъ, 1 Марта, въ часъ по полудни, сѣлъ онъ на лошадь и выѣхалъ изъ Ліона въ сопровожденіи легкой артиллеріи и Гусаровъ 4го полку. До заставы провожала его чернь, которая три дни произносила по всему городу восклицанія, усугубившіеся при его отъѣздѣ (*).

Бонапарте, тронутый симъ нѣжнымъ прощаніемъ, не могъ найти выраженій,

---

(*) Сія чернь получала исправно жалованье поутру и въ вечеру въ теченіи трехъ дней, проведенныхъ Бонапартомъ въ Ліонѣ. Лишь только показывался онъ у окна, мужики начинали кричать: да здравствуетъ Императоръ! При томъ протягивали они руки за спину и получали по франку.

чтобЪ изъяснить Ліонцамъ свои чувствованія, и будучи не въ состояніи изобразить имъ свою признательность длинною рѣчью, ограничился сими словами: *Ліонцы! я васъ люблю.* Онъ отправился въ область Бургонь. Дорога покрыта была множествомъ крестьянъ, собравшихся отчасти изъ любопытства, отчасти по приглашенію его лазутчиковъ. Онъ остановился въ Вилль-Франшѣ, небольшомъ городкѣ, наполненномъ любопытными зрителями и украшенномъ орлами, выставленными на домахъ, и деревьями вольности, возвышавшимися на улицахъ и площадяхъ.

Онъ отобѣдалъ въ Ратушѣ и потомъ продолжалъ свой путь въ Маконъ, куда лазутчики его прибыли прежде его. Одному изъ нихъ поручено было побудить городъ къ поднесенію адреса, но онъ не могъ найти сочинителя. Наконецъ сыскался человѣкъ, которой написалъ слѣдующее: «Государь! ваше возвращеніе упояетъ ра»достію всѣхъ жителей Макона: не льзя »описать ихъ восторга... Вашъ городъ »Маконъ ожидаетъ васъ: сердца всѣхъ

жителей для васЪ отверсты, и пр.» Конецъ соотвѣтствовалъ сему началу. Адресъ засвидѣтельствованъ былъ подписями, ложными или вынужденными посредствомъ угрозъ. Подпись Мера, Г. Бонна, была перваго рода. Сіе доказывается тѣмъ, что этотъ чиновникъ уѣхалъ изъ города въ субботу, 27 Февраля, рано поутру, въ Дижонъ, куда послѣдовалъ за нимъ и Префектъ.

Бонапарте въѣхалъ въ Маконъ около осьми часовъ вечера, посреди восклицаній черни, которая его ожидала и которой сердца были для него отверсты. Онъ остановился въ трактирѣ *Дикій*, гдѣ отужиналъ и переночевалъ. Во вторникъ, 2 Марта, въ три часа поутру, приказалъ онъ позвать къ себѣ Адъюнкта, Г. Брюнета (за недостаткомъ Мера, котораго часто спрашивалъ наканунѣ). Онъ смѣялся съ симъ чиновникомъ надъ здачею города въ 1814 году; спросилъ его, какъ принимали Принцевъ, и хвалилъ хорошій пріемъ, сдѣланный имъ, а особливо Герцогинѣ Ангулемской. «Это моя двоюродная сестра, сказалъ онъ: она двоюродная се-

стра моей жены, которая должна скоро ко мнѣ пріѣхать.« Адьюнктъ отвѣчалъ ему: простите мнѣ это выраженіе, но мы васъ почли сумасшедшимъ, когда услышали о вашей высадкѣ съ 1500 человѣкъ. »Вздоръ, возразилъ Бонапарте, у меня »было только 600. Я не встрѣчу никакихъ »препятствій; но если бы я ихъ на»шелъ, то у меня было бы триста ты»сячь Австрійцевъ.«

Послѣ Мера принималъ онъ отставныхъ Офицеровъ и выговаривалъ имъ за то, что они позволили въ 1814 году 15 человѣчамъ взять Маконъ. »Для чего, отвѣчали они, дали вы намъ худаго Мера!« Муниципальный и Префектурный Совѣты отказались явиться къ Бонапарту. Одинъ только Совѣтникъ Префектуры пришелъ къ нему на поклонъ. Бонапарте встрѣтился на дорогѣ съ отрѣшеннымъ Префектомъ, котораго онъ зналъ давно. Онъ опредѣлилъ его въ Маконъ на мѣсто Г. Жерменя, выѣхавшаго изъ города. Въ одиннадцать часовъ Бонапарте отправился изъ Макона въ Шалонъ, куда прибылъ въ десять часовъ вечера.

Трактиръ Паркъ, въ которомъ онъ остановился, былъ вскорѣ окруженъ чернью, принудившею Банапарта своими восклицаніями выйти на балконъ. При видѣ его восклицанія усугубились. «Это не радостные крики, сказалъ Бонапарте, будучи не очень ими доволенъ; это бѣшенство, это одна подлая чернь!» Сія подлая чернь разсѣялась немедленно по улицамъ и бѣгала бросая въ окна каменьями, чтобы принудить жителей иллюменовать свои домы. Въ среду, 3 числа, Бонапарте потребовалъ къ себѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Онъ принялъ сперва Генерала Во, пріѣхавшаго нарочно изъ Дижона. Гражданскія и Коммерческія училища были также на ауедіенціи.

Г. Ройеръ, Меръ, находился въ Парижѣ. Узнавъ о походѣ Бонапарта въ Шалонъ, онъ отправился туда по почтѣ, дабы исполнить всѣ свои должности въ службѣ Короля; но пріѣхалъ въ одиннадцать часовъ вечера, то есть, чрезъ часъ послѣ Бонапарта, котораго не хотѣлъ видѣть. Сей послѣдній отправился на другой день въ десять часовъ утра, въ сопровожденіи

подлой черни, его принявшей и произносившей тѣ же восклицанія: она получила по 20 су на человѣка. Бонапарте оставилъ въ Шалонѣ Генерала Во, и утвердилъ его начальникомъ 18 военной дивизіи, которою онъ уже командовалъ. Сей Генералъ ревностно старался о провозглашеніи Наполеона. Для сего пошелъ онъ къ Подпрефекту, которой былъ боленъ и лежалъ въ постелѣ, нашелъ у него Мера и обънвилъ ему, что имѣетъ въ немъ нужду для провозглащенія Императора. Г. Ройеръ отвѣчалъ Генералу, что будучи связанъ присягою, данною имъ Королю, онъ пришелъ къ Подпрефекту сложить съ себя должность, которой болѣе не можетъ отправлять. Генералъ, удивленный симъ отвѣтомъ, заключавшимъ въ себѣ сильную критику на его поведеніе, упрашивалъ Мера, чтобъ онъ остался въ своей должности, и сказалъ ему, что если онъ не хочетъ провозгласить Императора, то пусть только позволитъ дѣйствовать Муниципальному Совѣту, съ которымъ онъ уговорится; но безбоязненный чиновникъ отвѣчалъ, что дѣло Муниципальнаго Совѣта будетъ его дѣломъ, (потому

что онѣ начальникѣ онаго), и обѣявилѣ, что ему невозможно сѣ нимѣ согласиться. Генералѣ былѣ принужденѣ отказаться отѣ своего намѣренія. (*)

Г. Ройерѣ, возвратившись домой, послалѣ письменное отрѣченіе отѣ должно-

(*) Г. Ройерѣ не одинѣ изѣ жителей Шалона отличился своимѣ поведеніемѣ. Мы разскажемѣ другой примѣрѣ твердости, которой тѣмѣ достопримѣчательнѣе, что оказанѣ женщиною. Сія женщина, ѣдучи изѣ Парижа вѣ Шалонѣ сѣ своимѣ мужемѣ, остановилась 2 Марта за двѣ мили отѣ сего городавѣ загородномѣ домѣ, стоящемѣ на дорогѣ. Она нашла вѣ немѣ осмерыхѣ Офицеровѣ и 36 человѣкѣ солдатѣ изѣ Бонапартова войска. Пригласивѣ Офицеровѣ кѣ столу, она не устрашилась изѣявить свое удивленіе, что они измѣнили Королю, и положа руку на сердце, сказала имѣ: ,,Не чувствуете ли вы здѣсь угрызеній?" Офицеры не знали, что отвѣчать, но одинѣ изѣ нихѣ чрезѣ нѣсколько минутѣ сказалѣ: правда, сударыня, мы желали бы, чтобѣ Людвикѣ XVIII былѣ Королемѣ, а Бонапарте его Генералиссимомѣ; тогда былибѣ мы довольны.

сти къ Подпрефекту, которой самъ черезъ нѣсколько дней былъ отрѣшенъ.

Изъ Шалона Бонапарте отправился въ Отенъ, лучшій городъ департамента Соны и Лоары.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

НОВОЙ ЗАГОВОРЪ.

Вскорѣ по прибытіи въ Парижъ Короля въ 1814 году начался уже заговоръ, которой чрезъ одиннадцать мѣсяцовъ долженствовалъ призвать обратно Бонапарта. Заговорщики, не зная, каковъ будетъ Королевскій образъ правленія, не смѣли ничего начать во время междуцарствія, подававшаго имъ случай входить во всѣ общества, наполненныя еще ихъ сообщниками. Они усиливались только привлечь на свою сторону тѣхъ, которыхъ могли послѣ того употреблять въ свою пользу; старались сохранить для нихъ занимаемыя ими должности и удержать собственныя свои мѣста. Между тѣмъ чрезвычайный восторгъ, причиненный во всѣхъ классахъ народа прибытіемъ Короля, привелъ ихъ въ недоумѣніе. Они на нѣкоторое время остановились, когда увидѣли, что Король, которымъ

думали управлять по волѣ, не принялъ конституціи Сената. Неудовольствіе, съ которымъ публика приняла сей безобразный актъ, произведенный корыстолюбіемъ, также понудило ихъ отложить свое намѣреніе до заключенія Парижскаго трактата.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1814 года принялись они снова за постыдное свое дѣло. Выходъ союзниковъ изъ Франціи, возвращеніе плѣнныхъ, которые почти всѣ желали имѣть Государемъ Наполеона, принесшаго ихъ на жертву, и новое сформированіе разсѣянной арміи, придали имъ прежнюю смѣлость. Обманутая надежда арміи, что Франція удержитъ часть своихъ начальныхъ завоеваніи, была первымъ средствомъ, которое употребили заговорщики, дабы распространять неудовольствіе подъ видомъ патріотизма и оскорбленной національной чести.

Парижскій народъ, самый легкомысленный въ свѣтѣ, повторялъ сіи слухи, которымъ вскорѣ начали вѣрить и которые помощниками заговорщиковъ тщательно были распространяемы, такъ, что самый подлый ветошникъ обратною отда-

чею области, отнятою Франціею у своихЪ сосѣдей, почиталЪ себя обиженнымЪ. Графа д'Артоа громко порицали за то, что онЪ не удержалЪ крѣпостей и не сопротивлялся, когда союзники занимали оныя, то есть: ему надлежало бы препятствовать вступленію союзниковЪ во Францію, вЪ которую они призваны были великими ошибками Бонапарта, и вошли, чтобЪ возвести на тронЪ БурбоновЪ. Всенародныя отправленія обрядовЪ богослуженія и празднованіе Воскресенья, (какЪ то вездѣ дѣлается, кромѣ Франціи) были поводомЪ кЪ другой жалобѣ, которую присовокупили кЪ первой. Партія заговорщиковЪ умножилась вдругЪ всѣми безбожниками. ПотомЪ начинали осмѣивать эмигрантовЪ и членовЪ Королевской фамиліи. ВЪ ЗаконодательномЪ сословіи находилось нѣсколько крикуновЪ, которые безпрерывно твердили о нарушеніи конституціонной хартіи. Они толковали о предметахЪ, которые могли встревожить націю и особенно покупщиковЪ національныхЪ имуществЪ, которыхЪ Король никогда не думалЪ чѣмЪ нибудь отяготить. Г. ДюмолардЪ, прозванный Дю-

молардъ, каѳедра, по тому что онъ говорилъ часто и много, чтобы произвести желанное дѣйствіе, утверждалъ, что если свобода тисненія не будетъ позволена безъ всякаго ограниченія, то это значитъ надѣть на статую вольности свинцовое покрывало. Такъ прошли мѣсяцы Іюнь и Іюль. Въ теченіи ихъ заговорщики старались только дать народному духу вредное направленіе и охладить его; но планъ атаки начертали не прежде Сентября.

Когда чрезвычайное добродушіе Короля сдѣлалось извѣстнымъ; тогда заговорщики вздумали, что могутъ дѣйствовать свободнѣе. Каждое дѣйствующее лицо приняло назначенную ему ролю, однакожъ они еще нѣсколько времени не переставали работать по общему согласію.

Начали подкупать издателей журналовъ, и вскорѣ появились сочиненія, осуждавшіе Королевскую власть и провозглашавшія самодержавіе народа. Въ однихъ явно, въ другихъ насмѣшливымъ образомъ старались лишить дворъ и Министровъ должнаго почтенія, оказывая при томъ глубочайшее уваженіе ко всему то-

му, что происходило отЪ самаго Короля. Сіи измЪннические поступки превратились вЪ систему у всЪхЪ мятежниковЪ, которые начали превозносить Короля похвалами, чтобЪ имЪть право уничижать прочихЪ членовЪ Королевской фамиліи; ибо большая часть заговорщиковЪ сначала сама не знала, что намЪрена сдЪлать, и часто перемЪняла свои планы. Не могли рЪшиться, умертвить ли Людовика XVIII, и ввести республику; или предложить корону Принцу побочной линіи, которой конечно не принялЪ бы ее. Чтобы достигнуть той, или другой цЪли, безпрестанно твердили о ничтожности БурбоновЪ, о легкомысліи Графа д'Артоа, о суровомЪ нравЪ Герцога Беррійскаго, о поступкахЪ Герцога Ангулемскаго и о несогласіи его сЪ супругою, которая, какЪ говорили, порабощена всЪмЪ предразсудкамЪ.

Люди всЪхЪ партій, развратныя женщины, словомЪ всЪ изверги гражданскаго общества принимались вЪ сей постыдный заговорЪ преступленія противЪ добродЪтели. Слабые увлекаемы были обЪща-

ніями, и честные люди попадались вЪ разставленныя сѣти; ибо по адскому разчисленію самые разнородные вещества долженствовали содѣйствовать сооруженію безбожнаго зданія мятежа. Составились многіе Комитеты, изЪ коихЪ каждый имѣлЪ свой характерЪ, по части города, вЪ которой находился и позанятію членовЪ его. ЗдѣсЬ былЪ по наружности совершенный рояливмЪ, и самые тонкіе шпіоны пользовались довѣренностію честныхЪ людей; тамЪ была смѣсь неудовольствія сЪ вѣрностію: сожалѣли только, что не все такЪ шло, какЪ хотѣлось: вЪ иномЪ мѣстѣ попеременно порицали слабость или старость Короля, а наконецЪ стали говорить о его неправосудіи и лицемѣрствѣ. Надлежало только спутать дѣла и происшествія и затмить добро. Это было не трудно. ВсякЪ скоро согласится вЪ этомЪ, узнавЪ поступки и занятія мятежниковЪ.

Часть заговорщиковЪ должна была играть открытыя и оскорбительныя роли, между тѣмЪ какЪ другая, не менѣе полезная, трудилась вЪ тайнѣ. НачальникомЪ перваго разряда сдѣлали женщину,

прославившуюся своею развратною жизнію, но провозглашаемую нѣкоторыми подлецами ангеломъ добродѣтели. Имя ей S. H, но она извѣстна подъ разными именами, смотря по обстоятельствамъ (*). Ей назначали шумную роль и она не худо ее играла, занимая пять мѣсяцевъ вниманіе публики неважнымъ процессомъ. Сіе однакожъ не мѣшало ей предсѣдательствовать въ своемъ клубѣ, въ которомъ собирались жены и любовницы Министровъ и Государственныхъ чиновниковъ, долженствовавшихъ также играть свои роли въ трагедіи. Такія собранія происходили по Воскресеньямъ въ С. М., неподалеку отъ увеселительнаго дома Г. Сенъ-Жанъ-д' Анжели, въ прекрасной Монтморанской долинѣ. Здѣсь доносили начинщикамъ мятежа объ успѣхахъ недѣли. D..., V..., CBS..., S..., L..., T..., U..., YV..., TN..., EE..., DN..., TNS..., RR..., SMX..., и многіе другіе заговорщики тамъ присудствовали. Каждый изъ посѣти-

(*) Если не ошибаемся — Гортензія, жена Людовика Бонапарте.

шелей обязанЪ былЪ привести сЪ собою адепта, котораго вЪ два или три засѣданія испытывали, и потомЪ посвящали, когда находили его достойнымЪ. Тогда получалЪ онЪ порученіе пріискивать другихЪ. И такимЪ образомЪ собраніе сдѣлалось столь многочисленно, что почли необходимымЪ учредить посторонніе клубы. Нещастный ГенералЪ Кенель былЪ также туда введенЪ, но какЪ онЪ по честности и добродѣтели своей не хотѣлЪ склониться на гнусныя предложенія и измѣнить своей совѣсти, то заговорщики, опасаясь, чтобы половинное довѣріе, которымЪ его удостоили, не было имЪ употреблено во зло, опредѣлили вЪ тайномЪ засѣданіи своемЪ сбыть его сЪ рукЪ, и вЪ тотЪ же еще вечерЪ былЪ онЪ брошенЪ вЪ Сену. Всѣ изслѣдованія тогдашней слабой, неопытной Полиціи найти виновниковЪ сего убійства, были тщетны. Между тѣмЪ заговорщики сами испугались и согласились впредь не употреблять такихЪ средствЪ, для наложенія молчанія на тѣхЪ, которые могли имЪ быть опасны. Сіе самое препятствуетЪ изЪяснить, какимЪ образомЪ изчезали особы, кото-

рые, вѣроятно, казались имъ не молчаливѣе нещастнаго Генерала.

Дерзость заговорщиковъ была удивительна! Они играли роли покровителей и по чрезвычайной слабости тогдашнихъ Государственныхъ чиновниковъ, которые, по ихъ словамъ, хотѣли всѣхъ примирить, доставляли своимъ единомышленникамъ отличныя мѣста и милости. Нещастное сіе заблужденіе имѣло сугубой вредъ: производило неудовольствіе въ истинныхъ друзьяхъ Короля и умножало наглость измѣнниковъ! Такимъ образомъ Лабедойеръ, который назначенъ былъ для важной роли въ заговорѣ, получилъ отъ Короля, по удивительной неопытности одного Министра, званіе Полковника 7 Линейнаго полка.

Всѣ женщины, принадлежавшія къ главному штабу добродѣтельной S. H..., выѣзжали по Воскресеньямъ изъ С. Ле подобно рою пчелъ и распространялись по разнымъ собраніямъ и присудственнымъ мѣстамъ. Онѣ употребляли всевозможные средства для уловленія въ свои сѣти самыхъ даже простыхъ чиновниковъ.

Каждая изъ нихъ имѣла опредѣленное дѣло.

Гжа. М. В. принимала въ извѣстные дни посѣщенія и всячески старалась извѣдывать придворныя тайны. Она довольно искусно принимала видъ простодушія, чтобъ обмануть роялистовъ, которыхъ умѣла привлечь къ себѣ. Эта хитрость ей весьма хорошо удалась, особливо надъ Г. Граммономъ, котораго она прозвала *воронкою*, по тому, что онъ имѣлъ безразсудную довѣренность сообщать ей всѣ свои мысли.

Гжа де Fi... имѣла другое занятіе; ей было поручено говорить рѣчи солдатамъ, вступать въ сношеніе съ получающими половинное жалованье и ихъ возмущать, поддерживать въ Парижскихъ казармахъ и окрестностяхъ *хорошія* мысли и сколько возможно распространять подложный протестъ Маріи Луизы противъ отреченія Бонапарта, которой, какъ въ томъ протестѣ было сказано, могъ отказаться отъ престола только за себя одного. Ея Сіятельство имѣла удовольствіе пріобрѣсть въ своихъ предпріятіяхъ совершенный успѣхъ. Говорятъ даже, что рѣ-

чи ея возбуждали иногда бѣшеный восторгъ въ сердцахъ вѣрныхъ Бонапарту воиновъ! Вотъ какую силу имѣетъ мнимая любовь къ отечеству, когда ее внушаетъ прекрасная женщина!

Гжа. RD., прозванная по справедливости Бонапартовою *трубою*, и Гжа. C. по прозванію Y, собирала вездѣ эпиграммы и другія злобныя статьи, которыя потомъ помѣщались въ журналахъ и разглашаемы были въ собраніяхъ. Гжа E. де L. (*) сбирала добровольныя приношенія. Гжа. D... и сестра ея UIL., которая за мужемъ за DN. членомъ Національнаго Института, старались также объ успѣхѣ великаго дѣла.

Гжа MMH. развозила приказанія всей партіи; разъѣзжала вокругъ Парижа,

---

(*) Жена Нотаріуса изъ P..., которой для избѣжанія казни принужденъ былъ скрыться въ Америку. Эта женщина судилась въ Уголовной Палатѣ за то, что заложила въ ломбардъ фальшивые брилліанты. Она просидѣла 8 или 9 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ Бонапарте, имѣвшій столь великое состраданіе къ нещастнымъ, съ 20 Марта принималъ эту женщину ежедневно въ своемъ дворцѣ.

торговала помѣщичьи селенія, освѣдомлялась о поземельныхъ податяхъ, въ чемъ состоятъ помѣщичьи права и т. п. Подобнымъ бродягамъ и зломыслящимъ людямъ удалось увѣрить народъ о мнимомъ возстановленіи десятины и феодальныхъ правъ.

Къ симъ первымъ чиновницамъ надлежитъ присовокупить множество второстепенныхъ Нимфъ, которымъ поручены были другія роли. Онѣ всѣми средствами старались достигнуть своей цѣли. Въ числѣ сихъ послѣднихъ была Гжа Y де N. которая прежде всѣхъ имѣла честь носить многозначительную фіалку.

Коварствамъ одной отличной женщины сего заговора обязанъ сочинитель записокъ *Сен-Клудскаго кабинета* славою, которою пользовался; а публика лишеніемъ книги, въ коей при немногихъ неисправностяхъ находились истинны, которые могли дать истинное понятіе обо всѣхъ начальникахъ Бонапартизма и ужаса. Побѣда склонилась на ихъ сторону, и они успѣли испросить повелѣніе, посредст-

вомъ котораго всѣ ихъ гнусныя дѣла преданы были мраку забвенія. (*)

Все шло по ихъ желанію. Съ островомъ Эльбою имѣли они довольно исправное сообщеніе; *великій* человѣкъ посылалъ свои планы имъ на разсмотрѣніе; послѣ чего они къ нему были доставляемы обратно. Смѣлость его такъ увеличилась, что ему однажды вздумалось ѣхать самому въ Парижъ, чтобъ усугубить присутствіемъ своимъ ревность заговорщиковъ. но совѣтники его почли сіе предпріятіе неосторожнымъ и безполезнымъ. За отсутствіемъ господина, надлежало имѣть дѣло съ слугою, и Бертранъ прибылъ съ полномочіями *Его Императорскаго и Королевскаго Величества.*

Должно было испытать общее мнѣніе и посредствомъ самаго дерзновеннаго поступка увѣриться, сколь далеко простирается слабость Правительства. Сперьва обратили вниманіе на *Рено*, котораго почитали довольно хорошимъ писателемъ; но какое вліяніе могъ имѣть на общее мнѣніе человѣкъ, всѣми презираемый?

(*) Книгу эту запретили.

Хотѣли употребить М..., но онъ былъ на это слишкомъ глупъ. — DN... Y... T... TIB... LN... и прочіе докладчики Государственнаго Совѣта найдены были также неспособными; всѣмъ ихъ предпочли *Карно*, пріобрѣтшаго своимъ угрюмымъ, человѣконенавистнымъ характеромъ наружный видъ честности, хотя онъ не подавалъ тому доказательствъ, когда былъ однимъ изъ пяти тирановъ Франціи.

Онъ взялся написать защищеніе цареубійства — безтолковое твореніе злобы и коварства, въ которомъ этотъ плохой діалектикъ, упитанный ложными правилами, впадаетъ во всѣ ошибки и противорѣчія. — Сіе сочиненіе, при всей посредственности своей, понравилось заговорщикамъ, потому что могло служить лучшимъ оселкомъ для опредѣленія общаго мнѣнія публики. Всего дерзновеннѣе было то, что его поднесли Королю. Не смѣли просить объ этомъ сочинителя, но онъ самъ видя напередъ, что нечего опасаться, взумалъ сыграть роль Римлянина, подписался подъ своимъ сочиненіемъ и препроводилъ одинъ экземпляръ къ доб-

рому Королю, которому для избѣжанія многихъ другихъ преступленій, надлежало бы немедленно посадить мятежнаго сочинителя въ темницу.

Заговорщики почувствовали большую противъ прежняго надежду; собранія ихъ сдѣлались почти открытыми. Составились новые клубы, а прежніе увеличились.— M. . . . . LAR. CH de l'. . . p. . . и другіе отправлялись ночною порою въ Нантеръ по два раза въ каждую недѣлю. Президентъ сего важнаго Клуба часто повторялъ членамъ правило: никогда не говорить о Королѣ иначе, какъ съ величайшимъ почтеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ роспускать колкія слова противъ настоящаго Правительства, поддерживать въ среднемъ сословіи народа любовь къ воинскимъ упраженіямъ; безпрестанно твердить о славѣ Французскаго оружія, объ орлѣ, о повышеніи чинами, о побѣдѣ и наконецъ повторять всегда отъ семи до осьми словъ, извѣстныхъ заговорщикамъ; притомъ предписано было отнюдь не упоминать о Бонапартѣ, чтобъ не возбудить подозрѣнія. Не прежде Октября 1814 увидѣли нужду часто говорить о

семъ героъ, и тогда выдумали для него названіе. Одинъ сочинитель далъ ему имя *Отецъ фіалка* (père la violette), которымъ его съ тѣхъ поръ начали означать, и которое предпочли названію Jean de l'épée (вымышленному его сообщниками на островѣ Эльбѣ), опасаясь, чтобъ его не отгадали. Уже въ Декабрѣ мѣсяцѣ Офицеры начали за обѣдами у Вери и въ другихъ трактирахъ пить въ честь фіалки, *которая появляется весною*; нижніе же чины арміи, Унтеръ-Офицеры и солдаты узнали *отца Фіалку* не прежде конца Февраля. Заговорщики, которые разными хитростями получили важныя мѣста по гражданской и военной службѣ, восторжествовали, когда имъ удалось доставить военное министерство Сульту, доказавшему своимъ поведеніемъ, что не можно было сдѣлать лучшаго выбора въ пользу Бонапарта. Съ сего времени всѣ чиновники въ этомъ министерствѣ были перемѣнены. Всѣ, извѣстные истинною любовію къ Королю, удалены отъ должностей. Министръ, представляясь, будто ревностно занимается дѣлами, принуждалъ своихъ подчиненныхъ работать еже-

дневно по десяти часовъ; самые вѣрные полки были удалены отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ бы они могли быть полезными, а другіе напротивъ того, которыми командовали Бонапартовы приверженцы, поставлены на важнѣйшіе посты. Заговорщики не переставали тщательно трудиться надъ ниспроверженіемъ трона при помощи *Нея* (1), *Савари* (2), *Гулленя* (3), *Вандамма* (4) и *Даву* (5).

---

(1) Ней, *Герцогъ Эльхингенскій*, сынъ пожевщика въ Саарлуи, прежде революціи былъ онъ слугою у одного гарнизоннаго Офицера, съ которымъ жилъ въ Парижѣ; но вскорѣ былъ прогнанъ своимъ господиномъ и служилъ конюхомъ въ улицѣ poissonière не болѣе года; послѣ того вступилъ онъ въ военную службу и достигъ знатныхъ чиновъ. Онъ былъ женатъ на племянницѣ Гжи. *Компань*, которая содержала прежде сего пансіонъ для молодыхъ дѣвицъ, а потомъ была смотрительницею въ Институтѣ, учрежденномъ для воспитанія дочерей членовъ Почетнаго Легіона.

(2) *Савари*. Бонапарте, по пріѣздѣ своемъ изъ Египта, произвелъ его въ Полковники, въ награду за важныя услуги, оказанныя имъ въ

Устремляя безпрерывно вниманіе свое на то, что могло содѣйствовать цѣли заговора, они сами усугубляли число ошибокъ, а прислужники не забывали припи-

---

великій день, 18 Брюмера. Вскорѣ потомъ обратилъ онъ на себя особенное вниманіе тирана, которой примѣтивъ въ немъ великую злобу и развратъ, сдѣлалъ его своимъ искреннимъ и достойнымъ повѣреннымъ. Бонапарте привудилъ любезную и прекрасную дѣвицу де УС, дочь Маркиза сего имени, выйдти за сего мерскаго Корсиканца за мужъ. Этотъ человѣкъ имѣетъ два единственныя качества: онъ Корсиканецъ и родственникъ Бонапарте. Подъ обманчивымъ видомъ наружной пріятности Савари скрывалъ жестокую и черную душу. Когда Бонапарте замышлялъ о какомъ нибудь разбоѣ или убійствѣ, то всегда спрашивалъ совѣта Савари.

3) *Гюлень.* Этотъ нещастный предсѣдательствовалъ въ судилищѣ, умертвившемъ Герцога Ангіенскаго. Онъ былъ Губернаторомъ въ Берлинѣ и коммендантомъ въ Вѣнѣ. Прежде революціи служилъ онъ камердинеромъ у Г. Конфланса, потомъ при дворѣ Королевы и Герцога Бургонскаго. По взятіи Бастиліи, Ш..., участвовавшій въ осадѣ оной, подалъ

сывать ихъ Королю. Выдача половиннаго жалованья, на примѣръ, которая возбудила всеобщій ропотъ, была слѣдствіемъ вѣроломнаго разсчета. Ибо въ самомъ дѣ-

---

народу знакъ умертвить нещастнаго *де Іоне*, котораго онъ обезоруженнаго велъ къ Ратушѣ. 6 Окт. былъ онъ начальникомъ разбойниковъ, злодѣйствовавшихъ въ Версаліи. LH. и В... отличились неизвѣстнымъ дотолѣ звѣрствомъ во всѣхъ убійствахъ, покрывавшихъ тогда Парижъ кровію и печалію.

4) *Вандаммъ*, сынъ Кассельскаго Нотаріуса во Фландріи. Въ первый великій день революціи, Вандаммъ, скитавшійся около трехъ мѣсяцевъ безъ пристанища, записался въ службу простымъ солдатомъ; но его гражданскій духъ, его любовь къ республикѣ и другія *пожальныя* качества доставили ему вскорѣ чинъ Генерала. Находясь въ Германіи, подъ начальствомъ *Моро* совершалъ онъ такія злодѣйства, что добродѣтельный Полководецъ принужденъ былъ отрѣшить его отъ должности и отослать во Францію. Съ тѣхъ поръ не былъ онъ употребляемъ до возвращенія *могущаго*, *благодѣтельнаго*, *добраго* Наполеона, которой возвратилъ ему прежній чинъ.

лѣ, какое Привительство выдавало когда нибудь половинное жалованье солдатамъ, которые перестали служить? Чего могла требовать большая часть Французскихъ

---

(5). *Даву* Сей извергъ происходитъ отъ благородной фамиліи. Во время правленія *Робеспьерра* дѣлалъ онъ съ хладнокровіемъ тѣ же гнусности, которыми осквернилъ себя въ началѣ Пруской войны въ Саксоніи. — Находясь въ Остендѣ, приказалъ онъ разстрѣлять Г. *Билова* подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ шпіонъ, чтобы получить только его деньги. Возведенный Бонапартомъ на степень Маршала и Герцога, онъ производилъ ужаснѣйшія неистовства. Въ кампанію 1812 года начальствовалъ многочисленнымъ корпусомъ и по изгнаніи Бонапарта изъ предѣловъ Россіи, по вступленіи Союзныхъ войскъ въ Парижу и по возвращеніи во Францію Людовика XVIII оставилъ Бонапарта и перешелъ на сторону Бурбоновъ; но въ 1815 году, когда Наполеонъ съ острова Эльбы пришелъ опять въ Парижъ, тогда онъ вторично передался ему и принявъ начальство надъ арміей, принялъ оружіе противъ законнаго своего Государя. Онъ былъ изъ числа первыхъ любимцевъ Бонапарта.

воиновъ, отторженныхъ силою отъ своихъ семействъ, кромѣ того, чтобъ ихъ съ миромъ отпустили въ свои домы? Платилъ ли Людовикъ XIV половинное жалованье, когда распустилъ свою многочисленную армію? Выдавала ли Директорія сіе жалованье войскамъ, возвратившимся изъ Италіи и Германіи? Нѣтъ! она выдала полное жалованье — *а сигнаціями 8 года*. Не уже ли думаютъ, что естьлибъ вмѣсто Людовика XVIII подписалъ Парижскій трактатъ Бонапарте, то солдаты получили бы половинное жалованье? Не обманывайтесь! Онъ уменьшилъ бы многочисленную свою армію, какъ нещастныхъ, зараженныхъ язвою въ Яффѣ. Картечи и ядъ заплатили бы его долгъ. Чтобъ въ этомъ увѣриться, надлежитъ только привести себѣ на память поступки его въ Москвѣ, въ Испаніи, въ Египтѣ, на Березинѣ, при Лейпцигѣ, въ Шарлероа, по нещастномъ сраженіи при Белль-Аллiансѣ, гдѣ онъ не колебался взрывать мосты, отдѣлявшіе его отъ арміи, чтобъ спасти одного себя. И такъ не въ томъ можно обвинять Короля, что онъ не платилъ полнаго жалованья, но въ томъ,

что онъ безполезно выдавалъ *половинное* такому множеству людей, которые по привычкѣ въ праздной и независимой жизни, не хотѣли работать, полагаясь на жалованье ими не заслуженное, котораго явно лишаемы были храбрые воины, лишившіеся на полѣ чести средствъ, доставать себѣ пропитаніе и имѣвшіе право на пенсіоны, или помѣщеніе въ Инвалидномъ домѣ.

Заговоръ утверждался болѣе и болѣе; но чтобъ дѣйствовать правильнѣе, бунтовщики предложили набрать во всѣхъ сословіяхъ вѣрныхъ людей, которымъ при случаѣ надлежало настраивать народный духъ и управлять имъ по желанію.

Всѣмъ извѣстный Мерлень де Дуэ (1) взялъ на себя обработать судебныя мѣ-

---

(1) Мерлень де Дуэ былъ попеременно Совѣтникомъ Герцога Орлеанскаго, другомъ Дантона, Шабота, Марата и Робеспіерра, виновникомъ закона о подозрительныхъ, адвокатомъ Сентябрщиковъ, Полицеймейстеромъ, потомъ Министромъ Юстиціи. Будучи гордъ какъ павлинъ, терпѣливъ какъ кошка, свирѣпъ какъ тигръ, кажется, пережилъ онъ за-

ста и вскорѣ приобрѣлъ во всѣхъ судилищахъ единомышленниковъ, готовыхъ исполнять повѣленія заговорщиковъ.

говоры, коимъ служилъ душею и тѣломъ для того только, чтобъ порицать правосудіе Небесное. Онъ спасся отъ эшафота и вступилъ въ Директорію.

Мерленъ де Дуэ, сынъ крестьянина, родился близь *Като-Камбрезиса* и на 12 году отъ роду опредѣлился служкою въ одинъ монастырь. Онъ умѣлъ заслужить любовь всѣхъ монаховъ, и его послали въ Коллегію D... По окончаніи ученія сдѣлался онъ стряпчимъ, и прежніе благодѣтели не переставали ему помогать. Но вскорѣ заплатилъ онъ имъ самою гнусною неблагодарностію. Будучи избранъ въ Представительное Собраніе имѣлъ онъ случай сдѣлаться извѣстнымъ Герцогу Орлеанскому, которой пожаловалъ его въ свои секретари. Изъ благодарности за сію милость употреблялъ онъ въ послѣдствіи всѣ свои силы, чтобъ возвести Герцога на гильотину.

Въ правленіе Робеспіерра издалъ онъ всѣмъ извѣстный законъ о подозрительныхъ, который имѣетъ столь великое сходство съ новѣйшими декретами Бонапарта. Надобно прочесть этотъ законъ и сіи секреты,

НТ... Генеральный Стряпчій въ Аппеляціонномъ Судѣ весьма искусно пользовался послѣдними минутами своей должности. Убійца Короля G . . . de l'A . . . обработывалъ судъ Первой Инстанціи вмѣ-

---

чтобъ узнать сходство нравовъ Максимиліана Робеспіерра и Наполеона Бонапарте. Первый былъ только бичемъ Франціи, а послѣдній заразою вселенной. Тотъ же *Мерленъ де Дуэ* сочинилъ во время Робеспіерра родъ катихизиса, которой надлежало употреблять при допросѣ членовъ Конвента и Народнаго Собранія. Вотъ его содержаніе: *Какимъ имѣніемъ обладали вы предъ 1789? Что имѣете нынѣ, въ 1793? Какого мнѣнія вы были въ 1789? Что вы сдѣлали, чтобъ заслужить гильотину въ случаѣ новой революціи?*

Послѣ паденія Робеспіерра сдѣлался онъ самымъ дѣятельнымъ членомъ новаго Правленія. Во время Директоріи былъ онъ Министромъ Юстиціи, Полиціи и наконецъ Директоромъ. Жестокость привела его у всѣхъ въ такую ненависть, что онъ былъ принужденъ, изъ уваженія къ общему мнѣнію, удалиться. 18 Брюмера не имѣлъ онъ никакого мѣста; но великій покровитель всѣхъ разбойниковъ пожаловалъ его въ Государственные Совѣтники.

стѣ съ такъ называемымъ Императорскимъ Судилищемъ, а толстый *Гарнье* (1) взялся за Аппеляціонный Судъ, въ чемъ помогалъ ему архиваріусъ TG . . . , кото-

(1) *Гарнье* былъ членомъ одного изъ Національныхъ Собраній. Въ 8 году, по рекомендаціи Архи-Казначея *Лебреня*, произведенъ въ Префекты Бельгіи. Онъ послѣ того оставилъ это мѣсто, въ которомъ чрезвычайно терзалъ ввѣренныхъ его управленію жителей. Въ 1807 году вступилъ въ Аппеляціонный судъ, а наконецъ былъ избранъ разными происками и хитростями въ беззаконное собраніе, названное Палатою Представителей. При этомъ избраніи согласныхъ голосовъ было только двадцать три, вмѣсто 123. Гарнье чрезвычайно вспыльчиваго характера, несправедливъ и безтолковъ, жестокъ и высокомѣренъ, надутъ и гордъ въ обхожденіи съ тѣми, которыхъ почитаетъ ниже себя, и напротивъ того учтивъ, подлъ и низокъ предъ высшими. Онъ не имѣетъ отличнаго ума, изъясняется съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ, имѣетъ посредственные таланты, слѣдствіе худаго воспитанія и необузданнаго самолюбія. Преданность его къ Бонапарту доходитъ до бѣшенства. Смѣшно было видѣть, какъ онъ въ 1814 году изгибалъ толстое свое

рой безЪ сомнѣнія надѣялся, что учрежденіе новаго Комитета о секвестрѣ имуществѣ эмигрантовЪ будетЪ для него

брюхо передЪ Принцами и самимЪ Королемъ, которому часто представлялся. Однакожъ, онЪ признавался своему зятю, что это ему многаго стоило. ВЪ 1815 году, вЪ то время, какЪ Бонапарте возвратился вЪ ПарижЪ, онЪ говорилЪ ему, что *естьли кЪ нещастію нашему Бурбоны* (которыхЪ называлЪ выродками) *возвратятся*, то онЪ уступитЪ ему свое мѣсто, потому что не будетЪ вЪ состояніи снести этаго нещастія— столь сердечно и искренно ненавидѣлЪ онЪ Короля, вЪ чемЪ никто и не сомнѣвался. Я пойду, говорилЪ онЪ кЪ своимЪ друзьямЪ, БонапартистамЪ, а вы будете просить своихЪ друзей роялистовЪ, о хорошемЪ успѣхѣ сего дѣла. Гарнье 3 Мая произнесЪ передЪ КоролемЪ торжественную клятву вЪ вѣрности; черезЪ три недѣли послѣ того самЪ разрѣшилЪ оную и далЪ Бонапарту новую. Не довольствуясь своимЪ клятвопреступленіемЪ, старался онЪ поощрять кЪ тому другихЪ чиновниковЪ, которые колебались между совѣстію и необходимостію. — Его не обвиняли прямо во грабежахЪ по его должности: но продолжительная несправедливость и гнусное пристрастіе

столько выгодно, какъ и то, которымъ онъ пользовался прежде сего съ своимъ братомъ BL.

NDF... порученъ былъ Департаментъ Соединенныхъ Налоговъ, гдѣ онъ имѣлъ большое вліяніе (1) HT... управлялъ лотщереями. Королевскій убійца HE... двор-

сдѣлали его на все способнымъ, и имя его проклинаютъ всѣ тѣ, которые имѣли нещастіе вступать съ нимъ въ сношеніе.

Вотъ человѣкъ, котораго Король, по рекомендаціи слабоумныхъ людей, оставилъ при должности, имъ незаслуженной, котораго даже почтилъ знаками своего благоволенія.

(1) NDF..., Сынъ бѣднаго приказнаго служителя въ *Борепері*, которой не имѣя чѣмъ содержать своихъ дѣтей, отослалъ ихъ къ дядѣ, служившему у Генеральныхъ откупщиковъ въ *Нантѣ*. Молодой NDF..., опредѣлился таможеннымъ чиновниковъ въ *Динѣ* съ жалованьемъ 1200 франковъ. Въ первые дни революціи отличился онъ соблазнительными, площадными и подлыми сочиненіями противъ священниковъ, дворянства и Генеральныхъ откупщиковъ и тѣмъ пріобрѣлъ удивленіе черни. Избиратели послали его въ Законодательное Собраніе, гдѣ онъ совершенно

цовыми имѣніями. JMI... былъ начальникомъ нравственной Полиціи; онъ дѣлалъ небольшія изслѣдованія, которые болѣе вредятъ, нежели явное шпіонство. Можно было на него положиться. Бѣше-

---

соотвѣтствовалъ всѣмъ ожиданіямъ. Онъ преслѣдовалъ съ яростію Генеральныхъ откупщиковъ. Въ Конвентъ онъ не поступалъ, а по тому и не участвовалъ въ убіеніи Людовика XVI. Онъ удалился въ Департаментъ Изеры, гдѣ и жилъ нѣсколько времени скрытно. Когда въ 1793 году начался федерализмъ NDF. сопротивлялся ему всѣми силами и ему удалось воспрепятствовать соединенію обитателей Ліона съ жителями Гренобля. Департаментъ Изеры, имѣвшій тогда довольно хорошее расположеніе, арестовалъ *Альбита* и *Дубоа де Крансе*. NDF, за которымъ послѣдовали всѣ Гренобльскіе мятежники, испускавшіе ужасный ревъ; отправился въ Клубъ, произнесъ въ Собраніи его революціонную рѣчь. Члены Департамента обратились въ бѣгство, уничтоживъ сперва свое опредѣленіе, и такимъ образомъ осада Ліона была продолжаема. По сей причинѣ жители Ліона хотѣли его бросить въ Рону, на проѣздѣ его чрезъ сей городъ.

ный SMX . . . , горя нетерпѣніемъ видѣть желаемую минуту, сдѣлалъ покушеніе захватить самаго Короля, и тѣмъ едва не испортилъ всего дѣла; но заговорщики исправили эту ошибку. Его отпустили. Также не довѣряли и R. Сей молодой Сеидъ, которой не всегда имѣлъ одинакую ревность, могъ болѣе вредить партіи, нежели приносить пользу. Онъ имѣлъ особое порученіе забирать въ Полицію сколько можно болѣе старыхъ своихъ агентовъ. Въ семъ имѣлъ онъ великой успѣхъ. Гнусный *Пакъ* занималъ въ числѣ ихъ первое мѣсто. Онъ весьма искусно вкрался въ милость къ Гг. *Полиньякамъ*. По пріѣздѣ ихъ въ Парижъ ZMD . . . , котораго имя напоминаетъ множество преступленій, имѣлъ пребываніе въ С . . . , откуда посылалъ въ Совѣтъ драгоцѣнныя свои ноты. Было бы слишкомъ неосторожно, естьлибъ человѣкъ столь всѣмъ извѣстный оставался въ Парижѣ. При Бонапартѣ онъ вступилъ въ прежнюю свою должность и умѣлъ вознаградить свою праздность во время заговора всякими злодѣйствами, въ которыхъ ему ревностно помогали всѣ подчиненные, оставшіе-

ся въ правленіе Короля при своихъ мѣстахъ.

Парижскою Полицію управлялъ L..., (1) представлявшійся будто занимается Химіею въ прежнемъ жилищѣ своего друга ZMD ..., съ которымъ изъ предосторожности помѣнялся прекраснымъ своимъ домомъ въ Лильской улицѣ.

BSD ... надлежало ѣхать въ Департаментъ *Геро;* однако заговорщики увидѣли, что онъ можетъ быть полезнѣе въ Парижѣ. И такъ этотъ Принцъ остался посреди своихъ, а его Превосходительство Г. PCI.... удалился на острова Тіерскіе, чтобъ быть поближе къ острову Эльбѣ. Неутомимый TU ... (2.) одинъ дѣлалъ болѣе всѣхъ прочихъ. Почти невѣроятно, съ какою ревностію старался онъ объ общемъ дѣлѣ. Онъ поѣхалъ въ Италію, чтобы доставить заговору денежныя пособія; въ чемъ успѣлъ совершенно. Слѣдствіемъ сей поѣздки было собраніе двадцати милліоновъ, утвержденіе сообщеній Неаполя съ островомъ Эль-

(1) Шапталъ. (2) Тибодо?

бою и приступленіе Италіанскихъ мятежниковъ къ Французскому заговору.

Г. Блакасъ, (1) былъ давно предметомъ всѣхъ насмѣшекъ. Легко можно вообразить, что приверженцы Корсиканца поль-

---

(1) Г. Даварей и Графъ Лашапель, имѣвшіе довѣренность Короля, поручили Его Величеству при своей смерти молодаго Г. Блакаса, Авиньонскаго дворянина, и увѣрили, что онъ имѣетъ всѣ способности быть ихъ послѣдователемъ и достоинъ величайшей довѣренности. Въ самомъ дѣлѣ Г. Блакасъ завелъ весьма скоро въ дѣлахъ Короля строгой порядокъ и съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ всю его благосклонность. Не стану изыскивать, справедливы ли или ложны ошибки, приписываемые Г. Блакасу, но то извѣстно, что многіе и весьма часто на него жаловались. Его надлежало бы безъ сомнѣнія осудить, если бы *вздумали* слѣдовать древней пословицѣ: vox populi, vox Dei. (Гласъ народа, гласъ Божій.) Г. Блакасъ женился въ Англіи дней за пять до пріѣзда во Францію. Секретарь его былъ монахъ Флеріель, человѣкъ ума ограниченнаго. Ему должно приписать большую часть ошибокъ, въ которыхъ обвиняютъ Графа.

зовались его присудствіемъ и милостію къ нему Короля. Они громко на него роптали; хотя должно сказать, что Г. Блакасъ самъ противъ воли трудился въ ихъ пользу и служилъ имъ. Самъ не зная, что его окружаютъ и управляютъ имъ заговорщики, онъ, по наущенію ихъ, совѣтовалъ Королю учредить лоттереи, удержать соединенные налоги, позволить содержаніе картежныхъ домовъ и въ публичныхъ должностяхъ предпочитать всѣмъ прочимъ Бонапартистовъ, чтобъ преклонить ихъ на свою сторону. Онъ раздавалъ безъ всякой причины неважнымъ особамъ ордена; а сіе оскорбляло тѣхъ, которые получили ихъ истинными заслугами, и внушалъ Королю подозрѣніе къ вѣрнымъ подданнымъ. Злодѣйская партія обрадовалась, увидѣвъ, что Министерство Полиціи поручено было Г. Дандре не для того, чтобъ этотъ Министръ хотѣлъ благопріятствовать заговорщикамъ, а по тому, что онъ, какъ многіе утверждали, былъ неспособенъ къ своей должности. Не хочу судить о дарованіяхъ Г. Дандре, но думаю только, что онъ не всегда имѣлъ надлежащую

твердость. Слабости его можно приписать частые его посѣщенія въ С. Ле. Всѣ называли его добрымъ человѣкомъ. Реалъ говорилъ, что этотъ *добрый человѣкъ* вовсе не знаетъ своего дѣла, и увѣрялъ, что Г. Дандре ищетъ знакомства съ старыми чиновниками Министерства Полиціи, чтобъ научиться у нихъ Полицейской должности. Этотъ же Реалъ, бывъ однажды у Тальена, вздумалъ повеселиться надъ простотою Г. Дандре, и спросилъ у него, что бы онъ сдѣлалъ, естьли бы Императоръ (Наполеонъ) попросилъ позволенія возвратиться во Францію. Министръ отвѣчалъ: я бы ему отказалъ, естьлибъ самъ Король не приказалъ мнѣ дать ему позволенія. Реаль присовокупилъ: но естьли бы онъ хотѣлъ пріѣхать только для поправленія своего здоровья? — Тогдабъ я немедленно согласился на его прозьбу, отвѣчалъ Дандре.

Лишать публичныхъ чиновниковъ уваженія, потрясать довѣренность, которую имѣли къ нимъ Правительство и націи, распространять въ публикѣ гнусные басни — таковы были занятія заговорщиковъ въ послѣднее время, — и для нихъ

не во все безполезныя. Всѣ сословія народа должны были по порядку проходить по сей сценѣ безславія: священники заключали шествіе. У насъ еще въ свѣжей памяти тѣ нелѣпыя басни, которыя носились зимою о разныхъ священникахъ Парижа и окрестностей его. Анекдотъ о глупости священника церкви Св. Евстафія, которой, какъ говорили, купилъ простой камень за алмазъ и заплатилъ 23000 франковъ; исторія священника Св. Рока и шумъ, происшедшій при погребеніи Актрисы Рокуръ и пр.

Въ сіе время планъ заговора былъ утвержденъ. Оставалось пріискать самое лучшее средство для приведенія его въ исполненіе — деньги. Число знатнѣйшихъ сотрудниковъ въ семъ гнусномъ дѣлѣ простиралось до сорока двухъ человѣкъ, какъ они сами послѣ признались, когда почитали себя въ безопасности. Но чтобы сочиненіе наше не походило на доносъ о людяхъ, назначенныхъ къ изгнанію, мы ихъ не станемъ называть поимянно; отдадимъ только справедливость тѣмъ, которые принесли великодушнѣйшія пожертвованія.

Въ пожертвованіяхъ, для пользы Императорскаго Правленія, дѣвица Н. участвовала всегда первая. Не льзя сказать навѣрное, сколько имянно она внесла, но должно подивиться ея ревности, когда узнаемъ, что издержавъ всѣ деньги свои на угощеніе посѣтителей С. Лё, продала она свои алмазы и лучшую мебель, чтобъ сдѣлать Императору подарокъ, пристойный ея усердію и привязанности (1) U... какъ уже прежде сказано, возвратился изъ Италіи съ 20 милліонами, полученными отъ Мюрата и другихъ разбойниковъ той земли. Луціанъ и Кардиналъ Фешъ участвовали также въ складчинѣ. Бонапарте продалъ въ Ливорнѣ все, что имѣло нѣкоторую цѣну, и никому не пла-

---

(1) Дѣвица Н... которой ревность никогда не измѣнялась, 29 Іюня (н. ст.) 1815 года въ вечеру, слѣдовательно черезъ шесть дней по отреченіи Бонапарта — раздала 60,000 франковъ, чтобъ поощрить Конфедератовъ предмѣстія С. Антонія къ избранію Наполеона II. Не будучи болѣе въ состояніе угощать столомъ сообщниковъ Бонапарта, дѣвица N... поила чернь.

тилъ на островѣ Эльбѣ. Бертранъ привезъ всѣ сіи деньги въ Парижъ.

Т. l'Ar.... c... внесъ три милліона. Императорскіе вѣрные Сенаторы дали 14 милліоновъ. Нѣкоторые Государственные Совѣтники, не вѣря скорому возвращенію Бонапарта, показали свою скупость: они дали не болѣе четырнадцати или шестнадцати тысячь франковъ (1). Добродѣтельная Р.... С.... внесла собранные ею 300,000 фран., изъ которыхъ однако же вычла, какъ говорятъ, свои издержки.

---

(1) Государственный Совѣтникъ всегда дорожитъ деньгами. Эти господа явились 30 Іюня въ Казначейство, чтобы получить жалованье за истекающій мѣсяцъ. Имъ отвѣчали, что казна опустѣла и наличныя деньги надлежитъ беречь для потребностей арміи. Это имъ показалось непріятно и ревность ихъ защищать національную независимость начала уменьшаться. Невыдача жалованья для нихъ ужаснѣе всего. Нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не сдѣлался бы роялистомъ, естьлибъ Бонапарте не выдалъ ему жалованья. Отечество Государственныхъ Совѣтниковъ въ денежномъ сундукѣ.

Т. S. (Сультъ) отдалъ все похищенное имъ по Военному Министерству; только просимъ читателя не спрашивать, сколько всего... Маршалы, которые служили правому дѣлу, дали около пяти милліоновъ. Убійцы Короля, поощряемые С... (Карно), пять милліоновъ. Къ сему должно еще присовокупить сумму, взнесенную неважными, но *благомыслящими людьми на случай*, какъ имъ обьявлено было, *необходимѣйшихъ намѣреній Его Величества.*

Эти деньги поручены были весьма вѣрному агенту — только не *Рено*.... Часть оныхъ оставили въ Парижѣ для уравненія дороги, и уже за восемь дней до прибытія Бонапарта платили за публичныя восклицанія. Это извѣстно было за два, или за три дни до отъѣзда Короля. Крикуновъ, которые не хорошо были настроены и кричали слишкомъ рано и неискусно, били зонтиками. Не прежде Воскресенья можно было свободно изъявлять сіи *драгоцѣнные* восторги, а въ понедѣльникъ раздались тысячи восклицаній: *да здравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ Гвардія! да здравствуетъ Марія Лу-*

иза! да здравствуетъ Король Римскій! да здравствуетъ господинъ Литардъ (1).

Его Свѣтлость le P... de P... узнавъ о положеніи вещей чрезъ нарочнаго, почелъ за лучшее прекратить собранія до полученія извѣстія о высадкѣ Кесаря. Маленькому I.... поручено было извѣстить объ этомъ всѣхъ. Съ 17 Февраля начали съ нетерпѣніемъ дожидаться того щастливаго дня, въ которой придетъ извѣстіе о высадкѣ.

Все шло хорошо. Издатели негоднаго *Желтаго Карла*, которые хотѣли всегда блистать остроуміемъ, первые намекнули о высадкѣ Бонапарта въ Каннѣ. Они сдѣлали это вѣроятно для того, чтобъ заранѣе пріобрѣсть уваженіе и симъ таинственнымъ довѣріемъ къ публикѣ доказать, что и они знали о заговорѣ — въ чѣмъ никто не сомнѣвался. (2).

---

(1) Онъ платилъ крикунамъ, и такъ натурально, что они желали ему долголѣтія.

(2) Извѣстно, что *Желтый Карло* былъ сильнымъ опозиціоннымъ журналомъ въ царствованіе Людовика XVIII. Въ No 26 Февраля находилось безъ всякой связи, между разными другими извѣстіями, слѣдующее: „Мы полу-

Послѣ того въ другомъ старались исправить эту ошибку, ибо заговорщики не хотѣли, чтобъ публика такъ скоро узнала, что возвращеніе *великаго* человѣка есть слѣдствіе стараній нѣсколькихъ мятежниковъ. Хотѣли, чтобъ сіе приписано было особенному щастію, всегда благопріятствующему особѣ Наполеона, покровительству Неба и любви къ нему Французовъ.

О высадкѣ Бонапарта узнали заговорщики 3 Марта (н. ст.) къ вечеру; до 6 числа чувствовали они радость, смѣшанную съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Они боялись одной мѣры, которая еслибъ была употреблена въ надлежащее время, могла бы уничтожить ихъ замыслы и сохранить Короля: они боялись, что ихъ всѣхъ

чили письмо Т. v..., къ Т...... Я изчинилъ десять перьевъ на письма къ вамъ, но не получилъ ни одного отвѣта; можетъ быть буду щастливѣе, отвѣчая перомъ изъ *тростника* (plume de canne): увижу., Въ тотъ день Бонапарте вышелъ на берегъ близь *Канна*: Желтый Карло извѣстилъ объ этомъ заговорщиковъ словомъ: *Canne*.

посадять въ Веньсенской замокъ. Но 8 Марта увѣрились они, что добродушіе Короля, какъ сами говорили, есть *неизцѣлимая добродѣтель Бурбоновъ.* Чтобъ увѣрить Дворъ въ безопасности, заговорщики согласились утверждать единогласно, что Бонапарте никогда не будетъ въ Парижѣ; что въ *Греноблѣ* найдетъ онъ смерть: а потомъ, когда онъ прошелъ *Гренобль,* говорили, что онъ погибнетъ въ *Ліонѣ, Меленѣ,* наконецъ въ *Вильжуифѣ.* Въ то же время раздавали вездѣ деньги, чтобъ подкупить и тѣхъ, которымъ прежде не смѣли открыться. Войска, преданныя Королю, посланы были въ лѣво, между тѣмъ какъ онѣ могли быть полезны въ правѣ. Смѣялись надъ ревностію тѣхъ, которые добровольно вступили въ службу. Полиція дѣйствовала въ пользу Бонапарта; заговорщики перехватывали письма и распечатывали ихъ; сочиняли уже списки назначенныхъ къ изгнанію изъ Парижа 10,000 человѣкъ. Распространяли тысячи разныхъ противорѣчащихъ слуховъ и дурачили Законодательное Сословіе. 17 Марта Коммисаръ *Сартеланъ,* членъ собранія, сдѣлалъ предло-

женіе дать, отъ имяни всего Государства, 4 милліона тому полку, которой освободитъ Францію отъ Бонапарта. Это предложеніе было одобрено. Оно было бы весьма полезно и одно могло защитить насъ отъ опасности, но одинъ сообщникъ заговора (священникъ, котораго изъ пощады не хочу назвать по имяни) всталъ и сказалъ, что предложенное Г. Сартелономъ средство покроетъ націю на вѣки стыдомъ; что Бонапарте ни мало не опасенъ, потому что непремѣнно погибнетъ у Вильжюифа, или наконецъ подъ стѣнами Парижа. Говоря Французамъ о чести и нѣжномъ чувствѣ, можно ихъ обмануть навѣрное. Это случилось нынѣ; предложеніе не было принято. Извѣстно, что всѣ бѣдствія, постигшія Францію, произошли отъ непринятія сей мѣры. Спрашиваю, можно ли было поступать честно съ тѣмъ, которой не зналъ чести; которой на каждомъ шагу нарушалъ священнѣйшіе человѣческіе законы и попиралъ ногами трактаты, вѣрность и клятвы? Да загладитъ тотъ, которой имѣлъ нещастіе отвергнуть сіе спасительное предложеніе, поступокъ свой вѣч-

нымъ раскаяніемъ! Ему одному надлежитъ оплакивать междоусобныя убійства и смерть ста пятидесяти тысячь человѣкъ, принесенныхъ на жертву тиранству и самолюбію одного человѣка!

Бонапарте вышелъ на берегъ въ Каннѣ съ горстію людей, которые хотя служили злодѣйскимъ его намѣреніямъ, однако менѣе виновны, нежели измѣнники, служившіе внутри Государства и давшіе Королю клятву въ вѣрности. Между тѣмъ высадка сія, сдѣлавшаяся столь пагубною отъ послѣдовавшихъ ей обстоятельствъ, была бы гибельна для своего виновника, естьли бы Королевскія войска и начальники ихъ пребыли вѣрными своей присягѣ. Но лишь только Маршалы, бывшіе въ заговорѣ, начали измѣнять, то и послѣдовало общее отпаденіе. Лабедойеръ, командовавшій 7мъ Линейнымъ полкомъ, назначенъ былъ къ открытію вѣроломства (1).

(1) Лабедойеръ происходитъ отъ весьма хорошей фамиліи. Дѣдъ его былъ Генералъ-Прокуроромъ въ Парламентѣ; а онъ обремененъ долгами и велъ себя всегда дурно.

Братья LLLL.... (Лаллеманъ) корреспондентомъ мятежниковъ, впустилъ тирана въ городъ и за измѣну свою произведенъ въ Префекты Департамента. Братья LLLL.... (Лаллеманъ) дѣйствовали во внутренности съ DNLF.... (Лефевръ-Денуэтъ) TD...., и TM.... прозванный Графомъ L..... (Эрлонъ) Эти господа имѣли порученіе побудить къ измѣнѣ гарнизоны Лилля, Валансьеня, Камбрея, Мобёжа и пр.

Заговорщики издержались. Не стало денегъ. Какъ ихъ достать? — Измѣною, которой потомство не повѣритъ. Они обратились къ самому Королю, чтобы получить средства его низвергнуть. Ней, коего имя служитъ поношеніемъ для всей Франціи, получилъ при отправленіи своемъ въ Ліонъ милліонъ франковъ; сверхъ того розданы были знатныя суммы другимъ Генераламъ, къ которымъ имѣли еще нѣкоторое довѣріе — и всѣ сіи средства употреблены были противъ Короля.

Чѣмъ очевиднѣе становилась опасность, тѣмъ болѣе старались приверженцы Корсиканца распространять мнѣніе,

что Наполеонъ никогда не осмѣлится вступить въ столицу, и имъ удалось въ этомъ увѣрить даже самый Дворъ. Они въ новыхъ клятвахъ повторяли увѣреніе въ преданности своей къ трону. Сіи наглые обманщики давали торжественно присягу Королю, который требовалъ отъ нихъ одной правды. Они призывали въ свидѣтели Небо и приводили въ трепетъ землю ужасными своими клятвами. Одни со слезами бросались передъ Королемъ на колѣни, другіе съ нѣжностію цѣловали его руки, иные представляли дѣтей своихъ въ залогъ своей вѣрности. — Можно было подумать, что эти разбойники просятъ Короля о позволеніи сыграть послѣднее дѣйствіе сей гнусной трагедіи, или что они умоляютъ его на колѣняхъ уступить свое мѣсто Бонапарту. Столь велики были съ одной стороны коварство, а съ другой излишняя довѣренность, что до послѣдней минуты сіи разбойники управляли большею частію народа.

Многіе Меры и Префекты, которые при помощи своихъ подчиненныхъ хотѣли остановить Бонапарта, были до того не допущены. Г. Бушиліе, Префектъ Де-

парламента Вара, хотѣлъ выступить противъ Бонапарта, но былъ удержанъ однимъ Маршаломъ, которой далъ ему фальшивой маршрутъ, отъ чего онъ прибылъ на то мѣсто, гдѣ должны были проходить разбойники острова Эльбы двумя часами позже ихъ. Тотъ же самый Маршалъ (Массена) издавалъ сильныя прокламацiи, которымъ никто не вѣрилъ, равно какъ и его ревности къ Королевскому дѣлу. — Въ послѣдствiи былъ онъ Марсельцами обруганъ и спасся отъ нихъ только скорымъ побѣгомъ! —

Иногда совѣтовали Королю удалиться, въ другое же время просили его остаться. Не смѣемъ открыть безбожнаго намѣренiя, которое занимало нѣсколько времени заговорщиковъ, но Генiй-хранитель Францiи, возвратившiй ей отца, не восхотѣлъ, чтобы новое отцеубiйство посрамило Французскую землю. — Король отправился съ своимъ братомъ и со всею фамилiею въ Законодательное Сословiе. Пылкая, всякую похвалу превышающая ревность сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ всѣхъ мятежниковъ.

Вѣ Воскресенье, 19 Марта, бѣшенство дошло до высочайшей степени; слабыя женщины нападали сѣ зонтиками на мущинѣ, которые подѣ окнами дворца произносили гнусное имя Бонапарта. Ни о чемѣ болѣе не говорили, какѣ обѣ умерщвленіи его, когда узнали измѣну солдатѣ и ихѣ начальниковѣ. Вѣ Ліонѣ сдѣлано было сіе покушеніе, но безѣ успѣха. Одинѣ молодой человѣкѣ, коего имя, достойное вѣчной хвалы вѣ потомствѣ, кѣ сожалѣнію, неизвѣстно хотѣлѣ было спасти Францію; онѣ палѣ жертвою своей ревности. Пуля, долженствовавшая даровать вселенной мирѣ, пролетѣла на нѣсколько линій мимо Бонапартовой головы и попала вѣ одного изѣ его сообщниковѣ. Но всѣ сіи усилія были слабы противѣ заговора, который такѣ скоро приведенѣ былѣ вѣ исполненіе. Надлежало замолчать, когда высшая власть издала вѣ тотѣ же самый день запрещеніе обнаруживать желанія и готовность служить вѣ пользу справедливаго дѣла. Слѣдующій дневной приказѣ обнародованѣ былѣ 19 Марта поутру; не возможно сдѣлать ничего искуснѣе и вѣ то же время вѣроломнѣе сего акта:

»Вѣ слѣдствіе дневнаго приказа отѣ 15 »числа сего мѣсяца Національная Гвардія »арестовала третьяго дня вѣ вечеру вѣ »саду Пале-Рояльскомѣ двухѣ человѣкѣ, »которые кричали: *да здравствуетѣ Ко»роль!* и намѣрены были возбудить бѣ»шенство, производящее безпорядки и »народную войну.« Восклицанія: *да здравствуетѣ законный Король! да здравствуетѣ царствующій Король!* возбудятѣ народную войну! Какое ужасное превращеніе понятій!

Король и Королевская фамилія узнали обѣ угрожающей имѣ опасности и необходимости удалиться не прежде 19 числа вѣ вечеру. Сіе сдѣлано было сѣ умысломѣ, чтобы сія злополучная фамилія, призванная на престолѣ большею частію Французовѣ и вторично изгоняемая горстію мятежниковѣ, оставила отечество, не имѣя времени взять что нибудь сѣ собою, между тѣмѣ какѣ сѣ другой стороны нагружали публично большія повозки неважными вещами, чтобѣ послѣ сказать, что Король при отѣѣздѣ своемѣ забралѣ все сѣ собою. Наконецѣ, вѣ часѣ по полуночи, сѣлѣ Король вѣ карету и отправился

по дорогѣ въ Бове, въ сопровожденіи малой части своей Лейбъ-Гвардіи.— Заговорщики постарались, чтобы на всѣхъ не стало лошадей. Бывшая въ то время при немъ Національная Гвардія никогда не забудетъ, сколь трогательно было сіе печальное разлученіе. Народъ оказалъ чрезвычайную преданность Королю; цѣловали лошадей, запряженныхъ въ карету; многіе провожали его до С. Дени. Тамъ, изнуренные усталостію, вѣрные подданные, обливаясь слезами, должны были навсегда съ нимъ разстаться. . . .

Въ понедѣльникъ, 20 Марта, по утру, гнусный убійца, SXM. (Эксельманъ), обязанный сохраненіемъ своей жизни добродушію Короля, поднялъ трехцвѣтное знамя на Тюльерійскомъ дворцѣ. При семъ зрѣлищѣ вся чернь съ солдатами, получавшими половинное жалованье бросилась на карусельную площадь. Мятежники бѣгали по Пале-Роялю крича: *да зравствуетъ Императоръ!* Сіе восклицаніе, столь давно забытое, возбудило удивленіе и негодованіе. Произошли ссоры, но превосходство числа одержало верхъ, и въ три часа по полудни надлежало для

безопасности снять Королевскія кокарды.

Бонапарта ожидали ежеминутно; но заговорщики, зная стремленіе распаленныхъ умовъ, скрывали время его прибытія и дорогу, по которой ему надлежало ѣхать. Наконецъ, въ восемь часовъ вечера, прибылъ онъ чрезъ пустое предмѣстіе, противоположное настоящей его дорогѣ. Шествіе его подобно было погребенію, или лучше сказать бѣгству; неподалеку отъ дворца встрѣтили его поставленные тамъ караульные пьяные бунтовщики и тѣ фуріи, которыя дѣлаютъ стыдъ своему полу, находя удовольствіе въ мятежахъ, и извѣстныя въ нещастные дни революціи подъ имянемъ *Робеспьерровыхъ гулошницъ*. Таково было торжественное вступленіе въ Парижъ Героя Москвы, Лейпцига и Березины! Пусть тѣ, которые видѣли при въѣздѣ Короля празднество, общую радость, восторгъ удовольствія, — толпу любопытныхъ, которые тѣснились на всѣхъ улицахъ и наполняли окна до самыхъ крышъ; пусть тѣ, которые видѣли шествіе добраго Короля, названнаго по справедли-

вости *вожделѣннымъ*, сдѣлаютъ сравненіе между двумя столь различными днями. Въ одинъ день нація вполнѣ изъявила свою радость, а въ другой горсть разбойниковъ дикими своими восклицаніями наводила ужасъ на всѣхъ благомыслящихъ людей, которые не смѣли произнести ни одного слова.

Для сего 20 числа Марта потребно было издать какое нибудь пламенное воззваніе, чтобъ воспалить умы, занять праздныхъ и поощрить ихъ къ исполненію замысловъ Правительства. Т. YJ., принялъ на себя это порученіе, сочинилъ наборъ лжей, подъ названіемъ: *къ Французамъ*. Т. YJ. далъ революціоннымъ своимъ мыслямъ свободное теченіе и принялъ слогъ черни, чтобъ она могла его понимать. Онъ говоритъ о семнадцати извѣстныхъ господахъ, причинившихъ революцію *носовыхъ платковъ*; смѣется надъ бѣлыми лентами, розданными 30 Марта на площади Людовика XV, и называетъ ихъ *бѣлыми знаками дамской благосклонности*. Онъ утѣшаетъ Роялистовъ въ потерѣ малозначущаго Короля. Мы имѣли, говоритъ онъ голосомъ изсту-

пленнаго мятежника, своихъ Стуартовъ, будемъ имѣть свой вѣкъ славы! Наконецъ заключаетъ несбывшимся восклицаніемъ: *Да здравствуетъ Императоръ! Да зравствуетъ Марія-Луиза! Да зравствуетъ Король Римской, которой въ этотъ день родился и скоро къ намъ возвратится.*

Невозможно описать печальной тишины, царствовавшей въ продолженіи двухъ или трехъ дней по возвращеніи Бонапарта въ столицу. Вскорѣ увидѣли, что эта тишина можетъ произвести дурное дѣйствіе, и Полиція начала раздавать деньги негодяямъ, которые должны были бѣгать по улицамъ въ трехцвѣтныхъ кокардахъ и кричать: *Да зравствуетъ Императоръ! Да здравствуетъ Марія-Луиза!* Принуждали женъ придворныхъ чиновниковъ собираться ежедневно подъ окнами и кричать: *Да зравствуетъ Императоръ!* Симъ хотѣли подражить восторгу, которой за годъ предъ тѣмъ оказываемъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ къ особѣ Короля.

Бонапарте обЪявилъ въ Ліонѣ, что онъ заключилъ двадцатилѣтній миръ со всѣ-

ми державами, и что Марія Луиза и сынѣ ея вскорѣ возвратятся. Всѣ ожидали обнародованія сихѣ актовѣ, вторично возбудившихѣ довѣренность. Но вѣ какое пришли всѣ удивленіе, когда вмѣсто обѣщаннаго мира узнали о второй деклараціи Конгресса, служившей кѣ подтвержденію первой отѣ 13 Марта (н. ст.) Тогда общая довѣренность изчезла, курсѣ упалѣ, торговля остановилась. Не стали вѣрить ни одной изѣ лжей, сочиняемыхѣ вѣ Тюльерійскомѣ кабинетѣ, и вскорѣ увѣрились, что пребываніе Бонапарта на островѣ Эльбѣ не отучило его отѣ обмановѣ. Онѣ началѣ даже смѣяться надѣ общимѣ мнѣніемѣ, отрѣшая отѣ должностей такихѣ чиновниковѣ, которые своимѣ имянемѣ и поведеніемѣ могли доставить его правленію уваженіе честныхѣ людей.

Онѣ хотѣлѣ было поступать жестоко, но приверженцы совѣтовали ему не покидать принятой роли; они думали, что хитростію и коварствомѣ можно будетѣ во всемѣ успѣть. Вѣ засѣданіи тайнаго совѣта 25 Марта положено было безпрестанно твердить о забвеніи прошед-

шаго, помня, что забвеніе не есть прощеніе. Онъ самъ сказалъ 13 Марта со всею Корсиканскою двусмысленностію: *Забываю все, что было говорено, писано* и пр. Но не смотря на это, изъ Парижа выгнали великое множество людей. Е... было поручено сіе отеческое исполненіе.

Начальники тайнаго заговора, призвавшіе обратно Наполеона, выдумали средства для пріобрѣтенія награды за свои важныя услуги; они заняли мѣста, которыя имъ нравились. Сіе-то самое было можетъ быть причиною паденія Бонапарта, которой не имѣя свободы выбрать ни одного Министра, былъ окруженъ ненавистными для него Якобинцами. Съ другой стороны убійцы Короля и республиканцы старались ввести образъ правленія 1792 года, а Императорскую власть ослабить.

Старались обмануть Лондонскій кабинетъ блистательными обѣщаніями — но тщетно. Австріи уступали три провинціи. Наконецъ всѣмъ державамъ хотѣли дать во Франціи поручительства, чтобъ утвердить договоръ съ ними заключаемый. Такъ поступалъ человѣкъ, увѣряв-

шій, что никогда не согласится на раздѣленіе Франціи и обѣщавшій умереть за сохраненіе ея независимости! Сей нещастный не умѣетъ умереть; онъ почиталъ бы себя щастливымъ, еслибъ могъ остаться Королемъ Парижскимъ или Маль-Мезонскимъ.

Гнусные бумагомаратели получили порученіе насмѣхаться надъ Бурбонами и ихъ правленіемъ; повторять ежедневно, что они хотѣли возстановить десятину и феодальныя права; ибо знали, что это средство совершенно удается для обольщенія крестьянъ и другихъ легковѣрныхъ людей, которые не умѣютъ разсуждать и не знаютъ, что возстановленіе такихъ повинностей, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, вовсе невозможно, и что объ этомъ никогда и не думали, по тому что по настоящей системѣ податей, помѣщикъ и земледѣлецъ платятъ по крайней мѣрѣ четыре десятины, не взирая на то, производитъ ли земля что нибудь или нѣтъ. Мнимые путешественники утверждали, что деревенскіе священники строили уже житницы для принятія десятины; говорили также о покупкахъ наці-

ональныхъ имѣній, у которыхъ были отняты имущества, и тому подобное.

Опредѣлено было разослать по департаментамъ Проконсуловъ съ неограниченнымъ полномочіемъ, чтобъ оживить ихъ ревность. Безбожникъ *Померейль* предложилъ немедленно свои услуги и отправился въ Стразбургъ. Благочестивый *Дежерандо* поѣхалъ въ Мецъ, Гасконецъ *Бедохъ* въ Мезіеръ, *Пеллетье Сенъ Фарже*, глупый, но ревностный слуга своего властелина, въ Діеппъ, *Франсуа де Нантъ* въ Канъ, *Боасси д'Англасъ* въ Бордо, Т.М..., братъ начальника Якобинско-Императорскаго заговора, *Бурдонъ де Вотри*, въ Гренобль, *Клеманъ де Рисъ* въ Туръ, *Редереръ Колешанъ*, *Тибодо*, *Міотъ Киннетъ*, *Шассе*, *Дюмоларъ*, скучный *Дюмоларъ*, *Понтекульнъ*, всѣ сіи люди и еще многіе другіе, которыхъ не назову, отправились повсюду подобно злымъ духамъ, исходящимъ иногда изъ ада для развращенія людей.

Декретъ отъ 31 Марта причинилъ новую заразу — Полицейскихъ чиновниковъ! Ихъ число и усердіе было столь велико, что надлежало завидовать глухо-

нѣмымъ. Большая часть изъ нихъ служила всѣмъ партіямъ, и въ правленіе Робеспьера, Директоріи и Наполеона играли они разныя роли.

Съ 1789 года не говорили никогда такъ много о независимости и свободѣ, какъ по прибытіи Махіавельскаго Императора, и никогда мысли такъ не были стѣснены, какъ въ сіе время. Торжественно провозгласили свободу писненія; а чрезъ нѣсколько дней въ публичномъ донесеніи назвали эту свободу хитростію, чтобъ узнать тѣхъ, которые распространяютъ мнѣнія, противныя духу Правительства.

Карно съ дерзостію говорилъ: Его Величеству весьма непріятно, что нижніе почтовые чиновники перехватываютъ письма. — Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что нижніе почтовые чиновники перехватывали письма. — А также всѣмъ извѣстно, что до низпроверженія Императорскаго правленія тайна переписки всегда была нарушаема, и что журналы, въ которыхъ слишкомъ свободно писали о Государствѣ, объ арміи и т. п., были

удерживаемы (1). Сей же самый Карно, которой показываетъ, будто слѣдуетъ правиламъ умѣреннымъ и великодушнымъ, слушалъ всякіе доносы и приказалъ отрѣшить отъ должностей всѣхъ чиновниковъ, опредѣленныхъ въ правленіе Короля. Не разсмотрѣвъ, полезны ли эти люди своими трудами и познаніями, разспространилъ онъ сіе отрѣшеніе на всѣхъ подчиненныхъ его Министерству, и въ нѣсколько дней множество отцовъ семействъ лишились дневнаго пропитанія отъ личнаго мщенія и ненависти Г. Карно.

(*) Такимъ образомъ Journal géneral (Всеобщій журналъ) былъ часто удерживаемъ; а главный издатель онаго, Г. Фельянъ, человѣкъ достойный уваженія по своимъ талантамъ и правиламъ, просидѣлъ нѣсколько дней подъ арестомъ за то, что жаловался на сіе притѣсненіе. Одинъ Полицейской чиновникъ требовалъ, чтобъ онъ впредь выпускалъ изъ журнала то, что непріятно Правительству. „Государь мой!" отвѣчалъ онъ, „я буду выпускать впредь одинъ только слогъ: Journal géneral будетъ называться: Journal géné (т. е. Журналъ стѣсненный)."

Надлежало сочинить новую конституцію, для того, чтобЪ занять чернь, которая всегда сЪ охотою ее принимаетЪ, хотя бы для того, чтобЪ имѣть удовольствіе надЪ нею посмѣяться. Разсудительные, искренніе Бонапартисты думали, что Бонапарте, наученный нещастіемЪ, дастЪ имЪ конституцію свободную; но вЪ какое удивленіе пришли ревностнѣйшіе приверженцы, когда увидѣли это безобразное сочиненіе беззаконнаго Епископа и воспитанника Г-жи Сталь! СЪ сего времени НаполеонЪ лишился вліянія на разумнѣйшихЪ изЪ своихЪ приверженцовЪ. Хотя корыстолюбіе и слѣпая страсть сохранили при немЪ нѣсколько изЪ дерзновеннѣйшихЪ; но и тѣхЪ потерялЪ онЪ чрезЪ нѣсколько дней отЪ множества ошибокЪ, которымЪ найдемЪ мало примѣровЪ вЪ военной исторіи.

Должно было принять эту конституцію. Извѣстно, какЪ поступаютЪ во Франціи, чтобЪ принудить народЪ кЪ принятію чего нибудь. ВЪ полицейскихЪ канцеляріяхЪ составляютЪ реэстры, наполненные словами *да* и *нѣтЪ*. ВсѢ занимающіе казенныя должности и желающіе

жить, подписываютъ *да;* всѣ тѣ, которые не страшатся ни темницы, ни изгнанія, пишутъ *нѣтъ;* а тѣ, которые живутъ независимо, не подписываютъ ни *да*, ни *нѣтъ*. Таково было принятіе седьмой и послѣдней конституціи, столько же несовершенной, какъ и прежнія. Сверхъ того вздумали еще сыграть комедію на Майскомъ полѣ. Всѣ смѣялись надъ этимъ фарсомъ, столь часто повторяемымъ въ теченіи двадцати лѣтъ; одинъ только Карно, которой никогда не смѣется, говорилъ объ этомъ съ важностію. Онъ обьявилъ, что всякой, кто не подпишется, лишится своего мѣста. Иногда и подписавшіеся лишались мѣстъ. Это случилось съ Г. Гизо, котораго Министръ еще сверхъ того оскорбилъ, естьли только можно быть оскорблену такого рода Министромъ, напечатавъ въ газетахъ, что Г. Гизо увольняется отъ службы не за то, что не подписалъ конституціи (ибо онъ это сдѣлалъ первый), но по другимъ причинамъ. Этотъ самой человѣкъ жаловался прошедшаго года на пристрастіе Королевскаго правленія, на оказываемую роялистамъ и эмигрантамъ

благосклонность, а нынѣ самъ съ яростію преслѣдовалъ своихъ противниковъ.

Толпа Парнасскихъ самозванцевъ прославляла добродѣтели великаго Наполеона; безплодное сіе поле произвело мало цвѣтовъ. Въ каждомъ тракшрѣ, въ каждомъ кофейномъ домѣ сіи неутомимые рифмачи осыпали гостей цѣлыми дюжинами своихъ строфъ. Все это служило только для препровожденія времени; но какую пользу могло привести Его Величеству? Обмануть Французовъ, увѣрить ихъ, что Марія Луиза будетъ присутствовать на Майскомъ полѣ, было не трудно; но какимъ средствомъ образумить упрямаго тестя, который съ презрѣніемъ отсылалъ миссіонеровъ, когда не оставалось никакой надежды обольстить Кабинеты? О! достойный начальникъ всѣхъ полицейскихъ лазутчиковъ, вѣрной, разумной совѣтникъ! сколь дрогоцѣненъ долженъ ты быть въ глазахъ такого человѣка, какъ Бонапарте! Правила твои непреложны. *Государь, когда онъ забываетъ гласъ крови, надобно его отравить!* Прекрасная логика! Но

какъ исполнить? Ты находишь къ тому средство, избираешь Сеидовъ, и съ твоей стороны не льзя опасаться вѣроломства: ты дѣйствуешь деньгами и злодѣями. Они вкрадываются въ Гентъ и въ Вѣну. Герцогъ Фельтрскій уничтожаетъ заговоръ,— Людовикъ спасенъ. Принцъ Талейранъ примѣтилъ также чудовище, которое готовилось исполнить страшное свое порученіе; Марія Луиза получила немедленно приказаніе объявить отравителю, что союзъ между ею и имъ разрывается. Выгнали со стыдомъ всѣхъ окружавшихъ Эрцгерцогиню Французовъ, Г-жу Монтескю, воспитательницу Римскаго Короля, Меневаля, Секретаря, даннаго ей Бонапартомъ, и пр. Однако Бонапарте, которой никогда не унываетъ въ бездѣльничествахъ, не хотѣлъ упустить случая сыграть комедію. Онъ приказалъ ввести въ Парижъ съ торжествомъ кареты, посланныя на встрѣчу Маріи Луизѣ, и всѣ думали, что сія Принцесса находится въ Сенъ-Клу или въ Елисейскомъ саду. Сочинили ложной мониторъ, которой разослали во многіе Департаменты: въ немъ находилось извѣстіе о прибытіи

Императрицы и сына ея въ Парижъ; о восторгѣ, причиненномъ ихъ присутствіемъ; о надеждѣ политиковъ, извлекаемой ими изъ сего происшествія. На бульварахъ выставили снова маленькія картинки, представляющія Марію Луизу и ея сына, молящагося Богу о своемъ отцѣ и Франціи; на другихъ было изображено, что онъ благодаритъ Бога за возвращеніе своего высокаго родителя; — Государственная казна возбудила геній граверовъ — какъ онъ срываетъ лавры для храбрыхъ воиновъ. Какіе обманы! Ни Марія Луиза, ни маленькой Наполеонъ не являются, и грубая ложь возбуждаетъ общее презрѣніе къ виновнику ея, которой хотѣлъ выиграть только недѣлю, чтобъ попытаться, не льзя ли преклонить на свою сторону Швейцарцевъ льстивыми обѣщаніями независимости; но тотъ, которой никогда не держалъ своего слова, не можетъ соблазнить народа, знающаго вѣру и вѣрность.

Мюратъ былъ побѣжденъ; Италія получила свободу; не оставалось болѣе никакой надежды. Надлежало снова дѣйствовать во внутренности Государства,

чтобъ устрашить Державы всеобщимъ вооруженіемъ, между тѣмъ какъ въ Гаврѣ, Дюнкирхенѣ, Бордо, Лангедокѣ, Вандѣ и почти во всей Франціи видно было совсѣмъ тому противное. Для сего взялись за постановленіе 1793 года, чтобъ одну часть народа побудить къ бѣшенству, а другую содержать въ повиновеніи; но все это не было удачно. Рѣшились возмутить города. Нѣкоторые люди, потерявшіе добрую славу, обанкрутившіеся, которыхъ Бонапарте привлекъ на свою сторону уплатою ихъ долговъ, согласились учредить поголовное ополченіе. Честнымъ, мирнымъ ремесленникамъ угрожали изгнаніемъ изъ мастерскихъ, гдѣ они доставали пропитаніе себѣ и своимъ семействамъ, естьли они не пойдутъ въ ополченіе; грозили также угольщикамъ, водоносцамъ и другимъ простымъ работникамъ отнять у нихъ билеты и номера, естьли они не найдутся на назначенномъ мѣстѣ. Туріо, Генеральный Стряпчій въ Апелляціонномъ Судѣ, одинъ изъ Королевскихъ убійцъ, сочинилъ адрессъ отъ лица ополченныхъ, а нѣкоторые негодяи подписали его именемъ предмѣстія,

составляющаго пятую часть народонаселенія въ Парижѣ. Назначили день для представленія Его Императорско-Королевскому Величеству ополченныхъ, которыхъ національная гвардія должна была провожать до дворца. Ничего не было смѣшнѣе этаго маскерада, которому съ 1793 года не видали примѣра. Пѣли Якобинскія пѣсни, Марсельской маршъ и другія произведенія знаменитыхъ дней революціи, находившіяся у старѣйшинъ сего сборища еще въ свѣжей памяти.

По прибытіи къ Тюльерійскому дворцу, члены сего ужаснаго скопища устрашили самаго Наполеона; онъ привѣтствовалъ ихъ коротко и быстро проскакалъ мимо ихъ верхомъ. Онъ имѣлъ причину ихъ опасаться; ибо между ними могли быть родственники или друзья тѣхъ, которыхъ онъ въ Вандеміерѣ приказалъ перестрѣлять картечами. Надежда получить безъ большаго труда вино и деньги мѣшала имъ примѣтить сію неучтивость Его Величества. *Каррету* поручили разгорячать головы ополченныхъ, и онъ въ семъ дѣлѣ оказалъ великую ревность: не щадилъ ни воззваній, ни рѣчей, которыя

диктовали ему заговорщики. Онъ имѣлъ свой клубъ въ *Тиволи.*

Въ то же самое время строили земляныя укрѣпленія для защиты Парижа, какъ увѣряли. Въ сей работѣ употреблялись ополченные, а для крайняго уничиженія національной гвардіи принудили каждый легіонъ посылать ежедневно на эту же работу по двѣсти человѣкъ. Журналы увѣряли провинціаловъ, что Парижскіе франты работаютъ лопатками на высотахъ Монмартра и С. Шомона изъ усердія и ревности. Издатель *Цензора* довольно ясно обнаружилъ ревность національной гвардіи къ сему полезному занятію, сказавъ въ одной изъ своихъ книжекъ Іюня мѣсяца, что Парижская національная гвардія получила приказаніе *добровольно* работать при укрѣпленіяхъ.

Первымъ слѣдствіемъ сего смѣшенія было то, что чернь, рѣдко полезная для правительствъ, которая, получивъ однажды свободу, бываетъ неспособна къ обузданію, сдѣлалася наглою. Вскорѣ потомъ ополченные получили приказаніе выступить въ походъ, и сіи нещастные ремес-

ленники отправились къ арміи подъ именемъ добровольныхъ стрѣлковъ.

Вздумали издавать журналъ, приличный понятіямъ и образу мыслей ополченныхъ, подъ именемъ *Патріота* 1789 года; гораздо лучше было бы назвать *его патріотомъ* 1793 года. Въ этомъ журналѣ надлежало употреблять языкъ бѣшеныхъ кровопійцъ революціи, и потому не льзя было сыскать достойнѣйшихъ довѣренности издателей, какъ *Реаля,* патріота 1789, 1793, 1794, 1803 и 1815 годовъ, и всѣмъ извѣстнаго *Меге де ла Туша*, пріобрѣтшаго столь ужасную славу. Издатели оправдывали въ немъ царствованіе ужаса и доказывали необходимость доносовъ. Этотъ журналъ раздавали на площадяхъ и разносили по многолюднѣйшимъ частямъ Парижа.

Говорятъ, что ополченные, проходя чрезъ нѣсколько дней послѣ своего представленія мимо павильона (ибо ихъ заставляли иногда дѣлать такія прогулки), кричали: *да здравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ нація! долой скуфьи!* и что Бонапарте сказалъ къ окружавшимъ его: »Однакожъ на Майскомъ полѣ надоб-

на намъ скуфья.« Изъ этаго родилась странная мысль отслужить Католическую обѣдню подъ чистымъ небомъ, предъ чернію всѣхъ возможныхъ вѣроисповѣданій. Это показалось всѣмъ нарушеніемъ вольности, которую хотѣли обнародовать и въ сохраненіи которой Католики, Простестанты, Жиды, Атеисты должны были дать присягу на Евангеліи. Сіе богослуженіе было насмѣшкою надъ Католическою религіею; ибо въ Палатѣ Депутатовъ не находилось ни однаго Священника для представленія класса людей, составлявшаго въ 1789 году третію часть народа; что доказываютъ такъ называемые національные цвѣты Франціи: бѣлой означалъ, какъ извѣстно,— Короля и дворянство, красный— духовенство, а голубой — народъ.

Со времени возстановленія Императорскаго правленія все превратилось вверхъ дномъ. Національное Собраніе 1815 года, не имѣвшее опредѣленной цѣли, не могло оказывать дѣйствительныхъ услугъ тиранству, коего подпоры лишились своего вліянія. Большая часть депутатовъ была избрана меньшимъ числомъ голосовъ,

находившихся въ Избирательныхъ Коллегіяхъ; даже цѣлые классы гражданъ не были къ тому призваны.

Начинщики мятежа, бывшіе въ Собраніи, производили революціонныя движенія, которыя устрашали самаго Бонапарта. Наконецъ осмѣлился онъ отправиться къ арміи. Произошелъ споръ; ибо давно уже перестали разсуждать и совѣтоваться спокойно, какое дать ему названіе, *героя* или *спасителя отечества*. Умнѣйшіе Члены Палаты замяли это предложеніе. Знаменитое сраженіе при Прекрасномъ Союзѣ вскорѣ доказало, сколь неприлично давать льстивыя названія комедіанту, которой посреди ста пятидесяти тысячь храбрыхъ воиновъ, принесенныхъ имъ въ жертву своей безразсудности и слѣпому тщеславію, не умѣлъ умереть. Герой возвратился въ Парижъ не для того, чтобъ оплакивать нещастіе сего ужаснаго для него дня, но для того, чтобъ потребовать новыхъ жертвъ. Не знали, что отвѣчать сему ненасытному кровопійцѣ; произошло мрачное молчаніе, прерываемое только требованіями, чтобъ онъ сложилъ съ себя правленіе. Онъ от-

рекся отъ престола, — смѣшная, ненужная форма; ибо дважды не отрекаются! Онъ сдѣлался всеобщимъ посмѣшищемъ. Для него все равно. Помышляя о новыхъ предпріятіяхъ, оставался онъ въ Парижѣ, не теряя присутствія духа, пока не получилъ приказанія выѣхать изъ земли, упитанной имъ кровію Французовъ. Всѣ его приверженцы онѣмѣли; уныніе заступило мѣсто бѣшенства; онъ одинъ посреди уничиженія былъ спокоенъ. Хладнокровно принималъ онъ благодаренія, выпрошенныя для него однимъ изъ подлѣйшихъ его льстецовъ отъ Собранія, въ которомъ господствовалъ уже величайшій безпорядокъ.

Тогда провозгласили Наполеона II, клялись сохранять 60-ю статью конституціи. Засѣданія сдѣлались бурными: шумѣли, бранились, не смотря на всѣ старанія Г. Президента. Между тѣмъ опасность увеличивалась: непріятели занимали Французскую землю и приближались къ столицѣ; Гг. Перы и Депутаты занимались собраніемъ разсѣянныхъ конституцій и сочиненіемъ списковъ назначенныхъ къ изгнанію.

Бонапарте никогда не думалъ защищать Парижа; онъ надѣялся только этимъ устрашить Союзниковъ и возбудить въ нихъ мысль, что они будутъ сражаться съ народомъ. Между тѣмъ Даву поручена была мнимая защита столицы. Парижскимъ ротозеямъ показывали Монмартръ и высоты Бельвильскія, чтобъ доказать имъ возможность правильной защиты; но не говорили, что съ южной стороны можно овладѣть Парижемъ съ весьма малою силою.

Гг. Перы и Депутаты, которые въ сіе время занимались менѣе отечествомъ и національною независимостію, нежели сохраненіемъ своего имущества и достоинства, отправили къ Союзникамъ посольство для переговоровъ о мирѣ. Они должны были знать, что какъ они не имѣли никакого достоинства, такъ и посланные ихъ не будутъ выслушаны; это дѣйствительно и случилось. Но они думали придать себѣ чрезъ то уваженіе и сохранить свою жизнь; ибо вовсе не имѣли намѣренія слѣдовать приглашенію Бонапарта, которой на Майскомъ полѣ торжественно приглашалъ ихъ умереть по-

добно Римскимъ Сенаторамъ на своихъ Курульскихъ стульяхъ, для избѣжанія Кавдинскаго ига. Этотъ *великій* человѣкъ всегда приглашалъ умирать, а самъ никогда не имѣлъ желанія умереть.

Наблюдатель быстраго полета текущихъ временъ съ удивленіемъ будетъ взирать на щастіе, которое столь долгое время не переставало ласкать бывшаго вѣнценосца, Наполеона Бонапарте; ему предоставляла судьба пользоваться рѣдкимъ щастіемъ. Но теперь — онъ уже отдаетъ отчетъ предъ страшнымъ судилищемъ, отчетъ въ бурно проведенныхъ дняхъ на лицѣ земли. При отбытіи къ мѣсту своего назначенія на кораблѣ Нортумберландѣ спутниками его были тѣни, безпрерывно представляющіяся его взорамъ, крамолы, угнѣтенія и милліоны людей, принесенныхъ имъ въ жертву ненасытному славолюбію. Ни билліардъ, ни vingt-un не могли разогнать сихъ страшилищъ; они, подобно духамъ преисподнимъ, появлялись чрезъ замкнутыя двери, и колебались на стѣнѣ во время ночи при свѣтѣ блѣдной луны. — Но оросилъ ли онъ изсохшее сердце свое благотворными

слезами разкаянія; ибо тамъ, за гробомъ, разкаяніе не произрастаетъ, тамъ: одно возмездіе. — Станемъ продолжать его исторію.

Во время пребыванія своего на островѣ Эльбѣ Бонапарте замыкался во дворцѣ своемъ и не допускалъ къ себѣ никакихъ пріѣзжихъ, кромѣ немногихъ Англичанъ, и даже не позволялъ имъ приближаться ко дворцу. — Всѣ удивлялись сему повѣденію, которое совершенно противно прежнимъ его поступкамъ. Слѣдующее извѣстіе обьясняетъ сіи мѣры, и должно признаться, что онѣ приняты не безъ достаточной причины. Захвативъ верховную власть, Наполеонъ старался загладить слѣды междоусобной войны въ Вандеѣ и прочихъ сѣверо-западныхъ департаментахъ Франціи. Онъ вступилъ въ переговоры съ начальниками партіи роялистовъ, и успѣлъ большую ихъ часть привлечь на свою сторону, заключивъ съ каждымъ изъ нихъ особые договоры. Всѣ получили большія пенсіи подъ разными условіями, на прим. одинъ обязанъ былъ жить въ чужихъ краяхъ, другой не смѣлъ выѣзжать изъ Вандеи, третій долженъ

былЪ жить вЪ ПарижЪ и проч., смотря по характеру каждаго. ИзЪ оставшихся вЪ ПарижѢ БрюларЪ (Brulart) извѢстенЪ былЪ преданностію кЪ Королевской партіи и искуствомЪ вЪ военномЪ дѢлѢ. ЧрезЪ нѢсколько времени, по совершенномЪ успокоеніи Вандеи, БрюларЪ просилЪ у Бонапарта позволенія пріѢхать вЪ ПарижЪ одному изЪ оставшихся вЪ ВандеѢ друзей его, который не смѢлЪ выѢзжать оттуда. Бонапарте отвѢчалЪ ему ласково, что онЪ можетЪ пригласить друга своего пріѢхать вЪ столицу, и что, по прекращеніи всѢхЪ безпокойствЪ, ему нѢчего бояться. — ДругЪ Брюлара, прибывЪ вЪ ПарижЪ, былЪ взятЪ подЪ стражу и разстрѢлянЪ — по именному приказанію Бонапарта. — БрюларЪ узналЪ о томЪ, и вЪ ужасѢ спасся бѢгствомЪ вЪ Англію. Оттуда написалЪ онЪ Наполеону, что онЪ сдѢлалЪ его невинною причиною смерти друга, которой пріѢхалЪ вЪ ПарижЪ, полагаясь на данныя ему БрюларомЪ обѢщанія; что тѢнь умерщвленнаго безпрерывно предЪ нимЪ является и побуждаетЪ его ко мщенію; что онЪ торжественно посвящаетЪ себя сей обязан-

ности и клянется тѣнію друга, своею рукою убить Бонапарта. Брюларъ запечаталъ сіе письмо и послалъ оное различными путями во Францію, а Полиція представила его Бонапарту. Тиранъ смѣялся мечтательному рыцарству Брюлара и забылъ его въ упоеніи щастія. — По возвращеніи Лудовика XVIII въ Парижъ, Брюларъ находился въ его свитѣ, и вскорѣ былъ опредѣленъ въ Губернаторы острова Корсики, съ повелѣніемъ наблюдать островъ Эльбу. На сей конецъ Брюларъ переѣхалъ изъ Аякчіо въ Бастію, лежащую противъ острова Эльбы, куда при благопріятномъ вѣтрѣ можно прибыть въ нѣсколько часовъ. — Бонапарте, узнавъ объ этомъ, вспомнилъ о письмѣ и вздумалъ, что Брюларъ, для исполненія клятвы своей, въ состояніи употребить во зло дарованную ему власть, забыть всѣ предписанія народнаго права, и покусится на его жизнь. — Съ тѣхъ поръ началъ онъ рачительно замыкаться, и брать предосторожности, не вовсе лишнія.

Бонапарте прощаясь съ своими солдатами при отъѣздѣ изъ Фонтенебло, сказалъ: « Съ вами и всѣми храбрыми воинами,

которые мнѣ пребыли вѣрными, я могъ бы продолжать междоусобную войну въ теченіи трехъ лѣтъ; но Франція сдѣлалась бы нещастною, а сіе противно цѣли, которую я предположилъ.« — 8 Апрѣля 1814 года Бонапарте сказалъ сіи слова солдатамъ, которые пребыли ему вѣрными. Онъ былъ тогда окруженъ многими Генералами и сорокотысячною, отборною арміею, самою храброю и воинственною изъ существовавшихъ когда либо во Франціи. Подъ сею личиною любви къ Отечеству, человѣколюбія, безкорыстія, старался онъ возвыситься во мнѣніи народа и скрыть подлыя чувствованія, которыя заставляли его предпочитать безчестное изгнаніе опасностямъ славной смерти.

Не прошло еще года — и сей человѣкъ, которой говорилъ, что хочетъ избавить Францію отъ ужасовъ междоусобія, возжегъ посреди насъ пламенникъ войны. Чего не смѣлъ сдѣлать имѣя 40,000 Французовъ, на то пустился нынѣ съ тысячью разбойниковъ, большею частію Поляковъ, Неаполитанцевъ, Піемонтцевъ! Какъ изъяснить трусость его въ 1814 году и дерзость въ 1815мъ? — Чего онъ хотѣлъ?

чего надѣялся? Должно сказать: человѣкъ сто подлецовъ, у которыхъ новой порядокъ вѣщей отнялъ ужасное право грабить, воровать и обогощаться добычею Франціи и Европы, не могутъ забыть, что управляли нашими судьбами; возвратясь въ неизвѣстность частной жизни, они жалуются на притѣсненіе, потому что сами не могутъ быть притѣснителями. Сіи люди безпрестанно имѣли преступное сообщеніе съ Эльбскимъ изгнанникомъ. Они не преставали питать его безразсудными надеждами, твердили ему ежедневно, что всѣ о немъ жалѣютъ, что ему только стоитъ появиться — и солдаты и граждане окружатъ его особу. Не трудно убѣдить тирана, свергнутаго съ трона, о которомъ онъ сожалѣетъ; и трусъ 1814 года бросился въ 1815 въ самое нелѣпое и дерзкое предпріятіе. Онъ вышелъ на берегъ; но ворота городовъ, долженствовавшихъ принять его, не открываются! Воины, которые вновь долженствовали привѣтствовать его именемъ Императора, отвѣчаютъ наущеніямъ мятежа восклицаніемъ: *Да здравствуетъ Король!* Крестьяне бѣгутъ къ

оружію и бьютъ разбойниковъ, которые намѣрены опустошить ихъ мирныя поля. Великій человѣкъ, который силенъ только тогда, когда вѣтеръ благоденствія его гонитъ впередъ, изумился, нашедъ такой пріемъ, пришелъ въ смятеніе, вѣроятно и въ раскаяніе; но что онъ сдѣлаетъ? Попытается повторить то, что сдѣлалъ въ Египтѣ, въ Россіи, въ Саксоніи: оставить восемь сотъ нещастныхъ, которыхъ привелъ на поле убійства, и, скажу выраженіями прежнихъ его бюллетеней, спасетъ свою особу, не помышляя объ участи своихъ сподвижниковъ. Станемъ надѣяться, что Провидѣніе, утомленное его преступленіями, обманетъ въ сей разъ подлые разсчеты его трусости и предастъ его мщенію законовъ, которые онъ столь часто нарушалъ и попиралъ!

Кто можетъ усомниться въ послѣдствіяхъ сего преступнаго предпріятія? Кто можетъ повѣрить, что Франція подвергнетъ себя всѣмъ бѣдствіямъ междоусобія и войны съ чужими державами? Но нельзя сомнѣваться, что торжество Бонапарта снова приведетъ во Францію

воиновъ всей Европы. И для чего? Развѣ народъ Французскій томится подъ правленіемъ притѣснительнымъ? Развѣ Монархъ Французской деспотъ подозрительный, дерзскій и свирѣпый? Развѣ своеволіе заступило владычество законовъ? Развѣ въ различныхъ темницахъ томятся безчисленныя жертвы? Развѣ кровь льется ручьями на эшафотахъ? Развѣ храбрые воины, превращенные въ палачей, осуждены направлять оружіе свое на безоружныхъ? Развѣ честь Франціи нарушена Лудовикомъ XVIII? Онъ ли привелъ воиновъ всей Европы на землю Французскую, въ нѣдра самой столицы? Развѣ бичь конскрипціи терзаетъ еще Французскіе города и села! Естьли находятся еще нещастные во Франціи, то кто виновникъ ихъ бѣдствія: Лудовикъ XVIII, или Бонапарте? Приверженцы хищника не могутъ обвинять настоящаго и имѣютъ дерзость клеветать будущее. Самая обыкновенная изъ ихъ клеветъ есть обезпокоеніе покупщиковъ національныхъ мнѣній. Они предсказываютъ имъ безпрестанно, что Король, рано или поздно, измѣнитъ собствен-

нымЪ своимЪ законамЪ и отмщаетЪ пріобрѣтенное ими. Должно признаться, что сіи вѣроломныя внушенія возмутили нѣсколько умовЪ. МожнобЪ было противопоставить заблудшимся святость словЪ Короля, который никогда и никого еще не обманывалЪ; но развѣ дѣла не говорятЪ довольно ясно и понятно? ЛудовикЪ XVIII, который нынѣ продаетЪ во многихЪ департаментахЪ непроданныя національныя имѣнія, вздумаетЪ ли уничтожить продажи, сдѣланныя ЛудовикомЪ XVI, или имЪ утвержденныя? Развратные люди слишкомЪ странно полагаются на легковѣріе, или лучше сказать, на глупость, что дерзаютЪ тревожить такими ребяческими слухами, такими нелѣпыми клеветами. Но на все есть время, правосудіе и разсудокЪ всегда одерживаютЪ верхЪ у народа, который не введенЪ вЪ заблужденіе ложнымЪ свѣтильникомЪ страстей: таково нынѣшнее состояніе Франціи. Царствованіе страстей прошло; любовь кЪ порядку и спокойствію одна господствуетЪ между Французами. Революція кончилась. Она кончилась вЪ тотЪ самый день, вЪ который прекратилась борь-

ба мнѣній сходствомъ воли Короля съ волею народа. Король желаетъ сохраненія конституціонной харшіи. народъ желаетъ того же: при такомъ согласіи желаній и любви нѣтъ мѣста хищнику, нѣтъ мѣста междоусобію!

Сообщимъ нашимъ читателямъ письмо Бонапарта къ Государямъ Европы, писанное имъ по прибытіи въ Парижъ, въ которомъ ясно изображается буйство его характера. Всѣ курьеры, которымъ поручено было отвезти оное къ Монархамъ Европы, остановлены были на границахъ и отправлены назадъ. Презрительное молчаніе было единственнымъ и лучшимъ отвѣтомъ на сіе глупое и дерзкое письмо, въ которомъ каждая фраза заключала въ себѣ или ложь или оскорбленіе. Вотъ его содержаніе: »Милостивый Государь братецъ! Полагая, что вы узнали въ теченіи прошлаго мѣсяца высадку мою во Францію, въѣздъ мой въ Парижъ и отъѣздъ Бурбонской фамиліи, истинное свойство сихъ происшествій должно нынѣ быть видно Вашему Величеству. Они суть дѣло непреодолимой силы; дѣло единогласной воли великой націи, кото-

рая знаетъ обязанности и права свои. Династія, которую насильно дали Французскому народу, не была ему прилична; Бурбоны не могли приспособиться ни къ помышленіямъ, ни къ нравамъ его. Франція должна была съ ними вновь разстаться. Голосъ Франціи призвалъ освободителя. Ожиданіе, побудившее меня принести величайшее пожертвованіе, не было исполнено. Я прибылъ, и лишь только вступилъ на берегъ, то любовь моихъ народовъ привела меня въ нѣдра моей столицы. Первая потребность моего сердца есть желаніе наградить толикую любовь сохраненіемъ частнаго спокойствія. Возстановленіе Императорскаго трона было необходимо для щастія Французовъ. Притомъ питаюсь я пріятнѣйшею мыслію, что онъ послужитъ къ утвержденію спокойствія Европы. Достаточная слава увѣнчала попеременно знамена всѣхъ націй; по перемѣнчивости щастія вездѣ за великими побѣдами послѣдовали великія неудачи. Прекраснѣйшее поприще отнынѣ отверзлось для Монарховъ, и я первый вступаю на оное. Послѣ зрѣлища великихъ

битвѣ пріятнѣе будетъ не видѣть отнынѣ другаго неравенства, кромѣ выгодъ мира; другой борьбы, кромѣ священной борьбы щастія народовъ. Франція радуется, что можетъ свободно объявить сію великую цѣль всѣхъ своихъ желаній; ревнуя сохранить свою независимость, Францію поставить непремѣннымъ правиломъ своей политики — уважать и почитать независимость прочихъ націй. Естьли таковы, какъ я имѣю щастіе надѣяться, личныя помышленія В. В. то общее спокойствіе на долгое время обезпечено, и довольно для защищенія Государствъ одного правосудія, возсѣдящаго и бодрствующаго на всѣхъ границахъ. Пользуясь съ удовольствіемъ случаемъ и пр.«

За нѣсколько дней передъ симъ произошли въ Бордо происшествія. которыя доказываютъ, сколь достойны жители сего города тѣхъ личныхъ знаковъ милости, полученныхъ ими отъ великодушнаго своего Монарха Людовика XVIII, которому угодно было дать названіе Герцога Бордосскаго юному Принцу, сыну покойнаго Герцога Беррійскаго. 1815 Года, 28

Февраля (12 Марта), во время пребыванія Герцогини Ангулемской въ городѣ Бордо случились слѣдующія происшествія, описанныя однимъ изъ служащихъ при Ея К. В. Посреди восторговъ радости, возбужденныхъ присутствіемъ Герцогини при годичномъ торжествѣ происшествія столь любезнаго и славнаго для жителей города Бордо, сдѣлалась тревога — и веселость изчезла. Тогда явилась неограниченная преданность, безпримѣрная ревность сихъ самихъ жителей. Бордо будетъ всегда Бордо, воскликнули всѣ, узнавъ о новой опасности..... Они не измѣнили симъ словамъ. Одушевляемые въ присутствіи Герцогини сугубымъ жаромъ, всѣ жители Бордо изъявили желаніе вооружиться для защиты Отечества; всякой предлагалъ свое имѣніе, дѣтей, кровь, жизнь и предъ Герцогинею повторялъ съ восторгомъ клятву умереть за Короля. И линейное войско (тогда еще не совратившееся съ пути чести) снова присягнуло въ вѣрности, и по видимому принимало равное участіе съ жителями въ дѣлѣ Короля. Между тѣмъ гроза на сѣверѣ распространилась съ невѣроят-

ною скоростію. Наконецъ узнали, что трехцвѣтное знамя развѣвается въ Ангулемѣ, и что Генералъ Клозель намѣренъ овладѣть городомъ Бордо. Сія ужасная вѣсть ни мало не испугала жителей. Они на все рѣшились.... и ничего не могли страшиться... Присутствіе Герцогини ободряло всѣхъ... При ней всѣ готовы были презрѣть ужасы и опасности... Жители, будучи увѣрены въ побѣдѣ, естьли только Е. К. В. останется въ городѣ, просили ее не оставлять ихъ. Повсюду желали ее видѣть. Въ сей день, какъ обыкновенно, въ 2 часа по полудни, явилась она въ открытой коляскѣ. Спокойный и твердый ея видъ внушилъ всѣмъ безпечную довѣренность. Жители толпами стекались на дорогѣ, какъ обыкновенно дѣлали, когда она выѣзжала изъ дворца прогуливаться въ окрестностяхъ Бордо; ремесленники, купцы оставляли свои дѣла, какъ будто въ первой разъ ее видятъ. Съ такою же поспѣшностію сбѣгались они и въ тотъ день, чтобъ ее опять увидѣть, благословить и изъявить ей все усердіе, всю любовь свою. Во всѣхъ деревняхъ, чрезъ которыя она про-

ѣзжала, оказывалось такое же усердіе: толпы дѣвушекъ подносили ей букеты, и возвращаясь съ гулянья, нашла она, что улицы, по обыкновенію, усыпаны были цвѣтами. По мѣрѣ умноженія опасности усугублялась преданность народа.

Тронувшись такими знаками любви, Герцогиня не хотѣла оставлять Бордо и желала употребить всѣ возможныя средства для сохраненія Королю, до послѣдней крайности, сего вѣрнаго города. Усугубили ревность и дѣятельность въ составленіи корпусовъ изъ національной гвардіи: ихъ снабдили всѣмъ нужнымъ; и по полученіи извѣстія, что Генералъ Клозель приближается, немедленно отправили одинъ изъ сихъ корпусовъ для защищенія Дордонскаго прохода въ С. Андре де Кубзакъ. Дошло до дѣла. Никогда не забуду той радости, съ которою говорили во дворцѣ: «Наконецъ дошло дѣло до сраженія!» Наше малочисленное войско одержало верхъ, а Генералъ Клозель претерпѣлъ отъ нашей артиллеріи важный уронъ. Ночь прекратила сраженіе, долженствовавшее начаться на другой день съ разсвѣтомъ; но вдругъ нещастный случай,

котораго надлежало опасаться съ давняго времени, причинилъ преимущественно потерю Бордо.

Гарнизонъ крѣпости Бле (Blaye), столь важной для безопасности сего города, взбунтовался, поднялъ трехцвѣтное знамя и присоединился къ Генералу Клозелю, котораго силы отъ того сдѣлались гораздо превосходнѣе нашихъ. Онъ не имѣлъ никакого препятствія, и въ субботу, 1 Апрѣля, явился съ своимъ войскомъ на правомъ берегу Гаронны противъ Бордо. Находясь въ Бастидѣ, онъ былъ отдѣленъ отъ города одною только рѣкою. Оттуда предложилъ онъ капитуляцію. Онъ писалъ, что одна Герцогиня была причиною непріятельскихъ мѣръ, и обѣщалъ, что естьли городъ немѣдленно сдастся, то жители ничѣмъ не будутъ встревожены; что всѣ могутъ оставаться въ совершенномъ спокойствіи, а одинъ Г. Линкъ изключенъ изъ сихъ миролюбивыхъ условій. Всеобщее негодованіе распространилось по городу, и всѣ единогласно повторяли: «Къ оружію! къ оружію! — Мы сразимся всѣ за спасеніе Бордо!» Смятеніе ежеминутно возрастало;

Герцогиня хотѣла на все отважиться, чтобъ поддержать столь мужественное расположенiе гражданъ.

Но для обезпеченiя успѣха противъ Генерала Клозеля потребно было содѣйствiе линѣйнаго войска, стоявшаго гарнизономъ въ городѣ: силы одной нацiональной гвардiи были недостаточны. Не смотря на присягу въ вѣрности, подтвержденную сими воинами, какъ я уже выше сего сказалъ; не смотря на то, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ на большомъ и великолѣпномъ обѣдѣ пили они вмѣстѣ съ нацiональною гвардiею за здоровье Короля, — они совсѣмъ потеряли прежнiй свой духъ; мысли ихъ совершенно перемѣнились; вѣроломные агенты Бонапарта побудили ихъ къ возмущенiю, и по донесенiю Офицеровъ, безпорядокъ въ казармахъ достигъ до величайшей степени — Военные чиновники говорили о страшномъ расположенiи войска, даже въ отношенiи къ Герцогинѣ! Батальонные командиры объявили, что не отвѣчаютъ за безопасность Е. К. В. При сихъ обстоятельствахъ, ей должно всего страшиться, присовокупили они, естьли она

вскорѣ не выѣдетъ изъ Бордо. — Совсѣмъ не такъ думали начальники вѣрной національной гвардіи. Они были увѣрены, что никто не можетъ противостоять взорамъ Герцогини, и ни мало не сомнѣвались, что естьли она покажется линейному войску, то оно возвратится на истинный путь. При соединеніи его съ національною гвардіею, Бордо могъ спастись отъ постыднаго ига, о которомъ страшно было и подумать.

При такомъ различіи мнѣній Герцогиня не колебалась ни минуты въ выборѣ рѣшительнаго намѣренія. »Я поѣду и осмотрю казармы« сказала она, »и увѣрюсь въ расположеніи войска. И въ самомъ дѣлѣ, въ два часа поѣхала она въ открытой коляскѣ; множество Офицеровъ верхами провожали ее. Прибыли въ казарму С. Рафаила. Глубокое молчаніе царствовало при входѣ Герцогини. Она два раза прошла между шеренгами съ величествомъ и благородствомъ, которыя вамъ извѣстны, и стала посреди ихъ, давъ знать, что желаетъ говорить съ Офи-

дерами. Они собрались вокругъ нее. Тогда сказала она имъ: «Господа! вамъ извѣстны происшествія. Чужеземецъ похищаетъ тронъ вашего законнаго Короля. Городу Бордо угрожаетъ горсть бунтовщиковъ; національная гвардія рѣшилась защищать его. Теперь настало время показать вѣрность свою къ клятвамъ. Я рѣшилась напомнить ихъ вамъ и узнать чувствованія каждаго изъ васъ къ законному своему Государю. Отвѣчайте мнѣ откровенно, я требую сего: Намѣрены ли вы вспомоществовать національной гвардіи въ защитѣ Бордо? Отвѣчайте.» — Послѣдовало глубокое молчаніе вмѣсто отвѣта. — « И такъ вы не помните тѣхъ клятвъ, которыя вы недавно подтвердили? Естьли есть еще между вами нѣсколько человѣкъ, которые помнятъ свою присягу и пребываютъ вѣрными Королю, то пусть они выступятъ изъ рядовъ и объявятъ свое желаніе.» Тогда нѣсколько человѣкъ обнажили шпаги. — «Васъ очень мало» возразила Герцогиня; «но я не смотрю на то: по крайней мѣрѣ извѣстны тѣ, на которыхъ можно положиться.»

Нѣсколько солдатъ изъявили ей знаки преданности. »Мы не допустимъ, чтобы васъ оскорбили; мы будемъ васъ защищать!« вскричали нѣсколько голосовъ. »Дѣло идетъ не обо мнѣ, но о Королевской службѣ« отвѣчала Герцогиня съ жаромъ: »хотите ли вы ему служить?« — »Во всемъ, что касается до нашего отечества, мы будемъ повиноваться нашимъ начальникамъ; но не хотимъ междоусобной войны и никогда не станемъ сражаться съ нашими братьями.« Тщетно Герцогиня напоминала объ ихъ обязанности и чести; они ей не внимали. Оставляя ихъ, поручила она имъ соблюдать въ городѣ порядокъ и смотрѣть, чтобъ національной гвардіи не было причинено никакого зла. — Они ей дали въ томъ слово. Герцогиня уѣхала, терзаясь мыслію объ измѣнѣ войска.

Во второй казармѣ требовалось еще болѣе присутствія духа. Возмущеніе было тамъ гораздо сильнѣе, и Герцогиня съ меньшимъ еще успѣхомъ старалась привести ихъ на путь чести. Не смотря на худой успѣхъ, котораго Е. К. В. надлежа-

ло надѣяться и отъ третьяго посѣщенія подобныхъ войскъ, она не хотѣла его оставить. Послѣднія усилія геройскаго ея духа оказаны были въ замкѣ Траомпетѣ. Какая встрѣча была тамъ приготовлена для Августѣйшей дщери толикихъ Королей! Никогда этаго не забуду! Чрезъ темные своды сего крѣпкаго замка вошли мы во внутренность казармы, превращенной въ вертепъ разбойниковъ. Дикіе взгляды, мрачный видъ и жадность къ добычѣ отличали сихъ возмутившихся солдатъ. Герцогиня произнесла къ нимъ сильную рѣчь, которая могла бы тронуть самыя жестокія сердца. Въ другое время она подѣйствовала бы и на сихъ извергов; но они дошли до такой степени заблужденія и звѣрства, что благородныя и трогательныя слова только умножали ихъ ярость. Тщетно изъявляла она съ истиннымъ краснорѣчіемъ свои чувствованія, тщетно проливала слезы. «Какъ!» говорила она, «развѣ не къ Ангулемскому полку относятся слова мои? Уже ли вы такъ скоро могли забыть милости, оказанныя вамъ Герцогомъ Ангулемскимъ?.... И такъ вы не почитаете болѣе своимъ на-

чальникомъ того, котораго называли прежде своимъ Принцемъ? Недавно передо мною подтвердили вы присягу въ вѣрности, называли меня своею Принцессою, — и теперь не узнаете! .... О Боже!» присовокупила она голосомъ душевной скорби, «сколь трудно послѣ двадцати-лѣтнихъ нещастій опять оставлять свое отечество! Я не переставала желать щастія своему отечеству, ибо я Француженка!— Вы же не Французы. Подите, удалитесь!“ Повѣрятъ ли, что въ сію минуту нашелся въ сей толпѣ подлецъ, которой осмѣлился сказать насмѣшливымъ тономъ: *Я ничего не отвѣчаю, потому что умѣю уважать нещастіе.* При одномъ воспоминаніи о такой дерзости вся кровь моя приходитъ въ волненіе: никогда не чувствовалъ я столь сильнаго негодованія. Герцогиня подала знакъ къ отъѣзду. Раздался барабанной бой, и мы опять прошли мимо батарей сего ужаснаго замка съ большею горестію, нежели какую чувствовали при входѣ.

Для облегченія сей горести, Герцогиня вознамѣрилась въ послѣдній разъ сдѣлать смотръ національной гвардіи на прекра-

сной набережной рѣки Гароны. Тамъ ожидало ее зрѣлище, совершенно противное прежнему. — При ея появленіи раздался крикъ: да здравствуетъ Король! да здравствуетъ Герцогиня! Видя на лицѣ ея глубокую печаль, воины усугубляли изъявленія своей преданности. Герцогиня долго не могла говорить посреди сихъ восклицаній. Наконецъ они утихли. — Она встала въ коляскѣ своей, чтобъ многочисленное войско, ее окружавшее, могло ее слышать, и сказала сей вѣрной гвардіи, что ей внушало сердце. Она изъявила, сколь пріятна ей такая ревность и преданность къ Королю. «Я намѣрена» говорила она, «потребовать у васъ послѣдней жертвы; обѣщайте повиноваться мнѣ во всемъ.» — «Кланемся въ этомъ!» — «Хорошо» продолжала она. «Послѣ всего того, что я видѣла, не льзя уже полагаться на помощь гарнизона, безполезно будетъ защищаться. Вы довольно дѣйствовали для чести; сохраните Королю вѣрныхъ подданныхъ до лучшаго времени. Все прочее беру я на себя; повелѣваю вамъ прекратить сопротивленіе.» — «Нѣтъ, нѣтъ, сними съ насъ клятву; мы желаемъ умереть за Короля и

за тебя! «— Народъ толпится вокругъ ея кареты, лобызаетъ ея руки, орошаетъ ихъ слезами и проситъ позволенія пролить свою кровь. Восторгъ доходитъ до изступленія; весь городъ раздѣляетъ оное, и восклицанія жителей: да здравствуетъ Король! смѣшиваются съ восклицаніями національной гвардіи. Герцогиня никогда не находилась въ подобномъ положеніи: она стояла прямо противъ Генерала Клозеля, которой на другомъ берегу былъ свидѣтелемъ почтенія, оказываемаго Е. К. В.; онъ видѣлъ всѣ знаки любви, оказываемые Герцогинѣ: отголосокъ восклицаній доходилъ до него.— Онъ симъ весьма встревожился, и приказалъ навести на эту сторону пушки. Бѣлые флаги развѣвались во всѣхъ окнахъ и терзали взоры сего злодѣя. Никогда сей городъ не представлялъ столь прекраснаго зрѣлища; онъ не могъ при самомъ торжественномъ вшествіи оказать блистательнѣйшихъ знаковъ преданности къ Королю.— Казалось, что число жителей удвоилось. Герцогиня возвратилась во дворецъ; вѣрный народъ ее провожалъ, благословлялъ и во глубинѣ сердца принималъ участіе въ ея горести.

Лишь только мы воротились во дворецъ, началась перестрѣлка; по улицамъ стали носить раненыхъ и даже убитыхъ. Съ часу на часъ приносили къ Герцогинѣ ужаснѣйшія извѣстія, и обьявили, что это еще только предвѣстіе битвы. Полки вышли изъ казармъ; часть остановилась на театральной площади. Они произносили такія угрозы, что Генералы и многіе Офицеры просили Герцогиню уѣхать изъ Бордо. Ежеминутно пріѣзжали отвсюду посланные къ Герцогинѣ съ прозьбами объ избраніи безопаснаго мѣста. Ничто не могло ее склонить къ оставленію сего нещастнаго города; она не могла снести мысли объ ужасной участи, которая постигнетъ жителей по ея отъѣздѣ; жестокая печаль терзала ее. Вдругъ извѣстили ее, что естьли она еще будетъ медлить, то вмѣсто того, чтобъ быть полезною для Бордо, будетъ причиною, что Генералъ Клозель поступитъ съ городомъ гораздо хуже. Когда дѣло дошло до спасенія города и его жителей, она согласилась на то, чего бы никакъ не сдѣлала, естьли бы отсутствіе ея нужно было только для отвращенія опас-

ности, которой она сама подвергалась и для ея личной свободы.

Вѣ восемь часовѣ простилась она сѣ тѣми особами, которыя не могли за нею слѣдовать. Она сѣла вѣ карету и поѣхала вѣ сопровожденіи вѣрной гвардіи, послѣдовавшей за нею верхомѣ для охраненія ея особы. Глубокое молчаніе отчаянія царствовало вѣ городѣ; жители заперлись вѣ своихѣ домахѣ и закрыли окна. Таковы были приготовленія кѣ пріему Генерала Клозеля. И вѣ самомѣ дѣлѣ (какѣ мы послѣ узнали), вошедѣ вѣ городѣ, онѣ спрашивалѣ: не удалились ли всѣ жители? При проѣздѣ Герцогини, не смотря на то, что двери и окна были заперты, слышны были изѣ домовѣ восклицанія: да зравствуетѣ Герцогиня!

При выѣздѣ нашемѣ небо покрылось тучами и пошелѣ дождь; ночь была самая темная; проводники сѣ трудомѣ могли узнавать другѣ друга. Такимѣ образомѣ выѣхали мы на песчаную дорогу, ведущую вѣ Пульякѣ; всю ночь ѣхали мы шагомѣ, и прибыли туда не прежде 8 часовѣ

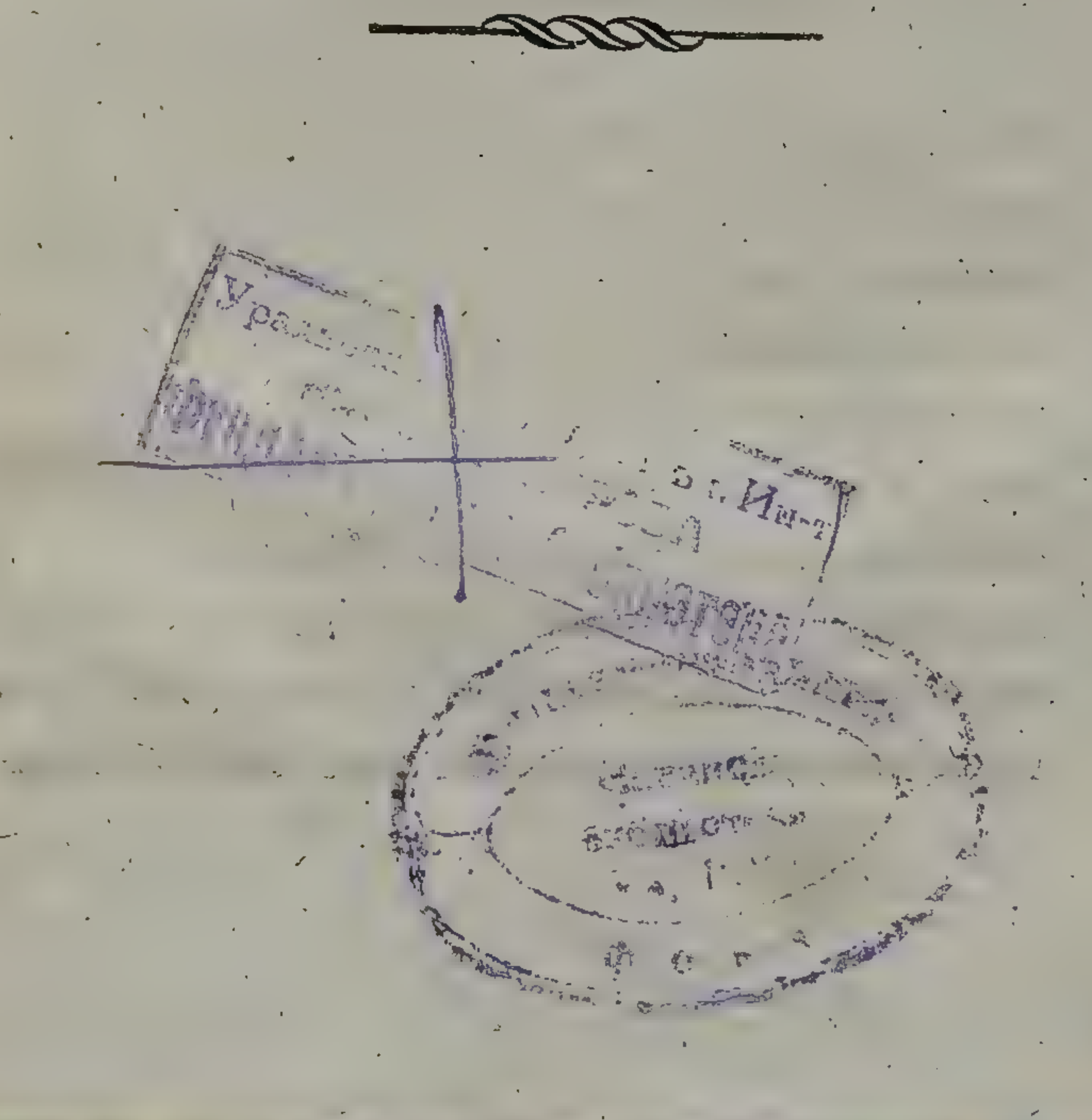
утра въ Воскресенье, 2 Апрѣля (21 Мар.). По выходѣ изъ кареты Герцогиня отслушала обѣдню. Помощь небесная была всего нужнѣе. Сколько пожертвованій при оставленіи Франціи! сколько безпокойствъ, сколько печальныхъ воспоминаній и опытовъ надлежало еще перенести! — Всевышній зрѣлъ сіе, и внялъ усерднымъ молитвамъ.

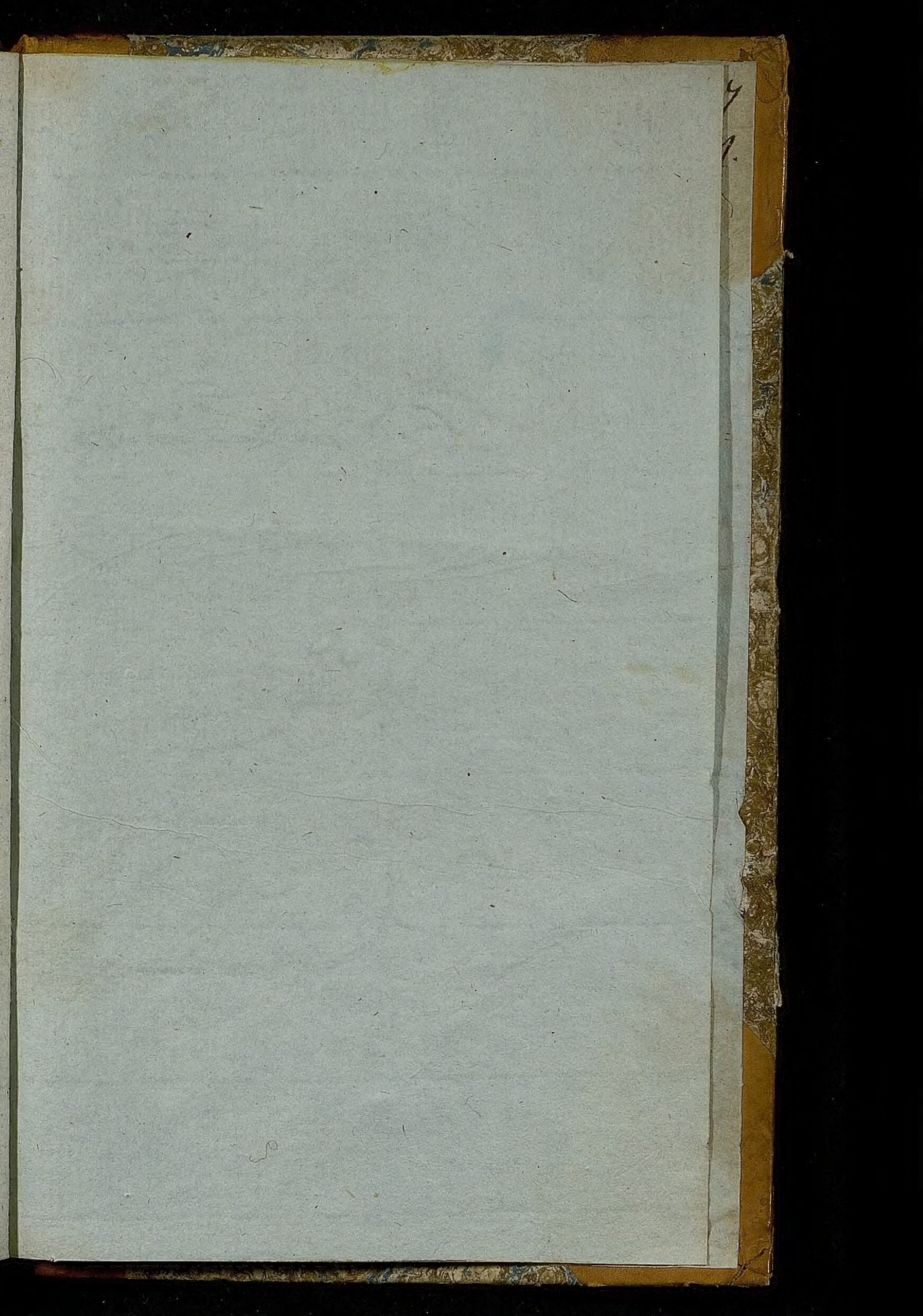
По приготовленіи къ отплытію, сѣли мы въ шлюпку Англинскаго Капитана и подъ проливнымъ дождемъ отправились на военный корабль Vanderer, готовый отвезти Герцогиню въ Испанію, куда она желала ѣхать.

Невозможно описать отчаянія вѣрной гвардіи, провожавшей Е. К. В., когда наконецъ надлежало съ нею разстаться. Усердные подданные сіи на мѣлкихъ судахъ послѣдовали за шлюпкою, и когда Герцогиня вступила на корабль, просили позволенія увидѣть ее въ послѣдній разъ. Она появилась на палубѣ, и раздался печальный вопль. Всякой, для услажденія своей горести, хотѣлъ имѣть что нибудь при-

надлежавшее ей. Роздали нѣсколько аршинъ ея лентъ; число ихъ было недостаточно: она сняла съ своей шляпы бѣлыя перья и раздала ихъ. — Съ какою благодарностію приняли они сей подарокъ; какъ они утѣшались надеждою, что съ сими знаками отличія соберутся нѣкогда на полѣ чести! Подняли паруса, и мы удалились изъ Франціи.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

252

